

СМЕНА

№ 4 ФЕВРАЛЬ 1982

**МИР ХРАНИ,
СОЛДАТ!**

АДРЕС:
гвардейская
Таманская дивизия

ПРОФЕССИЯ:
военнослужащий

КОМСОМОЛЬСКИЙ

СТАЖ:
четыре года

МОИ СЪЕЗД

Моя мирная профессия - механик по сельхозтехнике, военная разведчик. Отец, старший брат и я - потомственные хлеборобы. Но они ещё и солдаты, служили в свое время, как и все мужчины нашего поселка. Теперь пришел мой черед учиться военному делу. Пока биография моя невелика - кончил восьмилетку, совхоз направил учиться в техникум. Но отдел родного хозяйства не отрывался. Работал в каникулы на комбайне вместе с отцом. Меньше 18 центнеров с гектара не собирали. Для липецкой земли это немало. В семнадцать лет наградили меня медалью "За трудовое отличие"; урошай мы тогда собрали знатный. А потом служба.

Товарищи по роте, узнав про медаль, шутили: "с тебя, Виталий, в армии спрос будет особый." Может, оно и так. Но я всё же думал - со всех нас спрос один, высокий. Ведь мы стали солдатами прославленной гвардейской орденоносной Таманской дивизии, и вместе с погонями на наши плечи легла ответственность за покой нашей Родины, за боевую славу части, которая одной из первых была удостоена звания гвардейской. Прямо скажу - нелегко давалась солдатская наука. Но мы мужали с каждым днём, в учениях приходил к нам боевой опыт.

Тишину под впечатлением только что прошедшего полкового отчетно-выборного комсомольского собрания. Разговор шел о самом главном - готовности защищать Родину, общественной активности воинов-комсомальцев. С волнением слушал выступление члена Политбюро ЦК КПСС, министра обороны СССР маршала Советского Союза Д. Ф. Устинова. Перед нами поставлена сложная задача - добиться, чтобы каждый воин дивизии стал классным специалистом, отличником боевой и политической подготовки. Чтобы не было среди нас середнячков. Мы так поняли: эта задача ставится не только перед нами - перед всем армейским комсомолом. Думаю, что об этом будет идти речь и на XIX съезде ВЛКСМ. Ну а мы тестя Таманцев не уроним.

Виталий Кравцов,
гвардии рядовой, разведчик.

Фото
капитана II ранга
Леонида ЯКУТИНА

Наша обложка:
советские
военные корабли
оснащены современным
радиолокационным
оборудованием,
которое помогает
обнаружить далекую
«цель».

- 1** МОЙ СЪЕЗД.
Письмо военнослужащего Виталия КРАВЦОВА.
- 2** Стихи Игоря ЖДАНОВА.
- 4** Продолжаем дискуссиию «ХОЧУ БЫТЬ ПЕРВЫМ».
- 5** ПУТЬ В ЛИТЕРАТУРЕ: ОТ МОЛОДОСТИ—К ЗРЕЛОСТИ.
Виктор ЛИХОНОСОВ.
- 12** РЕШЕНИЯ XXVI СЪЕЗДА КПСС—В ЖИЗНЬ!
Министр строительства предприятий нефтяной
и газовой промышленности СССР, член ЦК КПСС
Борис Евдокимович ЩЕРБИНА.
«ГОРЯЧИЕ МАГИСТРАЛИ СЕВЕРА».
- 15** Валерий ПЕТРОВ. «В ШАХТУ ЗА НЕФТЬЮ».
- 16** «С ОТЦАМИ СВЕРЯЯ ШАГ». Стихи.
- 18** АВТОБИОГРАФИИ.
Борис АЛЕКСАНДРОВ, народный артист СССР.
«ПЕСНЯ В СТРОЮ».
- 20** Елена МОРОЗОВА. «Я РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА...»
- 22** ДЕТСКИЙ ДОМ—ТЕПЛЫЙ ДОМ.
Генрих ГУРКОВ.
«О ТРУБАХ, СКРИПКАХ И ДОБРОТЕ».
- 23** Юрий ЗАРАНКИН. «МИНУТА ТРИУМФА».
- 24** «ОГОНЬ В ИЗЯЩНОЙ УПАКОВКЕ».
«ЭЛЕКТРОННЫЙ НОС».
- 25** РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ.
«ЛАЗЕР В ПОЛЕ».
- 26** ФЕВРАЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.
- 28** Повесть Леонида САПОЖНИКОВА
и Георгия СТЕПАНИДИНА «ТРИ ВЕРСИИ».
- 31** ЭКСКЛИБРИС «СМЕНИ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответствен-
ный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САОУШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ,
В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор А. В. Исаева.

«Береги копейку, малый,
Береги копейку—
Нам пинжак носить пристало,
А не телогрейку.
Ты с деньгой—

Иван Петрович,

Полное почтение,
Без копейки—Ванька-сволочь,
Стыд и униженье.
Ты моей дорогой ранней
Не ходи по жисти,—
От Москвы и до Рязани,
От сохи до кисти.
Пересылки да этапы.
Соловки, Сарапул...
Ты пальто носи из драпа,
По плечам—каракуль.
Певно пелось, слева—билось,
Вроде не бездельник.
Все копил, а что скопилось?
Ни сынов, ни денег.
Жизнь—не жизнь,

случайный промельк,

Гаснущие лица,
Все мечтал: построю домик,—
Некому селиться.
Не ходи моей дорогой,
Не ходи отцовской
И не трогай всуе бога,
Словно Маяковский.
Я не жду сейчас ответа,
Но заверю смело:
Не стреляй из пистолета—
Пакостное дело!
На кладбищенские плиты
Не смотри беспечно:
Даже враг, тобой убитый,
Будет снится вечно.
Положи меня в могилу,
Да вина не пей-ка,
Береги копейку, милый,
Береги копейку».

4

Здравствуй, дед мой!
Одерни китель!
Я с обидой иду к тебе.
Вместе с бабушкой

не хотите ль

Погадать о моей судьбе?
Я, как прежде,—незнаменитый,
Не раскаявшийся ничуть.
Есть такие прыжки—кульбиты,
Я их пробовать

не хочу.

Славы медленная отрава,
Да иронии тонкий лед,
Да друзей-выпивох орава
Нам опомниться не дает.
Время жмет,
Время горбит спины,
Годы катятся

под откос.

Как несмазные машины,
Мы работаем

на износ.

Здравствуй, дед мой!
Червонной масти
Над могилой твоей листва.
Не сердчай,
Пожелай мне счастья,
Долгой жизни

и мастерства.

Сумрак полнится тихим светом...
Не тяжел ли тебе гранит?
Здравствуй, дед мой,—
На том и этом.
Мир один—

и на том стоит.

Здравствуй, дед мой...

1

Мой дед маляр.
Он знает тайну красок.
Его стихия—охра и олифа,
Пропорции, оттенки и тона.
Он совершенно искренне считает
Меня, неискушенного в побелке,
Пустейшим человеком на земле.
Он говорит:
— Теперь такое время,
Великая эпоха инженеров,
Строителей ракет и ледоколов.
Твои стихи сегодня не нужны.—
Дед рассуждает веско и спокойно,
Он пьет вино и шутит,

называя

Шпаклевкой баклажанную икру.
Как рассказать ему,

что в светлых залах

Сидят передо мною инженеры,
Влюбленные в ракеты и стихи?
Геологи скитаются по свету,
Отыскивают солнечные камни.
Я ставил с ними равные палатки
И рушил скалы гулким аммоналом.

Им так нужны в таежном бездорожье
Высокие и смелые слова.

2

Может, это все самообман,
Может быть, со временем устану...
С вечера над сопками туман,
Облака спускаются к Алдану.
И, как будто искры по золе,
Бродят звезды по небу угрюмому.
Человек, идущий по земле,
Что я помню?

И о чем я думаю?

Помню дом у медленной реки,
Зарево над белыми садами,—
Там мои седые старики
На меня гадают вечерами.
Убережь стараясь от беды—
Только бы в тайге не простудился,—
Пишут, чтоб не пил сырой воды,
На сырую землю не пожился.
Но когда холодная роса
Ляжет в травы у речной излучины,
Я усну, по хвое разбросав
Ветками исклестанные руки.
Знаю, что у сердца сберегу
Ваши озабоченные лица,
Думаю, что все же не смогу,
Не сумею к сроку возвратиться.
Где-то плещут синие моря,
Так еще заманчивого много.
И совсем, наверное, не зря
Мне на картах выпала дорога.

✿ Андрею Соколову

Играй, мой мальчик,
мячиком цветным,
Проткни его —
он зашипит шутихой.
Играй, мой мальчик,
шариком земным,
Смотри,
как он подпрыгивает лихо.
Ну что тебе потусторонний рай,
Что ад тебе — наученному в школе!
Играй, мой мальчик,
в салочки играй,
С любовью, смертью,
вечностью — тем боле.
Играй, мой мальчик,
змея запусти,
Ракету засади в любые выси,
Высоких духом свысока прости,
От их старинной веры не завися,
И все равно
не падай, зная край,
А в бедности считай себя богатым.
Играй, мой мальчик,
но не проиграй...
И постарайся быть невинноватым.

✿
Во дворе моем горит листва,
Горит в прямом
и переносном смысле,
Подперты дымом, небеса провисли,
И осень не скрывает торжества.
Соединим начала и концы,
Везде свою найдем закономерность:
Вовеки
и деревья и скворцы
Хранят весне незыблемую верность.
Весна стократ цветистой и нежней,
Пьянят свобода,
легкость и беспечность.
Но осень
человечеству нужней,
Чтоб слушать звезды
и провидеть вечность.

Тост

Я сам это счастье себе напороочил
На горе...
Посмейтесь, ханжи и каналы:
Меня доконали беззвездные ночи,
Бесплодные мысли меня доконали.
Я жил без оглядки
и видывал виды,
В глаза и на солнце смотрел не моргая,
Прощаю измены, прощаю обиды,
Бокал поднимая,
бокал поднимая.
За женщин чужих — без имен и без отчеств, —
Всех тех,
кто лишал и тепла и ночлега,
За долгие ночи моих одиночеств,
За белые хлопья бумаги и снега.
За редкость костров на пути непреклонном,
За клеток домашних надежные дверцы,
За желтые вспышки в мозгу опьяненном,
За новую боль в нетрезвующем сердце.
За все, что случилось,
за то, что случится,
За бред листопадов и ландыши мая,
За горькую радость — позтом родиться
Бокал поднимая,
бокал поднимая.

Памяти рано ушедших
сверстников.

Рухнуть в яму с разбега, с размаха,
Безоглядно стореть до конца, —
Это холод военного страха
Обжигает на взлете сердца.
Ошарашить последнего друга,
Оскорбленного — выгнать взашей, —
Это долгая-долгая вьюга
Закипает в судьбе и в душе.
За цветком потянуться несмело —
Эта нежность так долго спала! —
Голод времени, сердца и тела,
Жажда воздуха, жажда тепла...
Мы уже привыкаем к разлукам,
Но живем, выбиваясь из сил.
Листья падают с каменным стуком
На примятую глину могил.
Частым градом побеги побиты,
Немотой опечатаны рты,
Ваши песни почти позабыты,
Ваших лиц полустерты черты.
Не до строчек вам, не до метаний,
Ни намека земной суеты,
И уже никаких нареканий —
Все понятны, просты и чисты.

О, если б вычислить вперед
Мгновенных чувств
И слов согласность,
Стиха пронзительную ясность,
С которой оторопь берет.
О, если б сразу предсказать
Конец случайного начала,
Душа бы на крик не кричала
И локти незачем кусать.
О, если б в самый ранний срок,
Когда еще с огнем балуем,
Знать цену первым поцелуям
И продолженья первых строк...
Тиранство чистого листа —
Мне незнакомое тиранство:
Стихи приходят из пространства,
И завершенность их проста,
И эта звонкая труба —
Моя пожизненная рента,
И снов цветные киноленты,
И черно-белая судьба.

Вот возьму и уеду
И все прокляну;
Все, что снилось и нравилось мне,
И тебя,
И твою голубую страну,
И зеленые камни на дне.
Ты на ласковом слове
Меня не лови
Да и сердце
Не рви на куски.
Обалдеть от такой невеселой любви,
От такой неизбывной тоски.
Ты чего наболтала,
Чего наплела,
И зачем мне твоя ворожба:
Ведь любовь и разлука —
Простые дела,
И безбожна пустая божба.
Каждый день начинался,
Как смертная казнь,
Только в казнь
Не преступно ль играть?
И терзала меня
То привычки боязнь,
То боязнь навсегда потерять.
Вот возьму и забуду,
Как в небе звезду,
Как названья цветов на лугу, —
На меня
Не смогла ты накинуть узду.
Значит, я все равно убегу.
В пустоте, в одиночестве
Власть погрущу
И другими делами займусь,
Позабудусь,
А после возьму и прощу
И к тебе просветленный вернусь.
Потому что
Мне эта отравка нужна,
Мне единственным светом в окне
Ты сама,
И твоя голубая страна,
И зеленые камни на дне.

Завещание

Это — приход,
Это — расход,
Просто, как дважды два.
Видно, не зря
все же растет
В поле разрыв-трава.
Не от нее ли
На склоне лет
Кружится голова?
Бед не наделаю,
Держать ответ —
Это не дважды два.
Все оставляю тебе, жена,
После смотри не лги,
Только долги уплачу сполна,
Только одни долги.
Все завещаю тебе одной:
Деньги, которых нет,
Свет листопадов,
июльский зной,
Полдень, закат, рассвет.
В каждом ольшанике — по дрозду,
В небе — ломать луны
И обожаемую звезду
Средней величины.

В ноябре какие огорченья?
Страсти, возвращенья на заре?
Разве мы способны на мученья
В добром и счастливом ноябре?
Как наивны школьные конспекты —
Пыльные заветы старины! —
Мы — два цвета,
выпавших из спектра,
И соединиться не вольны.
Кажется, что жизнь еще в зачатке...
Что ж я вздрогнул,
словно под хлыстом?
Это осень бросила перчатку
Мне в лицо
коричневым листом.
Медленно перчатку поднимаю,
В сердце сожаленье, а не страх:
Я не то что осенью —
и в мае
Не боялся
на шести шагах.

Разговор

— Зачем ты,
Неумный,
Стоишь на краю?
Ты, видно, не понял чего-то?
— Такая работа, —
Смеясь, говорю, —
Такая работа.
— Зачем
Упустил ты
Удачу свою,
Обидел за что-то кого-то?
— Такая работа,
На этом стою,
Такая работа.
— Когда наконец
Попадешь ты в струю?
Все ждем,
Да не верится что-то.
— Такая работа, —
В сердцах говорю, —
Такая работа.
— Другой обнимает
Подругу твою,
Глядеть на тебя
Неохота!
— Не ваша забота, —
Без зла говорю, —
Не ваша забота.
— Нелепо
Погибнуть в последнем бою,
Застыть
От смертельного пота.
— Так гнила пехота, —
Я им говорю, —
Так гибнет пехота.

Рисунки
Виктора БЫЛИНКИНА

ВВЕРХ ПО ЛЕСТНИЦЕ...

Не забывать про совесть!

Как это стало уже традицией, в начале каждого года мы открываем на страницах «Смены» новую дискуссию на морально-нравственную тему. Подсказывают ее нам, как правило, ваши письма, уважаемые читатели, в которых поднимаются самые разнообразные и животрепещущие проблемы нашей жизни. Тему дискуссии этого года — «Хочу быть первым» — нам принесло опубликованное в № 1 письмо молодого инженера из Киева Александра Козаря, размышляющего о том, нравственно ли стремиться быть лидером в коллективе, в котором работаешь. Сегодня мы публикуем первые читательские отклики на это письмо.

Быть первым — это прекрасно!

Уважаемая редакция!

Вы начали дискуссию на очень актуальную тему. «Хочу быть первым». То есть хочу быть лидером. Лидером в спорте, в искусстве, в сфере производства. Что ж, желание вполне объяснимое и понятное, если, стремясь к большой цели, всегда помнить о средствах достижения ее, и именно о средствах морально-нравственного плана. Быть лидером в честной борьбе, борьбе трудной, бескомпромиссной — это прекрасно! Нашему обществу очень нужны талантливые люди; им, молодым капитанам индустрии, предстоит решать множество научно-технических проблем. Александр Козарь хочет быть «генералом своей профессии». Это очень хорошо, когда человек стремится к большой цели, стремится достичь вершин в своем творчестве. Только... если это стремление человека со здоровым честолюбием, крепким нравственным потенциалом.

Быть лидером дано далеко не каждому. В силу определенных обстоятельств лидерами становятся люди, зрелые не только творчески, но и наделенные незаурядными личными качествами. Играет роль все: и характер, и интерес, и стремление. Человек с сильной волей, решительный, целеустремленный по природе своей уже лидер. Лично я считаю, что лидерство (в самом лучшем понимании этого явления) необходимо. Оно является как бы одной из составных частей научно-производственного механизма. И если лидерство рождается в упорном труде, в острых спорах, в бессонных ночах и беспокойных, напряженных ритмах работы разума и рук человека — честь и хвала ему.

Жажда славы на первый взгляд может показаться нескромной. Но если слава по-настоящему заслужена, выстрадана, завоевана в борьбе — разве она не нужна? Это только для карьериста важна не сама слава, а, если можно так выразиться, те «пенки», которые он может снять для собственного процветания. Для настоящих же талантливых людей слава — это своего рода крылья, которые дают силу, но не являются причиной столь часто встречающегося порой «головкружения от успехов». Бесспорно, любому коллективу нужен лидер. Он необходим и в производственной сфере, и в сфере нравственной. Ведь настоящий пример вдохновляет нас на новые свершения, помогает преодолевать трудности. Быть честным лидером очень нелегко. Ведь порой встречаешься с такими ситуациями, когда трудно определить, что лучше, что хуже. Но лидер не имеет права пасовать перед трудностями. Получать оплеухи неприятно, тем более незаслуженные. Но надо помнить, что если ты лидер — значит, пример, на тебя смотрят, на тебя равняются.

Лидером быть нелегко еще и потому, что многие могут посчитать тебя выскочкой, стремящимся везде и всюду быть первым. И для того, чтобы все-таки сражаться и побеждать, не прислушиваясь к зловерному шепоту завистников и недругов, надо иметь гражданское мужество и нравственную зрелость. Без зрелости, без морально-нравственного фундамента лидерство быстро станет своего рода манией первенства.

Действительно, плохо, если человек, способный на большее, делает мало. Александр Козарь с явным недоумением пишет о том, что его однокурсник инженер Володя стал простым наладчиком. Здесь я хочу поспорить с Александром. Ведь если Володя хороший наладчик, это неплохо. Было бы хуже, если бы он стал посредственным инженером. Множество причин может быть у Володи к тому, чтобы стать рабочим. Это и стремление к спокойной жизни, и

интересы материальные. Впрочем, это личное дело Володи, так что, пожалуй, не стоит навязывать ему свою точку зрения. Да и можно сослаться на слова самого Александра: «Каждому по способностям». Талант дан не всем: одному больше, другому меньше. Но талант общения с людьми должен быть у каждого, тем более у руководителя, лидера. От него прежде всего зависит температура нравственной атмосферы, накал отношений в коллективе... Действительно, обидно услышать в свой адрес: «ЭВМ». Александр, мне кажется, сам знает причину возникновения столь странного прозвища. Нельзя быть «технической улиткой», замыкаться только в сфере производства. Иногда стоит и поинтересоваться, что у товарища наболело, что он лично, как специалист, думает по данной проблеме и т. д. Некоторые скажут: «Некогда... работа...» Но ведь работают живые люди, и если начальник интересуется, к примеру, состоянием здоровья заболевшей жены подчиненного, разве это умаляет его роль лидера? Нет, наоборот. Ведь коллектив — это, помимо всего прочего, семья, крепкая рабочая семья. И лидер в ней — своего рода старейшина, глава рода. И не страшно, если такому старейшине, скажем, 27 лет, как Александру. Главное, чтобы талант сочетался с человечностью, чтобы сетка математических формул и расчетов на заслоняла души друга, товарища по работе. Ведь наш коммунистический принцип: «Один — за всех и все — за одного». Так как же обойтись без дружбы, без человеческого участия и внимания? Нет, нельзя... Невозможно!

Но есть лидерство и другого плана. Помните Гобсека? И в наше время еще нет-нет да и вынырнет эдакий лидер-приобретатель. Человек как человек, но сидит в нем червь и гложет его. «Хочу, чтобы было у меня дома все особенное, «шикарно-богатое», все не такое, как у других». Посмотришь на такого и улыбеешься невольно: ведь, право, смешно, когда человек носит, словно ошарашенный, по магазинам в поисках хрустальных ваз... «еще две — и будет сто!» Смешно? Да, смешно... Но и противно. С модернизацией науки и техники модернизировалось и мещанство. Никто уже сейчас не станет, как тот Гобсек, собирать скоропортящиеся товары и складывать их штабелями. Нет, современный мещанин любит комфорт. Все заграничное, все «оттуда». И ничего своего, личного. Где уж накапливать знания, если делят вещи: где уж познавать мир и творить, если, «по слухам, сегодня в ЦУМе будет...» Даже книги в красивых переплетах подбираются под цвет обоев. Спросите, читали ли они их. Увы, уверен, только листали... Воистину ужасно мещанское болото — и днем и ночью хочется чего-то особенного, яркого и очень дорогого. Это своего рода духовная болезнь. Ее нужно лечить. И чем раньше, тем лучше.

Лично мне нравятся люди творчески целеустремленные, постоянно ищущие. Люди, жизнь которых наполнена высоким смыслом. Хочу рассказать о своем знакомом. Он художник. Творчество стало его жизнью, всей его сущностью. Знаю, некоторые, прочтя эти строки, ухмыльнутся: «Вот... еще один фанат от искусства». Но если бы эти скептики увидели его в работе, если бы они понаблюдали за его руками, посмотрели в его глаза, уверен, их сарказм и ирония исчезли бы в одно мгновение. Они увидели бы творца, смыслом бытия которого стало воспевание прекрасного, воспевание человеческой доброты и красоты... Вот этот человек лично для меня — лидер. Лидер-подвижник, лидер-творец. На такого хочется быть хоть немного похожим. Я — за здоровое, честное, настоящее и справедливое лидерство, лишенное ядовитой окраски мещанского себялюбия.

Александр СУХОМЛИН,
Херсон

Здравстауи, «Смена»!

Письмо Александра Козаря меня прямо ошарашило. С какой хвастливой откровенностью автор пишет о себе! К категории людей типа Александра я относилась и отношусь крайне отрицательно. Такого лидерства на производстве, каким его понимает Александр, не должно быть. Добиваться своей цели любой ценой? Выбиваться в «лидеры» за счет других? Да это же просто страшно! Если любой ценой, то тогда этот человек может решиться буквально на все, так надо понимать? А где же совесть? Где элементарная человеческая порядочность? Ведь А. Козарь стал начальником цеха, потеснив со своего пути старого человека, который, может быть, давно работал на этой должности. Он, видите ли, находился не «на своем месте».

Обращаясь к вам, Александр, как к своему ровеснику (мне скоро будет 24): «И вы после всего этого спокойно спите, и вас не смущает то, как к вам относятся ваши подчиненные? Кстати, вы пишете, что теперь ваш цех выполняет план. Напрасно вы видите здесь только свою личную заслугу. Ведь план-то выполняется руками рабочих, а вы почему-то не сообщаете, какой ценой удалось вам за год «выбраться из неразберихи». Можно лишь смутно догадываться, в чем тут дело. Вряд ли рабочие видят от вас что-то хорошее, вряд ли им захочется поделиться с вами, как с другом, своей радостью или горем. Вы для них только «ЭВМ».

В 27 лет вы ничем не увлекаетесь, законсервировали себя, не имеете друзей... Это страшно! Не ставили бы себя выше других — они бы у вас были. В жизни человека есть такие моменты, когда друг просто необходим. Друг, которому можно без утайки излить свою душу, который в трудную минуту подставит вам свое плечо, протянет руку помощи.

Вы в письме сравниваете лидерство в работе с лидерством в спорте. Это два совершенно противоположных, на мой взгляд, понятия. Лидерство в спорте оправданно, тут его не назовешь карьеризмом. Потому что спортсмен идет к победе за счет своего упорства, настойчивости, мужества. Спорт не терпит фальши, и именно поэтому в нем всегда побеждает сильнейший. А вы свою карьеру делаете не в честной борьбе. В школе и в институте вы учились только на «отлично». Это похвально, конечно, если человек стремится к знаниям и у него есть способности. Но часто бывает и так, что ребята в классе гораздо лучше относятся к закоренелому двоечнику, чем к круглому отличнику. Человек должен всегда и везде оставаться человеком.

Вот вы, Александр, сейчас метите на должность главного инженера. И если вам предложат должность его зама, снова поставите вопрос: я или он? В таком варианте я почему-тонисколько не сомневаюсь. Если люди указывают вам на ошибки, шепчутся за спиной, то это не из зависти. Нужно к своей цели идти честным путем. Обидно же, например, за абитуриента, не поступившего в институт, потому что на его место за взятку приняли любимое чадо родителей, которые за него решили, где ему лучше учиться. Какой специалист из него получится? Ответ несложный, примеров тому десятки. К вам это, конечно, не относится, вы поступили в институт заслуженно. Но вот дальнейший ваш путь продвижения вверх по служебной лестнице мне не нравится. Это как раз один из примеров чистого карьеризма: к должности — любой ценой! Не знаю, поймете ли вы меня правильно, Александр, но иногда не вредно заняться самокритикой. Покопайтесь в себе, посмотрите со стороны на свои поступки, оцените их самокритично, еще не поздно стать другим. Извините меня за прямоту, но, если у вас есть жена, я ей не завидую».

С комсомольским приветом
Елена НОВИКОВА,
водитель троллейбуса, Омск

От редакции:
Дискуссия «Хочу быть первым» только начинается. Приглашаем всех читателей принять в ней участие и ждем ваших писем.

Путь в литературе: от молодости — к зрелости

Мы продолжаем нашу новую рубрику и знакомим читателей с творчеством прозаика из Краснодара Виктора Лихоносова. Он автор многих книг, в которых тонко и мастерски осмысливает жизнь, прошлое и настоящее России, корни человеческие. Когда молодой учитель с Кубани в начале 60-х годов заявил о себе рассказами, среди которых был и рассказ «Брянские» — сыновняя песнь о людях, на земле живущих и ее красящих, — Лихоносова сразу заметили и критики и мастера литературного цеха. Одного из них, Александра Твардовского, писатель чтит как духовного отца своего творчества. Действительно, Александр Трифонович внимательно следил за тем, по какому пути пойдет творчество начинающего прозаика после удачного дебюта: он был наставником, требовательным и доброжелательным. И он первым услышал мощную ноту, доминирующую в прозе Лихоносова, — живой, трепетный пульс жизни народной в «малых родинках», уголках России. И первая повесть писателя — «Чалдонки» и две последующие, датированные шестидесятыми годами, «На долгую память»

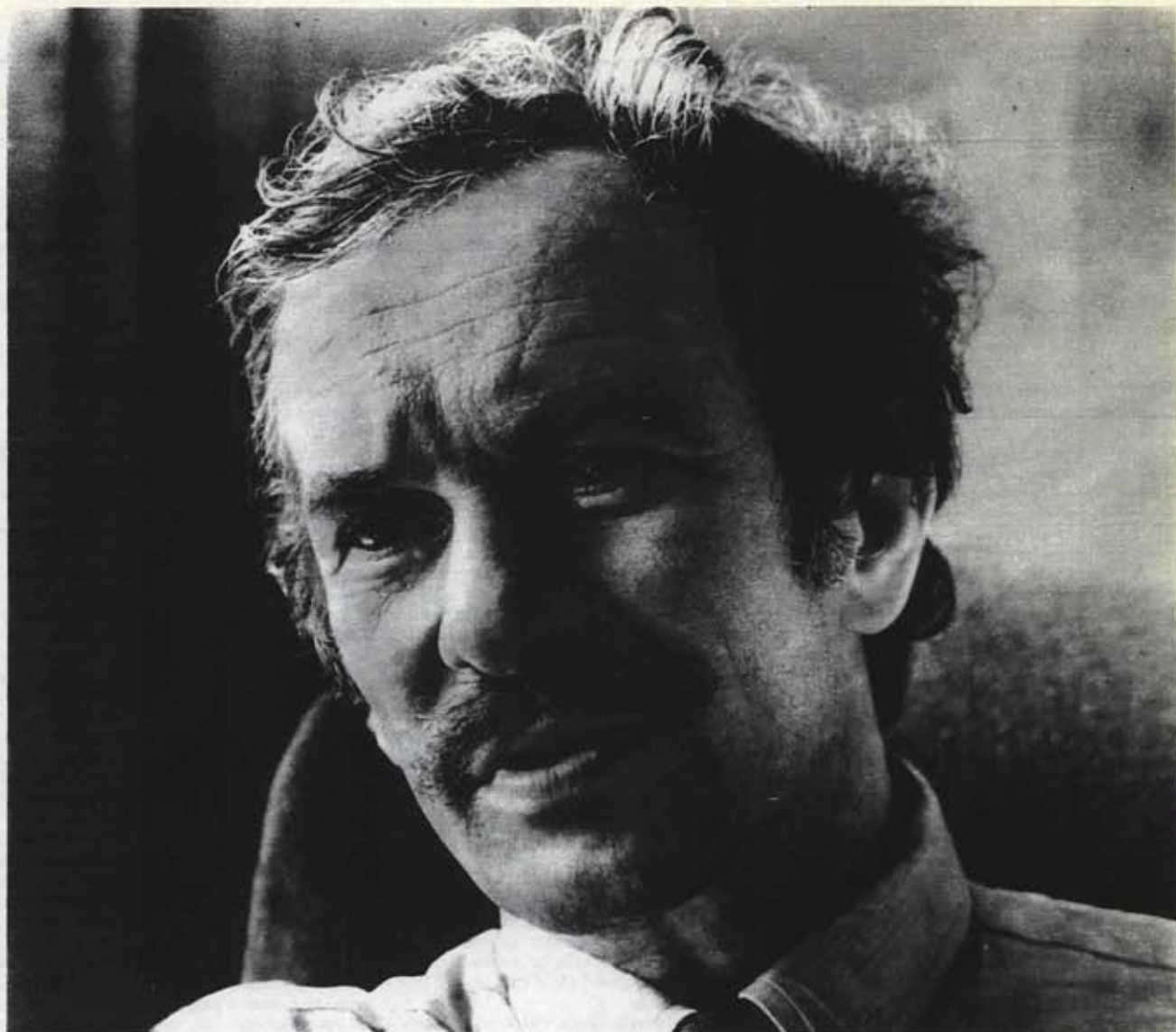

Фото Сергея ВЕТРОВА

ОБРАЩАЯСЬ К ЗЕМЛЕ

и «Люблю тебя светло» — как бы подтверждая мысль Твардовского, ясно показали, что в литературу пришел писатель, светло любящий землю свою и глубоко о ней, о ее людях размышляющий. «Отцы наши и деды землю устроили...» — в этих словах сформулировано чувство сыновнего долга Лихоносова — писателя и человека. Лирико-философское начало формируется и подчиняет себе материал в последующих повестях, близких, по мнению критики, к поэмам, — «Осень в Тамани» и «Элегия». Они пронизаны гражданской жадью познания Родины, ее бесценнейшего духовного богатства — истории и культуры. Вполне естественным кажется поэтому обращение Лихоносова к теме служения искусству — в повести «Чистые глаза» и недавно написанном романе «Когда же мы встретимся?». Как отмечала критика, лучшие герои этих произведений не замыкаются в чисто профессиональных заботах, в своем искусстве они воссоединяют прошлое и настоящее, извлекая из этого урок нравственный, урок зрелой гражданственности. К познанию России, к добру, к осмыслению самого себя, на родной земле живущего и работающего, зовет творчество писателя Виктора Лихоносова.

«Непрост и нелегок творческий путь Лихоносова от простых, как беседа во время зимних сумерек в тепло натопленной избе, пахнущей тестом, березовыми дровами и сухой известью «Брянских» к молитве о русской земле, о ее слове и грустнотливых светлых певцах, которым как бы на роду было написано задохнуться от восторженной любви к родине своей и неизбывной печали за нее. — к «Люблю тебя светло», где Лихоносов каким-то чудом сумел воедино слить слово и музыку, грусть и восторг, гордость и скорбь, жгучую современность и не менее жгучий исторический материал!»

Виктор АСТАФЬЕВ

«Читая его (Лихоносова.—Ред.) прозу начиная с первых рассказов, которыми дебютировал в начале 60-х годов молодой учитель с Кубани, ощущаешь ясность авторского отношения, заинтересованность в судьбах героев. Трогательна нравственная чистота, определяющая тональность этих рассказов, трогательны их герои, все больше русские женщины — жители деревни или городской окраины, работницы, много пережившие и слезнувшие на своем бабьем веку лиха; трогательна их готовность отозваться, прийти на помощь, их неспособность причинить боль, обидеть человека. В самом незаметном, будничном взгляде рассказчика обнаруживается сокрытое душевное тепло».

Олег МИХАЙЛОВ

«Лихоносов не канонизирует прошлое. Он «смотрится» в него, чтобы найти там нетленные черты, которые грех забывать».

Валентин КУРБАТОВ

СЛОВСОЛ

Кубанский поселок Пересыпь, бывший когда-то почтовой станцией, лежит на берегу Азовского моря. По пути из Темрюка в Тамань мы заехали сюда к матери писателя Виктора Лихоносова с его письмом из Краснодара. Очки под руками не оказались, она доверчиво протянула мне конверт:

— Прочитайте, пожалуйста.
Среди разных разностей сын упоминал о редиске, какой угощались у матери в гостях, — очень понравилась дочке Настеньке. Татьяна Андреевна, невеселая, с приветливым лицом, быстрая в движениях, захопота, собирая посылку. Я обещал взять ее на обратную дорогу.

Когда заезжали за гостинцами, мы повстречались с отчимом писателя — Василием Федоровичем, грузным пожилым мужчиной. Он стоял у белой, утопающей в зелени виноградных лоз и фруктовых деревьев хаты, по крестьянской привычке положив тяжелые руки на изгородь. Несмотря на зной, был он в застегнутом темном костюме: нездоровилось «деду», как ласково зовет его Лихоносов. «Дед», похоже, на все руки мастер: шесть лет назад, поселившись с женой на юге, в том же доме, он сам построил во дворе капитальную кухню, подсобные помещения.

Пахло нагретой травой и листьями; малыши цыплята пищали и возились в корзинках у сени. За грядками лука и чеснока, спускавшимися к блестившей воде лимана, лежала на суше лодка.

— Мы с Новосибирска, — говорила Татьяна Андреевна, — знаете такой город?.. Вишня вот не уродилась ночью... А редиска хороша, пробуйте, как хорошо-то похрумкать...

Так вот она какая, Татьяна Андреевна, навеявшая образ Физы Антоновны, матери Жени Бывальцева, из лихоносовской повести «На долгую память». Имена героев, конечно, вымышлены, но название места действия повести, родины писателя, оставлено без изменения — Кривошеково на левом берегу Оби, окраина Новосибирска. В предисловии к одной из своих книг В. Лихоносов пишет о матери: «Я благодарен ей за вынужденное мне широкое отношение к жизни и людям. И писательское восприятие у меня от нее».

Сочную редиску мы пробовали в краснодарской квартире Лихоносова. По своему обыкновению он ел мало, больше курил, отпивая чай из чашки.

— Как хорошо водилось раньше, — скажет он позже, — встречались люди и пили чай. Вино для поддержания разговора вовсе не обязательно. Настоящий друг, товарищ, коллега не обидится, если встретишь чаем, а не водкой. Быть открытым, сердечным в разговоре без вина — в этом больше естества и правды. Отношения должны быть органичными, без всяких допингов. Пьянство, по-моему, от ущербности в воспитании, от долгой привычки жить на даровщинку. Другое дело, когда пьют с горя...

В этой комнате, затененной растениями, увядающими балкон, «пасмурный свет скрадывал худобу» внешности Лихоносова, «глаза выразительно сверкали, дужками летели вверх брови». Как и наяву, были в этом автопортрете из «Тоски-хручины», написанной им в 1966 году, «серые жалостные глаза, нервно-печальное лицо, морщинные лба» (теперь уже и щек) «и прокуренные зубы», подкрученные усы, кудрявые легкие волосы. Я смотрел на него, на полки, заставленные книгами, на столы со стопками

бумаг, слушал его упругую со взывающими интонациями речь и с трудом представлял себе Лихоносова на фоне прокаленного бледно-голубого неба у ленивых волн, омывающих землю с росселью притаившихся станиц. Между тем на берегу моря в поселке, недалеко от дремлющих вулканов, написано много страниц его романа «Когда же мы встретимся?». И все-таки после самой долгой паузы в нашем разговоре он скажет:

— Берез, берез не хватает...
Вырос человек в Сибири, странствовал по России, а родился и возмужал, как писатель, все же здесь. Он рассказывает:

— Приехал я сюда из Сибири двадцатилетним, надо было сменить климат. Часто думаю: как будто сам случай спас меня и физически и творчески. Я попал в такой тихий, зеленый, ласковый город, где душа моя в молодости не была растеряна ни суетой, ни гулом машин, ни бешеным ритмом, ни огромными расстояниями. Я окреп и созрел в тишине и ласковости юга. В большом городе я бы растерялся и никогда не начал писать.

Как и почему учитель с кубанского хутора захотел описать брянских стариков, живущих неподалеку, и смог это сделать с образностью художника в своем первом рассказе «Брянские»? Он и сам знает о том приблизительно:

— Спелось, как песня... И еще я думаю, что, если бы не встретился с брянскими стариками, у меня бы долго-долго ничего не получалось в прозе. Они дали мне дыхание, какою-то музыкальную ноту, и не только музыкальную. Скажем так: ноту правды. А еще надо учесть, по отцу-матери я не сибиряк, не чадон, я среднерусский, воронежский.

Да, песня рождалась не вдруг. Поручкой ее задушевности были и любимые книги Пушкина, Льва Толстого, Бунина. С именем Бунина мироощущение, творчество Лихоносова связалось и по душевной склонности начинающего писателя и в какой-то степени волей обстоятельств.

Однажды, прочитав в московской «Неделе» малоизвестные миниатюры И. Бунина, он послал признательное письмо в редакцию. Ему ответил известный литературовед П. Л. Вячеславов и прислал вырезку из «Вечерней Москвы» с бунинским рассказом «Косцы». Много ли общего может быть у умудренного жизнью литератора и молодого учителя? А нашлось немало заветного. О деле, которому посвятил себя Вячеславов, мечталось Лихоносову, да так, что как-то написал ему откровенно: очень хочу работать рядом с вами, помогать; возьмите, если можно... Как важна, как желанна в начале пути роскошь общения с единомышленником!

Письмо молодого человека из Загорска с примерно такой же просьбой, обращенной к Лихоносову, сейчас он держит в руках:

— Я ответил ему: ни в коем случае! Нельзя человеку, ищущему себя в литературе, покидать такой золотой русский городок... Да и как же иначе. Национальные корни, первородность, жизнь отцов, матерей, предания — основа творчества. Надо жить с людьми долго. Как помогало Льву Николаевичу Толстому то, что перед его глазами проходила вся жизнь какого-нибудь яснополянского мужика (детство, молодость, старость). Завидую Василию Белову, он живет на милой своей родине. Носов, Распутин, Потанин — тоже... Живите среди родных людей, написал я в Загорск... Я хотя и сказал, что юг сберег мою душу, но понимаю и другое: я немало и потерял, вырвав себя из родного гнезда.

Оживленную переписку Лихоносова и Вячеславова прервала смерть Павла Леонидовича.

Воля обстоятельств. Давнишний мой случайная встреча говорит мне сейчас об адресате Лихоносова больше, чем могло бы дотошное изучение их переписки. Мне, шестидесятилетнему пареньку, в Москве как раз в ту пору — в начале шестидесятых годов — пришло познакомиться с П. Л. Вячеславовым и пробыть с ним целый вечер.

В букинистическом магазине на улице Кирова я горячо поспорил с сутулым человеком в поношенном, старомодном пальто об одной из книг Бунина на витрине. Имя этого человека стояло на титулах изданий сочинений Бунина, А. Куприна, а он с вежливой улыбкой выслушивал мои мальчишеские доводы. Павел Леонидович торопился навестить своих родственников и, чтобы поговорить подробнее, предложил пойти к ним вместе.

Через проходной двор мы направились мимо костела на Маршлевке к Сретенским воротам. В этом закутке бурных столичных улиц слова его о Бунине будто бы парили, напоенные теплом весеннего солнца, угасающего в бликах окон обступивших нас старинных зданий. Он говорил о нем так сердечно, по-домашнему, что, казалось, мы и идем-то в гости к радушному хозяину «Ивану Алексеевичу». Но, зачарованный, я глубоко ошибался...

*Желтый флигель в глубине двора...
С покосившимися окошками.
Пахнет штукатуркою и кошками.
Здесь живет редактора сестра,
По утрам томит ее хандра.
Дочь в постели пятый год лежит...
Одолел полиомиелит...*

Эти стихи из поэмы, написанной с моих слов моим товарищем, поэтом Юрой Т., об этой встрече. Образы их точны.

Я почувствовал себя крайне неловко, когда все это увидел и понял. Но ненадолго: здесь жили приветливые, гостеприимные по-старомосковски люди. Да и Павел Леонидович — душа их маленькой семьи — тотчас окрасил мирок небольшой комнаты настроением любви и простоты. Говорят: лучше один раз увидеть, чем сто услышать. Но, слушая Вячеславова, мне чудилось, я вижу Бунина за рабочим столом, на прогулке, глубоко задумавшегося в безлюдной комнате... Дар рассказчика, пронизанный интуицией исследователя.

*«Легкое дыхание»
Наизусть читал,
«Чистый понедельник»...
Свежесть потолка.
В голубых тропинках —
Тонкая рука...*

А Лихоносову увидеть Вячеславова так и не довелось. Зато письма «редактора» грели его тоскливыми ночами, когда грезились «другие места».

Но уже не случайно другой редактор — А. Т. Твардовский напечатал в «Новом мире» «Брянских», которых принес туда «крестный» начинающего Лихоносова Ю. Казаков. Не случайно имена крестного и крестника стоят близости во вступительной статье «О Бунине» Твардовского к девятидесятилетнему писателю: «...Можно сказать и о более молодом поколении советских писателей, прежде всего о Ю. Казакове, на чьих рассказах влияние бунинского письма сказывалось, пожалуй, в наиболее очевидной степени. Из совсем молодых, начинающих

прозаиков, нащупывающих свою дорогу без помощи Бунина, назову В. Белова и В. Лихоносова».

Интересная вещь, несмотря на обширные высказывания в печати о прозе Лихоносова, среди которых наиболее познавательны выступления О. Михайлова, вдохновенным толчком к пониманию этого писателя явилась для меня статья А. Твардовского. Ряд суждений автора о творчестве Бунина можно соотносить и с характеристикой дарования Лихоносова. «Беспорная и непреходящая художническая заслуга Бунина прежде всего в развитии им и доведении до высокого совершенства чисто русского и получившего всемирное признание жанра рассказа или небольшой повести той свободной и необычайно емкой композиции, которая избегает строгой оконченности сюжетом, возникает как бы непосредственно из наблюдаемого художником жизненного явления или характера и чаще всего не имеет «замкнутой» концовки, ставящей точку за полным разрешением поднятого вопроса или проблемы...» «В любой новизне своего времени художник ищет связей с милой его сердцу «старинной». Слабый художник при этом впадает в обычный грех идеализации прошлого и противопоставления его настоящему. У сильного художника лишь обостряется чувство новизны...»

Мастер Твардовский и начинающий писатель Лихоносов, чья проза, как говорил Александр Трифонович, «светится». Беседовали они около получаса однажды и, уж конечно, не касались в разговоре наблюдения, затронутого Твардовским в своей статье: «Первый признак настоящей доброй прозы — это когда хочется ее прочесть вслух, как стихи... Это у нас как-то даже не принято, и сами прозаики, увы, не настаивают на этом...»

Дорого, когда талантливых людей роднит не только духовный облик, но и черточки внешнего поведения. Для Лихоносова наблюдение это — в стиле жизни. Он берет со стола раскрытый том А. Толстого и читает вслух из «Графа Калиostro»: «Алексей Алексеевич не ответил. За окном, куда он смотрел со скукой, на дворе, поросшем кудрявой травкой, стоял рыжий теленок и сосал у другого теленка ушко...»

— Вот деталь, ее не придумаешь. Деталь эта прекрасна потому, что засечена не взглядом, а душою доброго, ласкового человека. Не в метафоричности слова сила и изящество художника, а в движениях души, в том, что я вам только что процитировал. Рассказывая, Виктор Иванович любит заглядывать в книги и записи. Библиотека у него добротная, о Пушкине и Льве Толстом собирает все лучшее. Есть несколько книг на французском языке.

Полновесное устное слово. По-моему, для чтения со сцены лирико-философские лихоносовские вещи: «Элегия», «Осен в Тамани», «Когда-нибудь», — напоминающие романы, не оставляют желать много лучшего. Сама их графическая подача — откровение для исполнителя. Многоочия, «найденные душой», подчеркивающие «музыкальный мотив» произведений, выделены автором иногда в главы. Для театрального же, наглядного воплощения привлекательнее, наверное, его посвященные старшему поколению автобиографические рассказы и повести. Ведь вызваны они, по словам писателя, «исключительно жизненными толчками, не имеют отношения к литературным приращениям». Вещи, подобные «Элегии» (самое любимое Лихоносовым произведение), — от «литературных отцов и матерей». Пытались сделать инсценировки «Тоски-

ЛАСНОСТЬ

кручины», «На долгую память». Лихоносову они не понравились:

— К переработке прозы для кино и театра отношусь скептически. Когда читаешь, в счастливых случаях попадаешь в тон автору. В актерском же исполнении точное восприятие писателя затрудняют даже интонации. Вечно искажается самое дорогое. Предпочитаю Распутина читать, а не смотреть.

— **Насколько злободневным, по-вашему, Виктор Иванович, являетесь ваше последнее крупное произведение — роман «Когда же мы встретимся?», опубликованный в 1978 году? — спросил и его.**

— Мне трудно судить о злободневности моего романа. Я ведь писал о своем поколении. Я получаю письма, и восторженные и гневные. С берегов Амура из воинской части мне написал молодой солдат. Его друг служит за границей. Так вот они, люди позднего поколения, «ухватились» за тему дружбы, которая лиричнее всего звучит, кажется, в первой части, когда героям моим было 18 лет. Что-то им так близко. Есть письма пенсионеров, учителей — очень критические, осуждающие. Людям старшего поколения показалось, что мои герои в 25—30-летнем возрасте слишком вольно, весело и безответственно живут. Я не согласен с ними. У меня, наверное, есть художественные просчеты, и оттого не совсем ясна кое-где позиция героев, а некоторые рискованные ситуации воспринимаются читателями слишком болезненно.

Надо сказать, — продолжил он, — «Когда же мы встретимся?» — запоздалое произведение, его следовало написать лет на десять раньше. Я чуть-чуть изменился, постарел. Открытая лирика стала глуше. Я хотел высказаться о дружбе, любви, об одиночестве. Я мечтал, чтобы был роман, vibrating в себя все, так или иначе касающееся нас в жизни. Чтобы в нем жили даже те люди, с которыми герои лично не общаются. Таким персонажем, например, является писатель Астапов. Тут важно, чтобы не попало литературщины, диссертации. Я думаю, что у меня не все получилось. Но у прототипов героев мировоззрение во многом формировалось под влиянием личности, схожей с Астаповым.

Успех романа Лихоносова. Пожалуй, уместно привести здесь еще одну мысль из статьи А. Твардовского: «Сосредоточенный и углубленно думающий художник, хотя бы он рассказывал о предметах по первой видимости малозначительных, будничных и заурядных, — такой художник вправе рассчитывать и на сосредоточенность, и даже некоторое напряжение, по крайней мере поначалу, со стороны читателя».

— **Виктор Иванович, очевидно, название романа знаменует для вас новый этап творчества, и в отношении жанра в частности?**

— Да, чувствую, что в рамках рассказа, повести тесно стало. Рассказ и роман — лужидка и море. Я люблю, когда герои живут долго. Читателю всегда интересно: что же дальше с ними будет?

Вообще же, когда пишу, не знаю, какой будет размер, что получится: рассказ, повесть, роман, — вещь сама растет. «Когда же мы встретимся?» намечал в объеме 12—14 листов, вышло в 22. Если вещь не исправлять искусственно, не насильствовать, давать героям развиваться вольно; если правда с самого начала расставила точные акценты, то вещь, завертевшись в художественной воронке, сама и закружится. Последнюю точку ставишь не ты, а та жизнь, которую

изображал. Если изображал точно и правдиво.

Сейчас Лихоносов трудится над историческим романом о Краснодаре. Массу времени отдает работе в архивах.

— Историческая тема притягивала меня давно, — рассказывает писатель, — начиналось, как всегда, с душевных движений. «Осень в Тамани», к которой было много набросков, написана не случайно. Будто кто-то позвал меня обратиться к этой теме. Но написать в таком же лирическом ключе исторический роман нельзя. Огромный материал по-другому осмысливается, перерабатывается. И все-таки надо сделать это, не теряя лирики.

— **Что в этом плане вы думаете о задачах писателя?**

— Хороший писатель, на мой взгляд, тот, кому свойственно историческое чувство. Ведь современность — это тоже история, которая проходит или пройдет. Поэтому надо сегодня, сейчас остро чувствовать эпоху, ловить ее мгновения. Во многих современных произведениях не хватает исторической ретроспективы. Почему не оглянуться назад? Ведь не детдомовцы мы, не знающие своих родителей.

— **Кто, как пишущему на историческую тему, наиболее близок вам из современных писателей?**

— Интересно мне в этом смысле романы-биографии Олега Михайлова «Державин», «Суворов». Особенное отношение у меня к историческим книгам Дмитрия Балашова. По-моему, это единственные писатели, пишущий так, будто сам жил в той дремучей Руси, которую мы, быть может, и знаем, но почти не чувствуем. Балашов пишет сочно, досконально. Он и знает и чувствует. Чувствовать Русь надо художнику, чтобы попасть на ту ноту жизни.

Многие наши исторические романы не повествования, созданные волшебным воображением и головокружительной краткостью Пушкина, а нудные, громоздкие изображения забытой действительности. Быт, тенденциозность мыслей угнетают. Имею в виду такую тенденциозность, когда проводят намеренные параллели. Получается это оттого, что писатель не может полюбить и вжиться в эпоху, искусственно притягивает моменты и героев из прошлого, а также лепит деятелей «старинно глубокой» с нынешних людей, якобы подобных судьбой, и, главное, энергией мысли с теми, далекими. Незнание природы русской жизни бывает настолько велико, что страшно видеть, как автор под нее старается подделаться... Повторю: одного знания, изучения мало; прозрение дает душа.

— **Виктор Иванович, вы полтора десятилетия пишете прозу. Что определилось в вашем творческом кредо на сегодняшний день, на ближайшее будущее?**

— Со временем писатель меняется так же, как человеческое лицо с возрастом: появляется в нем что-то новое, но главное остается. Все называют меня лириком. А я, кажется, и не знаю, кто я такой. Я хотел бы быть эпическим писателем. Люблю эпос, больше в него верю. Сюжетность эпических произведений не так обкрадывает действительность, как, скажем, рассказ. Вся душа моя на стороне эпоса... Но чего-то мне хватает, возможно, терпения. Возможно, у меня нет дара сюжетного повествования. А душа готова охватить все.

— **Душа, чувство... Вы относитесь с пристрастием к этим понятиям. Насколько оно связано с процессом творчества?**

— Связано неразрывно. Я считаю, что фраза — это душевный жест. Вся расстанов-

ка слов — от душевного склада писателя. Я прислушиваюсь к той мимолетной, внутренней речи, которую произносишь про себя, ловлю кружение слов. И вот вдруг фраза блеснула (иногда выскакивает целый абзац). Скорее, не фраза, а брожение слов, предчувствие верной ситуации, какого-то поворота в душе персонажа, погружение в тайну. Надо торопиться, чтобы не ушла таинственная, чудесная жизнь. Потом дорабатывай, убирай повторы, ищи слово поточнее. Но это уже дело второе. Нерв пойман! За то, что хвалят, найдено только чувством, душой. Литература — не от головной боли. Русская литература — гармония сердца и ума.

Черниковки у меня очень мало, обычно три варианта. Рукаю себя, надо искать и править без конца. Раньше писал от руки, роман же печатал на машинке, лучше видно текст. Сочиняю, сидя за письменным столом. Если улечусь, посторонние в комнате не мешают. Насколько можно уйти в себя? Знаете, как пишет Распутин? Порой закрыв глаза, бисерно испещряя карандашом бумагу... Вещь где-то там... Великая сосредоточенность!

— **Можно ли так работать ежедневно? Как вы относитесь, Виктор Иванович, к девизу «Ни дня без строчки»?**

— Ни дня без строчки... Он немного помолчал. — Один сказал, а все повторяют. Зачем призывать к этому? Писатель и без того работает всюду и всегда. Сегодня не записал, завтра запишешь, напишешь. Только машинку включают каждый день. Душа устает от ежедневного напряжения. И почему о «муках творчества» повторяют особенно часто? А радость? Наслаждение?

— **Как известно, стихов вы не пишете. Но много в вашей прозе от поэтического видения мира. Что нравится вам из современной поэзии?**

— Многие не нравятся. Будто бы пишут поэты о постороннем, словно на эту нуду ходят. Души не чувствую. Люблю Николая Рубцова. Нравится Владимир Соколов. Трепетное отношение к жизни, правдивость в каждом слове, любовь к своему народу — вот что должно быть во главе угла и творческой и общественной деятельности человека.

В курс общественных забот Лихоносова попал я сразу по приезде на Кубань в кабинет первого секретаря Краснодарского крайкома ВЛКСМ А. Маслова. За полчаса перед мной приходом писатель говорил с ним о проблемах краевых литобъединений. Член бюро местного отделения Союза писателей, председатель совета по работе с молодыми писателями, член Ревизионной комиссии Союза писателей РСФСР, Виктор Лихоносов в работе этой живо заинтересован. Много ездит по краю, встречается с молодыми, начинающими писателями, выступает на семинарах, со страниц газет и журналов. Обращаясь к молодежи в альманахе «Кубань», он говорит: «Искусство не обманешь. Как живешь, так и пишешь. И выветренную душу за столом не раздуть никаким горном... О самом главном для себя нужно писать каждый раз. А главное для себя, если оно искренне и несуетно, становится, как ни странно, главным для всех... Как огня, бойтесь холодных слов... Слово — наш хлеб. И, как хлеб, слово должно быть насущным...»

Потом мы встречались с Виктором Ивановичем во время работы VII съезда писателей СССР, делегатом которого от Краснодарской писательской организации он был. Возвращаясь выступлением на съезде Ф. Абрамова, он с удовольствием говорил о высотах «деревенской прозы».

— Литература наша выросла, созрела и стоит на пороге чего-то нового... — сказал он. Мысль эта отлично раскрыта в пронзительной страстью и болью одной из последних его статей: «Мне, сибирскому горожанину, досадно, что Москва и Ленинград, Псков и Новосибирск остались без своих преданнейших певцов... Я иду по старому Арбату и жалею, что послевоенная московская интеллигенция, да и весь колоритный, типичный московский люд, не воскресли под пером какого-нибудь своего Василия Белова, такого сокровенного, тепло, наполненного преданиями и звуками родной стороны! Вот где мы споткнулись, оплошали, вот еще где мы в жутком долгу перед этим народом, и оттого порою раздражаемся половинчатостью нашей текущей литературы. Нужны певцы, страдальцы за город — какими были «деревенщики» у себя дома... Опишите свои родные гнезда так же сочно, как «деревенщики» свои, пишите без конца, чтобы мы наконец сказали, как про «деревенщиков», — да хватит! сколько можно? И душу нам свою отдайте...»

В заключение Лихоносов сказал:

— На съезде много говорилось о литературной смене. Задачи, поставленные съездом, мы постараемся претворить в бытие творческой жизни у себя на месте. Нас очень беспокоит вопрос о творческой молодежи. Не сомневайтесь: мы не пропустим на Кубани свежий талант, а значит, и поможем ему, протреем. Но на одном благодушии забота о молодых никогда не стояла. Нужна требовательность! Что же касается моих глубоко личных чувств, то они вот какие: я жду появления замечательных, талантливых писателей, которых мы не просто похвалим, примем в наши творческие ряды, но на которых захочется, что называется, молиться. Это будет моей (и нашей) самой большой радостью.

Знойная Москва в дни съезда писателей показала, наверное, Лихоносову особенно шумной, суматошной. Зато осенью вознаградила его умиротворенностью русской Север, где он побывал вместе с писательской делегацией, в составе которой были В. Белов, В. Распутин, В. Потанин.

— Вот закончу роман, поеду по стране. Хорошо бы побывать на родине, на Псковщине, в Костроме, хочется увидеть Тобольск. О поездке в Грецию, Индию пока только мечтаю...

Что еще помогает Виктору Ивановичу в трудах праведных? Хороший футбол, который он любит смотреть по телевизору... Настенька в музыкальную школу поступила... Да много их, житейских разных разностей.

Житейское и возвышенное. Строки из писем, приходивших с кубанского хутора, П. Л. Вячеславов цитировал в своих посланиях в Париж к жене И. А. Бунина В. Н. Муромцевой-Бунинной. Она послала Виктору Лихоносову книгу. Когда он получил ее, Веры Николаевны уже не было в живых. Будто бы завещание держал он в руках, читая на обложке: «Жизнь Бунина»...

Жизнь текущая и жизнь минувшая, запечатленные в сердцах, книгах писателей. Бунин, Вячеславов, Твардовский... Как это у Лихоносова? «Если предаться чувству, то они, наши русские люди, не под нами, а, кажется, растворены в природе, где-то летают... Счастливы бываю... потому что душа моя отозвалась на самое колыбельное, и, значит, не высохла она в нас и в урочные минуты все та же русская, памятливая. А уж что в душе, то и свято...»

Виктор ЛИХОНОСОВ

РАССКАЗ

Давным-давно написал я и напечатал рассказ «Брянские». Он неизменно входил во все мои сборники. Но я и не думал прощаться с моими стариками, еще жившими в том же хуторе, — ездил к ним и беседовал. Теперь, когда их уже нет на свете, я не могу смириться, что они мало поговорили тогда в моем рассказе и тем самым не всю жизнь свою выяснили. Теперь я прощаюсь с ними навсегда.

Автор

Светлой памяти В. М. ШУКШИНА

В один из бесконечных дней, когда у каждого из нас на свой лад складывались труды и заботы, по средней России шел в южном направлении пассажирский поезд. Кто-то в эти часы появился на свет, кто-то заболел, кого-то повысили по службе, иному выпало счастье любить: в деревнях была тишина, по городам русским бежали трамваи, машины — словом, продолжалась великая земная жизнь. В купе поезда сидела старая женщина и рассказывала добрым попутчикам о своем горе.

— Другой год плачу и не верну.

— Плакать нельзя, — робко успокаивали ее. — Эй, не плачь.

— Как же нельзя?

— Страшные сны будешь видеть. У одной так же случилось, и она плачет и плачет. Когда видит сон: иду, говорит, на могилку, встречается кум. «Вон, кумушка, твой сын на могилке сидит. Гляди ж, загорелся, а то он уткет, не увидишь ты его». А я, говорит, платок сняла с головы, загорелась и иду. Он, сыночек, сидит на могилке, книжку читает. Она ближе. «Не подходи, — говорит, — я мокрый, я вылез сушиться на солнышке. Все дети сухие, а я все в воде да в воде. Ты плачешь и плачешь — я мокрый». Не плачь, ему там плохо.

— Ой, не могу. Он ни разу мне не снился. Год подошел — увидела. Поехал мой Терех на Брянщину, а я одна. Призвала внучку ночевать. И снится мне сон. Вот так выношу обед, они сидят с братом моим Минаем, покойником. Несу в двух кувшинниках и знаю, что выпшла я и на правый бок повернула, оны й сидят с Минаем. Я тый кувшин открываю, а там борщ. «Ну, Миша, обедай». «Мам, — говорит, — мои портянки корявы». «Ой, сынок, у меня есть!» Иду, иду холст старинный в сундучке, глядь — появилось местечко, дереву ему портянки от темно-синего полотна. «Мам, это не надо. У меня есть требушки. Готовь обед, сейчас мои товарищи придут». Я сейчас становлю на стол вина кувшинник. Как залазят — одни солдаты!

— А-а...

— «Бабу, у тебя орешки есть?» Я молчу. Я оставила, как сноха-молодица придет. «Ой, милые, Терех мой пастевал скот, а я все опять болела, нету». Не дала. И вот оны не шили и не ели. А я орешки и на поминки берегу, год же подходит. И надо б нам в четверг ставить, в обыденный день, а я возьми на воскресенье, люди ж все дома. Ладно. Во вторник снится сон.

ПРОЩАНИЕ С БРЯНСКИМИ

После обеда три стола накрывали. Идет он с гульни. Стук-стук в окно: «Мам! Есть стаканчик выпить?» «Есть, сынок. Десять литров брыкалки осталось». Накроила хлеба черного, ищу водку и... проснулась. И думаю: «Ой, боже, надо идти на могилки. Это он опять попросил». Я делаю блинов, развожу сметану, варю мясо. А я привезла с могилы его, с Целинограда, землю, и куда ж мне вспать? Всыплю я земельку на Иванову могилку, в колхозе его кони разбили. И хожу туда поминать Мишу. Зову старушек, и поминую. Отрезала метру полотна — отдам старику на жертва, одинокий, на ему метр на портянки. А теперь опять не снится. Оны ждут этого дня. Говорят, поминать не надо. Оны ждут.

— Это к лучшему, что не снится. Надо, чтоб забывался, иначе с ума сойти можно.

— Да тоже правда.

Ездил она на Брянщину проводить внуков, обошла всю родню и возвращалась усталая. В Джанко была пересадка, четырнадцать часов приходилось дожидаться поезда на Керчь и через пролив. Она выбрала женщину лицом добрее и под села к ней с чемоданом, в который наложили ей сват и сватья домашних подарков. До того, пока скучала на скамейке одна, сердце вызывало ее на разговор с родными.

«Детка, — видела себя она снова перед снохой, — тебе ешо тридцать годков. Чего ж ты одна будешь?»

«Мамочка, — теми же словами, что и на дороге в поле, отвечала сноха, — не найду я теперь такого».

«Что ж, милая, такого искать... Это далеко искать, из далекой, глубины... Может, попадется хороший...»

«Их теперь хороших нету. Приму да буду плакать только с ним, стенки лизать...»

«Ну, ня обжайся, невестушка, — просила она, обнимая, — ня обжайся, что письма вовремя не пришло. Пойду к Лукерье — она не может письма сообразить: как начнет писать, слезами обсыпает листок. Если б я жила ближе, я б к вам ходила, детки, делилась бы одним слезочком с тобою. Ой, горе, ой горе, — мотала она головой, — ой, сыночек ты мой родной, — закричала на все поле, — да ручечки твои были рабочие, да ручечки были магнитом наполнены, солнышко мое пригреваешь, на что, ни взглянешь — все сделаешь!»

«Мамочка, ну что теперь, что ж нам...»

«Ой, не могу! — клонилась она к снохе. — Как зажмурюсь, все стоит в уме. Согласна бы к нему живая лечь. Прощайте, детки, прощай, сваток, и ты, свашка, как картохи порьем, сваток, к Октябрьскому придем... Внуков берегите».

— Э-э, — вздыхала она в Джанко, вспоминая расставание, — не будет уже того, как при Мише. Какая сноха, об усах думала. Мягкая, спокойная, неленивая, ой-ей. Душу на нас покладала. Пара были. Деревенская: все может. А не стало Миши, помаленьку отойдет родство... По старинке так...

И перед самым домом, под станицей, на повороте к хутору, пристроилась она возле женщины, торговавшей семечками, и говорила:

— Жалчей дитя никого нету. Брата, матку, сестру жалко, усах жалко, но жалчей дитя нету. У меня умерла девочка, шестая. Так я плакала, пойду воды и плачу украдкой. Стыдно ж слезы показывать — детей много. Но тая маленькая, а поэтому не забываю. И труд его не забываю, пробил дорогу себе, директором школы назначили, хотел как лучше. Ой боже! Убила учеба, убила учеба. Ему тещь говорил: «Миша, хватит учиться». А он с ей дальше и дальше лезут. Он старается, а она за ним. И вот выучился заочно, все подал, в партию перешел, и на тебе: сложил руки. В сырую земельку пошел за младостью. Мама, говорил, теперь больше буду вам помогать. К старому директору ходил на кладбище, венки носил. Видишь, как смерть его таскала.

— Мы вон неграмотные — плохо, а поглядишь, как оно дается, так не дай бог и грамоты. Полжизни на нее.

— А тут дети народились, им же тоже надо есть-пить. Они и мотались. Если он ня гордый, только сердце свое беспокоит. До всего ему дело, усах помнит, за всех беспокоится. И все кажется, что мало стремился к обществу. Как его оставляли служить сверхсрочно! Нет. «Надоела, мама, шинель за три года. Лучше буду учителем». Все с деревни в учителя идут, а городецкого не заставишь. Прожил, не скандалил ни с кем, не пьяничил, ой-ой, какая тишина с его была. Его поставили сельсоветом, на что ему было учительство? Там у нас ходит сельсовет, здоровый, идет, так у него грудь, как у бабы — во! Умер Миша, три деревни на Брянщине горевали: надо ж, какой хлопот был. Ни разу «черт» не сказал за век свой. Дуже ученики любили его. И хитрости, как у бати, не было. Где ж оно пряталось, мое горе, тридцать два года? Хоть бы я спросила: ну как тебе там? Плачу, не унимаюсь.

— Не плачь.

— Жалко. Кому как наречено. Сяду с тобой, добрая женщина, как соловей пою, а уж тучки над нами, машин нету, дед мой там тоскует. Пойду пешком, оставайся с богом, до свидания.

Ничего этого я не знал, когда ехал к ним на другой день, сидел в ожидании попутки на том же повороте возле женщины с семечками. Я пропал на целых пять лет. И могло случиться, что я никогда бы сюда не явился, если бы меня не спасли. Оживши, я с новым чувством развезжал по земле и теперь от усадеб и великих гробниц возвращался к ним, брянским моим старикам. Была весна. Помнится, я нетерпеливо подгонял нашу встречу. «Живы ли, здоровы они?» — кого-то спрашивал я на пустой дороге в долине, и тем чаще, чем ближе подходил к хутору. На горке, увидев хатку с окошком к аллее, еще суевернее воспринял я полуденную тишину. Нету их, что ли? Да правда ли живы? Дверца со щелями была на замке. Редел вокруг лес, большая поляна была вскопана. Я спустился вниз. «Да они купили хату на краю!» — сказали мне ребята. Я пошел в самый конец улицы. На стук мой никто не отзывался. Наконец от речки показался сгорбленный Терентий Кузьмич. Едва он угадал меня, глаза его заблестели, и он приостановился.

— Иванович? Мы уже и не надеялись. Али прогневался на нас?

Тут же отворилась дверь, и Мария Матвеевна молча сцепила руки у подбородка.

— Ой, боже, — тихо сказала она, — сынок милый! Ждали-ждали, ждали-ждали: когда приедет Иванович? Нету Иванова.

Я наклонился к ней, чтобы она, маленькая, хрупкая, обняла меня своими тонкими руками...

Вечером Мария Матвеевна доила корову, а мы с Терентием Кузьмичом курили в сенках. Склонившись к коленям, он смотрел через открытую дверь в огород. Он по-прежнему не очень словоохотлив, но мне спокойно возле него после моего города, где я живу почти в одиночестве.

— Сколько же ты у нас не был? — спросил Терентий Кузьмич.

— Пять лет.

— Пять, да. Мы в этой хате уже третий год.

— А там хорошо, на горке-то, было. Все видать.

— Хорошо, Иванович, да ноги таскать тяжело. Круто. Скатились с горки на низ, и слава богу. Если б ноги мои бегали, мне коров пастевать, что в карты гулять. Правда, Иванович.

— Всего хватает?

— Без крошки не садимся. По два кабана валим: одного к Октябрьской, одного к весне. Помолчим, помолчим, опять перекинемся простым словом.

— О чем задумались, Терентий Кузьмич?

— А ни о чем, Иванович. Ни о чем, — как всегда бесхитростно отвечает он.

На нем клетчатая рубашка покойного сына. Руки у него большие, пальцы еще толстые, крепкие ногти светятся молочной белизной. А тело износилось, усохло.

Мы порою не замечаем, как повторяется наша жизнь, забываются и снова возникают те же разговоры; мы ходим по одному кругу, вертимся среди одних и тех же людей, то родственных нам по духу, по судьбе, то стесненных с нами одними и теми же обстоятельствами. И не верю я, будто очень уж меняется на своем веку человек. Нет, он просто стареет. Очтившись перед брянскими через пять лет, я сразу же понял, что мы те же, те самые, что прощались тогда на горке, чуть постарше только и еще более наполнены опытом всяких переживаний.

— Так тебе рады, Иванович, как Мише своему. Никого так не ждали.

Терентий Кузьмич на слезы слабее бабки, он приподнимается и закрывает двери. Я молчу. Мария Матвеевна доцеживает остатки, наливает мне из кувшина в кружку и подает.

— Попей. У вас в городе такого нет.

— Эх, подносила мне матушка когда-то к постели парное!

— Жива мамка? А моей нема на свете. Давно я у матушки не была, а уж моя дороженька травой поросла. Пей, пей.

— Подлей Ивановичу. Пей, не стесняйся. А то прогонию. Да, да. И хозяйке твоей пожалуюсь, Борисовне. Вышей, а потом поужинаешь.

— Суп наш в сваты пошел. Прокис. Сейчас картох поджарим. Или толченку? Ты на сале любишь, на масле?

— Все равно, — говорю я.

— Вари, вари, Маш!

— Лучше на масле.

— На масле Ивановичу, — поддержал Терентий Кузьмич. — Ячек сварил.

— Наш Терех сало любит да жареное. Когда пастевал, огонь у лесе разложит да шашлычку поджарит. Я капельку посолю, тебе ж нельзя крепко солоно. Толченочку сделаю.

— Тещь, тещица, Иванович, живы-здоровы!

Рисунок Сергея ГЕТЫ

— Да на пенсии уже.
 — Слава богу, Иванович. слава богу.
 — И у нас Мишины сваты хорошие. Сваты... Э-э! Уж нема таких. Охо-хо, был Савва, была и слава. Усе забудется без Миши. Собралися мы там и голосили по нему. Побыла я, внукам гостиницу отнесла. Девка за мной вслед бегла: «Бабушка, я с тобой!» А ветер холодный. Провожали далеко. Хороша была молодца у Миши. «Мамочка, береги себя ты, — наказывала. — Горе у нас вечное». Куды ей теперь?.. Пробуй, Иванович, я бросила соли.
 — Пробуй, пробуй, — заставляет и Терентий Кузьмич, глаза его полны слез.
 — Маш, — скомандовал дед, — принеси Ивановичу сала! Кушай, кушай вволю. А то Борисовне пожалуюсь. Яечко разбей. Я буду обижаться. Да, да, дорогой товарищи.
 Ем я обычно мало, поковыряю немножко и сижу.
 — Давай молочка вволю. Ох едок! Как Миша наш. Сейчас без крошки не садятся. А мы, как жили на Бряншине, года два, когда колхозы организовывались, было хорошо. Глядь, голод. Приходилось — одну крапиву толкли, да варом отварю, посолю да преснячков напеку, детенки мои картох хотят, а их нету. На самую троицу разбивали навоз. Такая скверна поднялась. А Фронька — ей двенадцать годов! — была, была, да й пристала: «Мам, не могу, обмираю, есть хочу». Ой, горе! Сыну годок, он мне грудь разорвет. Ну что ж мне делать? Нарву крапиву на борщ, братья мне картох насыпали, завариваю супочку и им по кружке даю картошного... Гриша пастевал скот. Ой, горя приняли. А сейчас мы окрепли, да дети подсекли. Ешь, Иванович, вволю.
 Я наливаю старику рюмочку, себе тоже.
 — Спасибо, Иванович.
 — Семь детей выкохали. — вздохнула Мария Матвеевна, — не боялись, что умрут, а что рубахи на смерть нет. Пятерых в поле родила. С ней вон рожь жали. — кивнула она в сторону Фрони. — вручную. Коноплю пойдем брать, Фронька роет свою долю и мою. Тут я и девуку нашла. В полу ее и домой. Тая девка пожила у меня тридцать семь недель и умерла. Три дня миновало, опять пошла в поле. Так я в одну руку по пятьсот соток держала конопель. Семья большая, кормить надо. «Терещишку премияровать, она боле усех сжала». Прошло три года, занялась ешо. Лен стелили — и Мишу нашла. А Нюрочку — это дело в сентябре, когда коноплю берут. Такая я крепкая была. Несу три ведра картох, мужик встречает: «Оборвешься!» «А я крепкая!» Ивана — нарезала колос коням, по двадцать корзин нарезала. И родила. Не отдыхавши. Григорий у покров, по дровы ездили. Как шарик выкатился. И одного дня не отдыкала. Теперь два месяца сидит до родов, после родов. Э, счастливая была на детей. И нарабаталась Матвеевна вволю. До основания работала. Тебе сала внести?
 — Внеси, внеси Ивановичу!
 — Гляди, песни не пой, — погрозила ему Мария Матвеевна. — Миша последний раз приезжал, сели на горке: «Какую, мам, спеть?» «Да ту, сынок, что называют меня некрасивою, почему-то он ходит за мной...» Я подгоняю: «Выше, выше тяни!» — А я стыдуюсь

петь!» «Кого ж ты стыдишься петь?» «Мамки да папки». Ох, сынок мой, соколок... Пропал скоморох, пропала игра. Как обед собирали, стол выносили за ворота, а девки мои шли и плакали вслед за столом. Так у нас положено. А тут не. Спасибо, Иванович, тебе, — встала она из-за стола, — наелась, наговорилась. Спасибо. Чтоб у нас не сводилось и у вас велось. Так-то.
 — Вам спасибо.
 — Спасибо, Иванович, — сказал и Терентий Кузьмич. — Спасибо, сынок, что отведал нас, но обоих, обоих ждали!
 — Спасибо, Иванович, — слегка поклонилась Мария Матвеевна, — рады, как Мише. Долго у нас побудешь? Живи до родительского дня. А там Девятое мая. Всех поминать будут. Вольная иль невольная смерть, а где кто пропал, кто у лесе заблудился, кто на мину наскочил — всех поминуют. Брат Минай пошел у лес по дровы и помер. Эх, меня не было, я б поголосила по нему, я б словечко для него нашла...
 — Ложись, Иванович, отдохни.
 Уже девять часов. С горки тянет холодком. Пора раскрывать постель. Я так легко не засну, а Терентию Кузьмичу, который встает в пять часов, укладываться в самый раз. Он стаскивает сапоги, разминает сомлевшие пальцы и валится на бок. Радио, свет ему не мешают. В другой комнате Мария Матвеевна взбивает гостю подушки.
 — Я тебе два одеяла положила, чтоб не замерз. Ночь сырая. Под головы не высоко? Миша наш не любил. Спит, разбросается: голова с краю, а ноги там. Ты тоже?
 — А как попало.
 — Много куришь, Иванович. Это все из скуки. Брось, будешь крепоче. Пожалей сам себя. Я помалкиваю. Через некоторое время раздеваюсь и лезу под одеяло. Мария Матвеевна снова заходит и стоит посреди комнаты. На стене фотографии ее детей, и она тоскливо смотрит на них. Как серьезные эти сельские лица!
 — Встану, так начинаю со всеми разговоривать. Везде побываю — и в Голубче и на Ловше. Да бьюсь, бьюсь по углах.
 Подсев ко мне, она берет мою руку, шупает косточки.
 — Погляжу на нее и Мишу вспоминаю. Глазы открою — стоит передо мной, как сейчас. И ни на час не забываю. Только засну... Береги здоровье, Иванович, пожалей себя и мамку свою. Брось! К чему она, эта соска? Гадость! Орешков лучше подьешь. Я тебе накладу в сумку. Летось внукам насбирала, возила на Бряншину, дак осталось. Я деду не рассказывала, и, смотри, ты, Иванович, не говори.
 — А что?
 — Чуть не замерзла я на Бряншине. Не увидел бы Марию Матвеевну. Я уж, когда приеду, усех обойду, отведаю. Племянник, как встретил, пообцеловал мои руки, пообцеловал меня все: «Тетушка, ну ты ж как мамка моя! Что на тебя, то на маму гляжу». Усю родню отведала, а у него не была. Выпьют, песни поют, а я только в каждом дворе умоюсь слезами,

да и все. И по брату надо ж пропеть, я не была на похоронах. Восемьдесят семь годов прожив, умер хорошо. Пошли дрова заготовить на самые покровы, четырнадцатого сентября. Стал дрова сечь: «Ой, чего-то нехорошо мне», — и воды напился, ах, ах, и умер. И меня не вызывали, пожалели. Восемьдесят семь годов! Да, стало быть, богом дано. Погосилась я по брату Миняю, оттуда ж что? Пойду племянника отведать, что руки мне целовал. Побыла. Уже темнеет. Пять километров до Ловши, где Григорий наш живет. И у него ж надо погостить! Дает мне племянник дочку свою в провожатые. Мы и пошли. А ночь, а буря поднялась, а ветер, глаза залипает. «О, дойдем», — племянница. На ней шуба хорошая, на мне только перешитая. «Баб, ветер дует навстречу, с севера. Не собьемся». Или ветер повернулся? Идем, идем — нет, не туда. Что ж нам делать? Я уже смыкла, мокрая так вот, рубиночки нету. Блудили-блудили, блудили-блудили, не видно ничего. Нема ни логов, ни стогов, что клевер стоял на дороге, километра два с половиной отошли от села и до Ловши два с половиной, не меньше. Ой, куды мы с тобой зашли? Повернулись так-то во, омет стоит с соломой, завези, сдается, как гора, как-то двоится, если глинешь. На нем снег толстый набитый. Она полезла, полезла да снег обснула на омете: «Ну, баб, давай ночевать». А я уже не действую, уже мои руки не служат — только смерть. Нема ни спичек, хоть бы надергали да распалили огонь. Да боимся, что волки задерут, опять волков развелось. «Я не могу, аж за сердце берет — ноги...» — племянница. Я ее зарыла и сию. И заснула она. Заснула, а я сию на карауле, думаю: «Волки придут, попорвут. И выйдет по старинишке. Мы хоть закричим, может, уткнут от крику. И палки нет». Соломою накрылась, горюю. Как присну, так и смерть. Племянница моя спит. А я ночь просидела, стало зарять, боимся й вылезать: «Куды мы зашли?» Я глянула: «Ой, сад наш виден, а где ж мы ночуем?» И-и! Блудили вокруг поселка. И померзли б, никто не знал, и завезло б нас в рову, и весною б только нашли. И померзли б. Пришли к двору, горевали, горевали: не нашли б нас до весны. Так бы в ров ввалились, не нашли б этого омета. Вот, Иванович. Ну, спи. Месячек светит. Ты еще читать будешь? Молочка попей, на столе. Сало, если захочешь, в тарелке. Ночью встанешь — дедовы сапоги обувай. О-ох, — вздохнула она. — Плачу, плачу по Мише и не верну. У него было умильное слово и жалость. Обещал беречь мамку. А я его похоронила вперед. Спи, Иванович.

Я вытигиваюсь поудобней, но заснуть не могу. К ночи всегда мне тревожней. Тут-то и понимаешь, что душа твоя на свете всегда одна. Кого бы она ни любила, с чьей другой душой ни переключалась, чуть замолкли чужие слова, исчезло лицо — она снова одна, сама с собой. Оттого ночью она и вспоминает кого-нибудь близкого, не так страшно ей тогда. Спит ли моя мать или горюет обо мне?

Я встаю, тихо одеваюсь и выхожу на дорогу. Она белой полосой удаляется из-под моих ног к горам, где висит месяц. Я долго иду вперед, к нему.

Через четыре дня мне исполнится тридцать три года. Мать уже написала, конечно, поздравительное письмо, оно сейчас едет где-то по России в почтовом вагоне. Пусть же еще на много лет сбережется это счастье — писать и видеть друг друга. Иного века у нас не будет. Я иду, глажу вокруг и как будто ни о чем не думаю, но внутри что-то такое шепчет и молит: не откажи, судьба, в милосердии твоём и не оставь мою мать одну на земле!..

Я стал навещать их по несколько раз в год. Если меня долго не было, старик удивлялся: «Чего ж Иванович не едет?» И ждал меня обычно под воскресенье, торчал на дороге. «Нет, опять Ивановича!» А где ж я был в те дни, в те часы? Дома? В Тригорском? В Ленинграде? В Москве? Сидел ли у Ярослава Юрьевича в новой квартире, у Кости на даче или пил чай на улице Костякова? Из Кремля как-то, на большом перерыве съезда, вернувшись в Георгиевский зал из палаты с тронном Ивана III, послал я им открытку. Писал, помню, и думал: «Что сейчас с ними? Вот бы сюда их, в зал или в царские хоромы — как растерялись бы они, сколько бы наивных вопросов задали, за сказку почли бы и Кремль и саму Москву».

А время шло. Однажды завернул я к ним из Тамани. Опять, когда подходил к их забору, Терентий Кузьмич не сдерживал слез.

— Мы рассчитывали с бабкой не пускать тебя, — сказал он. — Да-да. Почему на Новый год обещался и не приехал с Борисовной?

- Не мог. Мать приезжала.
- Полный месяц гостила?
- Две недели.

В семь часов я еще сплю, а они на ногах спозаранок. Мария Матвеевна несколько раз подойдет к моей постели, укроет: «Пооткопался Иванович, ему и холодно». Старик поехал в станицу сдавать телячью кожу. Печка топится, на ней чугунок с водой. «Иванович любит картошку. Толченку сделаю. Такой же картошенный, как Миша».

До обеда я буду заниматься, писать и зачеркивать, иногда хитро жду какой-то уловки, чтобы встать и уйти. Кажется, если я похожу у речки, складные и точные найдутся слова, они выпорхнут из кустов, донесутся ко мне с дороги, глаза мои поднимут их с земли. День светлый, теплый, хочется жить, а не загонять живое в узкие желобки. Я обманываю себя и выхожу. Терентий Кузьмич успел вернуться и точит в огороде пилу. Дрова порублены, сложены, пила сгодится разве весной, но он ведь крестьянин, он мудрее и крепче меня долготелней привычкой своей. Нигде так не охватывает меня уничтожение, как в деревне.

— Давай письма напишем.

Каждый раз глядят они на белый лист, диктуют, высокими голосами просят детей отозваться с Брянщины: «Где вы там? Внуки здоровы?» Терентий Кузьмич без конца курит.

— Свату напишем.

То было зимой, шли дожди, и мы с утра до вечера торчали в хате.

— Прислал сват, обижается, что Терех был рядом и не зашел. Это ж мужи-ик, — строго сказала Мария Матвеевна, — была б я, я бы по колено дошла.

— Нельзя пройти было, — оправдывался Терентий Кузьмич. — Ей-богу, Иванович.

— Я б дошла.

— Все дороги заметены, куда пойдешь? Внуков повидали, а больше не могли. Ей-богу.

— Чтоб я сдурна побожилась! Нема сердца у мужиков. Пиши, Иванович. Соскучились дуже по вас, сват и свашка, скоро ж вы, сваток, разрушили нашу дружбу, а мы ни при чем не виноваты, что вы забыли нас. Стану письмом приказывать писать и не соображаю, что мне говорить за слезами...

— Пиши, Иванович...

— Что ж ты, сваток, не скажешь нам про нового зятя. Нехай Аня не вводит деток в заблуждение, чтоб фамилии и отчества Мишиного не ломали, чтоб дети так и были Михайловичи, по отцу. Не смарайте его фамилию. Э-э, — сказала она в раздумье, — замуж вышла, за кого? Корявый, как кожан. Можно ж привыкнуть к такому человеку? Ой, не знаю. Мишка наш — картина. Где она, хотя Аня, на двоих детей возьмет? Разве какой вдвойни или разженный. Нема девки, и бабе рад. По случаю какаля у кого умрет, у него тоже дети. Писала нам: «Дождитесь с меня некоего, Миша ко мне не вернется». Ох, мы гососили тут, гососили... Я его видела. Старый, лицо черное, тмное. Она-то добрая, красивая, аккуратная. Такая — ей цены и меры нету. Не манерная, сколько у меня невесток, из всех невесток невестка. Болю об них, горюю, как об Мише. Григорий написал ей: «Невестушка Аня, дорогая моя, гляди своего мужа, как моего брата: люби, дружи и уважай». Я думаю, не найти ей такого, как Миша. Больше он тихий, водки не запивал. А дочка, что на Ловше живет, не одобряет. Сказала: «Студяла свадьбу, как молодая, чего ж она?» Я переживаю, чтоб и ей хорошо было и внукам. Ой, томление. Нагоревалась она тоже довольно. Мамка моя говорила так: «Если матка плачет по дитю, речка бежит от слез, если сестра, то колодезь воды стоит, а жена плачет, как корова по быку ревет». Оно правильно это. Что написал, Иванович?

— Когда приедете, писать?

— А жива буду, то к паске. Написал ай нет? В свете нет такой молодичи. Прибежит: «Мам, давай постираю!» Так она пообещет усе тряпки, какие постирать. Не пиши, что болю, будут плакать.

Тут помешал нам младший сын, Иван.

— Запрягли Иваныча, — сказал он.

— Взял бы да написал сам, — укорил отец.

— А-а, его не допросишься.

— Чего бумагу переводить? Сидешь, скребешь в башке — чего писать.

— Миша жил на целине, и одного письма ему не послал. А теперь куда? В сырую землю?

— Встречались, говорили, а то — так...

Чем-то недовольный, Терентий Кузьмич молча протянул ко мне руку за сигареткой, закурил и вышел. Долго смотрел с порога на горы.

— Ты бы, мать, — вернулся он в комнату и выставил палец в сторону сына, — ты бы взяла хворостину хорошую да по горбике ему!

— Чего? — поднял голову Иван.

— Он знает чего!

— Знает...

— Да, да, — топтался Терентий Кузьмич вокруг сына. — А то на старости наверно во, да, да, вон туда полетишь. Я не побоюсь, что тебе более тридцати годов.

Мария Матвеевна, как и водилось всегда в старых семьях, отдала хозяину всю власть и права, только слушала. Иван покраснел и точно прирос к табуретке.

— Сошелся, сынок Ваня, жить — нечего по сторонам глядеть. Да, да.

— Кто меня видел?

— И не дай бог, чтоб видели. И чтоб в голове не было такого. Я хозяйке твоей верю. Да, да. Нечего. Ешо раз, — вытянул он опять палец, — пожалуется хозяйка, — прошай, сынок Ваня, и забудь, что у тебя папка и мамка есть.

— Ничего не было.

— И слава богу. А глаза не пьля. И чтоб хозяйка не переживала. Да, да.

— Да-а...

— Умом рухнул, — сказал уже помягче Терентий Кузьмич. — Моргай за тебя!

— Чего моргай? И где я был? Кто меня ловил?

— Э, разговор дерваком: хват, хват, — сказала мне Мария Матвеевна. — А злости нема. Дай бог, по закону оженились и живете. Не по колдовству. Тут есть всякие, чужих мужиков сманывают. Догуляют, прогуляют свою красоту. До время цвет цветет, не дергать его куды зря, чтоб не завял. У нас одна гуляла-гуляла и пошла за последнего, какой никому не нужен. Бывало, шапку с него собьет и ну толчет. Красивая, на веретне крутилась. Идет воды, так она вся... ягода! И пришлось эту шапку целовать. А пьянствовал, а бил ее, усе подушки и рубашки посеял топором. Внести тебе молочка, Ваня?

— Не хочу, — расстроился Иван.

— Попужал отец, — засмеялась Мария Матвеевна. — После службы первый раз накинулся. Зачем они тебе, сынок?

— И нехай забудет про папку с мамкой, — подал голос Терентий Кузьмич из другой комнаты, где гремел репродуктор. — Да, да.

— Ты раз сказал, и ладно, — стала жалеть сына Мария Матвеевна. — Чего он, глухой ли?

— Мы не знали этого. И в роду не было!

— В роду не было... — поморщился Иван.

— И не было! Да, да.

— Внести молочка?

— Не. Пойду. — Встал он, снял с вешалки шапку и не мог уйти сразу, переминался в сенках, курил, курил.

— Иван наш горя не знал, — сказала Мария Матвеевна. — Григорию досталось. Десяти годов пошел скот постевать и десять пудов хлеба добыл. Ой, сейчас письмо напишем хорошее!

— Давайте напишем, — говорю я.

— Какой он был здоровый! — воскликнула Мария Матвеевна. — Говорила ему: ня рви силу! Не послушал. В работе горячий, его в колхозе крепко ценили. Как поднял мотор и надорвался. Хлеб теперь возит на коняке. Здоровья нема.

— Здоровый был, Иванович, — пожалел сына Терентий Кузьмич, — от меня втрое был здоровей. Ой, здоровый.

Я чувствую, как любил они в нем эту издревле необходимую в деревне могучесть.

— Девки за ним убивались...

— Сынок Григорий, — диктовал Терентий Кузьмич, — мы, слава богу, ничего, только болим по тебе.

— Дадала я на тебя, сынок, сказали: живой! К нам поздняя дорога тебе предстоит. А куда ж ты путь держишь, сынок, что и нас не минуешь? Сон видела, — сказала она мне, — приходит Миша во двор да говорит: «Бать, какой у тебя дубок хороший валяется на дворе...» «Сынок мой, я хотел его на дрова порезать, да жалко». «Да, отдай его кому-нибудь на постройку». «А кто ж будет строить?» Идет Миша-покойник, и взял дубок, и понес со двора. Я встала, и думаю, и плачу: «Ой, это беда какаля-нибудь будет. Мертвый человек понес с моего двора дубок. Миша приказал: отдай на постройку. Григорий завалился, дубок, ох, боже. «Ой, везите меня в ночь, в ночь поеду, я хоть слово ему какое скажу, помогу его горю!» Глядь, письмо. Был в Москве, лечили, сейчас ничего.

— Много перенес Григорий...

— Иван того не испытал. Григорий и в Словакии побывал. Взяли его в партизанский отряд на Брянщине, и шли они хлеба разжоваться, а по ним стрелять. Троек подстрелили. Они тогда что: давай бежать с председателем колхоза. Переплыли через Десну, винтовки попрыгали, иду, а ночь маленькая. Как заметили их — и с пулемета строчит! Они поползли по жигу. А Григорий с председателем отстали. Тех четверо приползли на свое русское поле, сидят в лошине.

— И не так, — сказал из сенок Иван.

— Как же не так?

— Не так...

— А ты там знаешь? — крикнул Терентий Кузьмич.

— Сидят они. Пошел негодный к войне по дрова, а они там! И продал старосте: ребята наши пришли! Ой. Был у нас там обрыв, и валили бедных партизан валом. Григорий с председателем хватились — винтовок их нету. А к партизанам без винтовок нельзя идти, побьют. Все одно гибель. То что ж и про них выказали. Наш дубок атаковали: «Твой сын в разведку приходил! Стрелять будем вас, если не явится». День нема, другой нема и третий. Что ж нам делать? И вот приползли. Приползли по жигу спасать нас. И нашел их человек в стогу. «Мама, — говорил потом, — хотелось, чтоб лучше меня пусть убьют, а вас оставят». Так я с ним только встретилась. Пошла узнать, а его староста ведет. Только здравствуй и прошай. Теперь побьют! Ой боже, ой не могу, ой горе. И зачем он полз? Прошло сколько, приходит баба председателя: «Нянь! (нинькою меня называла), пойдём мы на Гулеевку, спросим, куды их погналы». А там два мальчика у немцев подводчиками. «Баб, повезли ваших ребят на тракторе и, — говорит, — кого на тракторе везут, тех стреляют». Григория нашего повезли на тракторе. Ну что ж? Чем спасти его? Видно, убьют. Не будет у меня старшего сына. Места себе не найду. «Во ваших ребят где били, — один полицей говорит. — Как везли, возле этой березы постреляли». А тут получился приказ: в плен брать. Привезли их у Брянск, погрузили в вагоны, везут кто знай куда. Председатель и говорит:

«Давай спрыгнем, как откроют. Лучше уберемся, чем в плен». А их взяли и разлучили. Наш пошел в Словакию.

— И не в Словакию,— сказал Иван.
— А куда?
— Да он знает! — махнул рукой Терентий Кузьмич.
— Сиди, Вань, ничего не поминишь. В Словакию! Нам земли не давали на него. Староста не давал. А кто выказал, десять годов отсидел и живет сейчас у нашей деревне, рыха во.

И вот, как десять лет назад, когда уезжал я отсюда совсем, сидим мы за столом и потихоньку пируем. Скоро ли я появлюсь у них еще или нет, мне неизвестно: как-то гонимое побуждало время и для меня, а старики стали уж совсем ветхи—того и жди печальную телеграмму.

Днем я сходил в усадьбу за речку. В обширных владениях князя Юсупова—графа Сумарокова-Эльстона усадьба эта была одной из заброшенных, ее он никогда не посещал. Забытая, как говорится, богом и людьми (историей тоже), доживал князь Феликс Юсупов в Париже, наверное, последний из сего громкого русского рода. Некому на родине по усадьбам его было вспомнить о нем. Мы обитали здесь с Ольгой два года. Могучие дубы, кажется, несколько не постарели и пышно золотились напротив наших окошек. Синою дверь заколотили гвоздями, и там, где я спал, читал Плутарха и Ключевского, теперь бегали мыши, лежали какие-то разбитые ящики. Убожество этого жилища меня не раздражало в то время. Зимой стены текли, пол был холодный, как лед. Прежде здесь размещалась конюшня, затем ее насупер перегородили, обмазали, но полов не настлали. Я и не жаловался. И сейчас я подумал, что в бедной молодости всему радуешься и благодарен за самое малое (за какой-нибудь вид на дубы из окна), а через годы добудешь себе «блага земные» и вскоре осознаешь, что они не прибавили счастья. Прошли, дымом растаяли времена моих самых светлых мечтаний!

— Поглядел? — спросила Мария Матвеевна, когда я пришел.— Уехал, не жалко?
— Жить бы не смог. Вас не тянет на Брянщину?
— А не,— сказал Терентий Кузьмич.— Старое дерево, Иванович, не пересаживают.
— Бедовали много,— объяснила Мария Матвеевна.— Это мы теперь зажали, а то... Раньше как: «На что землю пахать под зиму? Вон к Петру спашем, свиная порьет носом, да и то хлеб зародит!» Да попомом руками картошку, и ладно. Боже спаси, как мы жили. Иной раз с дедом не спим, вздумаем: «Как же мы жили? Хлеба вволю не ели». У казаков тут земли много, они и дрались с красными. А наши все в большевики пошли.

— Никогда так не жили, Иванович, как сейчас. Слава богу.
— Чего там, сарай той снесли? Или стоит?
— Всех выселили,— говорю я.— Глядел оттуда на вашу хату на горке, вспомнил, как мы познакомились.

— А-а...— улыбнулась Мария Матвеевна.— Я рассказывала Одиной мамке, так она смеялась.

— Я не помню,— сказал Терентий Кузьмич.
— Чего ты не поминишь? Я говорю: «Знаешь, дорогая, как по батюшке тебя?» «А зовите Надеждой, Надей...» Знаешь, милая, как мы познакомились? Мы недавно на Кубань переехали, я ж не разбираю людей ешо. Идут двое на горку, спрашивают: «Бабушка, мы переписываем жителей. Как зовут? Живности много?» Пошутили, а я ни к чему. «Пишите, детки». Я им все открыто рассказала. Иванович приходил с человеком, такой чернявый: не то в гости к нему приезжал? И я от простой души рассказываю, что есть: корова есть, кабанок, курочка вот столько-то, а хата, видите, детки, какая. Пишите. Потом пошли у лес, а я й думаю: «Кому я я рассказала? Может, какие проходимцы за коровою придут ко мне ночью». Она засмеялась.— Походили, походили по лесу, идут, несут калины. «Ой, детки, сейчас я вам орешков дам!» Я им несю пригоршень орешков: нате, покушайте. А жинки есть у вас? Они сказали: есть. Ну, несите ж и бабам покушать. Терех пригоняет скот. «Дед, какие-то приходили люди ко мне, дак, наверно, у нас корову сведут, они ж шли дорогу поглядывать!»

— О-о, Мария Матвеевна, ладно, ладно,— говорю я,— жалею, что в самом деле не увел корову.

— День нема воров моих, и другой, и третий. Нету. Идет учительница. «Баб, не знаешь, где барашечку купить?» «Милая моя, мы только приехали летошний год, я и не знаю, где барашек тут много, я б тебя послала». Она завернулась, пошла, а догоняю: «Обожди, я тебе что-то скажу». «Чего, бабушка?» «Знаешь, милая моя, есть у вас такой человек в усадьбе—беловатый, волос на нем кучерявый?» «А на что тебе?» «Я боюсь, чтоб корову мою не свели, проходимцы какие-то. С ним чернявый был». Она засмеялась и рассказала. Во. Ивановича за вора приввела бабка.

Я полгода не был у них, за столом Мария Матвеевна сказала:
— Привыкли мы к тебе, Иванович. Лежу ночью, думаю; ну что ж Иванович не пишет? Курить бы бросил... Никак не жалеешь себя. Дед наш тоже. А сейчас и девки курят.

В станице Варениковской я купил портрет Достоевского, свернул трубочкой и привез, прикрепил кнопками к стене в их комнате. Мария Матвеевна не раз подходила и долго, как на икону, смотрела.

— Достоевский, говоришь? Федор Михайлович... В костюме, и галстук ему надели... По-городецкому. Руки сцепил на коленках и сидит. Об чем же он думает, такой невеселый?
— Писатель ведь...

— Писатель? Э-э, грамоты нет, я б сказала, у меня ум вострый. Я легко переимаю. Мишу вспомню и песни придумываю. Придумываю и плачу. Какую ж мне песню сложить? Лежу ночью. Какая к моему горю больше подходит? Пропоею, наголосуюсь у волю, станет мне легко. И не песня она, а правда. Достоевский... Ну, спасибо, Иванович. Буду вспоминать, что ты привез. Какие-то мудрые люди есть на свете, складывают. Не он ли тую песню сложил:

...А я сад сажу, а он не растет,
Сытым медом поливаю, а он не цветет.
Старый меня любит, а я его нет.
Он шубушку шьет, а я не ношу.
Он другую шьет, а я положу.
Ох, носи, моя милая, носи, не жалей!
А не вдвоем тебе молодою быть,
И не два века вековати,
Не две смерти помирати...

— Нет, не он.

Мне очень повезло, что есть они у меня, что был я одарен их лаской, вниманием и пониманием, каким тысячу лет был русский человек. Они последние. Но—чувствую—не за горами наша разлука. Нет-нет да и скажет Мария Матвеевна:

— Дождаться бы, когда Лукерья хату достроит, и умирать можно. И Терех говорит: поеду на Брянщину, на Григория дом погляжу и умру спокойно. Я уже себе все приготовила: купила рубашку серенькую, непозорную на смерть, тапочки. Пальто куплю, а помору—Фроньке откажу, она дробнейшая, такая-то, как я, моего росту.

— Не страшно думать об этом?
— Когда лихо достанет, дай, господи, смерть.
— Пожить бы можно,— говорит Терентий Кузьмич.

— Умру, дак девки мои поприедут да будут у четыре голоса петь.
— Можно жить...
— Спасибо Ленину! — перекрестилась она.— Это он людям жизнь дал. Другая жизнь пошла.

— У-у...— сказал Терентий Кузьмич.— Кохаемся.
— Я говорила Мише: «Миша, тогда, как уже батька умрет, я остануся, так буду ходить по вас: поживу у Григория месяц, у тебя да у всех по месяцу». «Ой, мам, я ж тебя допущу ходить по двору? Да я к себе возьму». А я поклонилась ему в пояс: «Сынок мой родный, спасибо тебе за хорошие, умильные речи».

— Все прошло, Иванович.
— Мы уже с ним как дети. И свадьба наша золотая прошла. Мы оженлись в семнадцатом году. Братья мои поприбегли с фронту, как царя Николая скинули. Кто прятался, коров отбирали. Брат Минай поглядел—и в Красную Армию. А мне пришлось побираться молодую. Кокошкин свой спрятал и поехали с невесткой в самую троицу к хохлам на заработки. Не венчали нас с Терехом. Я на два года старше, ему полугодия не хватает.
— Золотую свадьбу не справляли?

— Не, Иванович.
— А чего ж?
— Горшков нема.
— Каких горшков?
— Смеялись внуки: «Баб, вам золотая свадьба». Я говорю: «Знаешь, дед, давай мы с тобой уже либо свадьбу сыграем, только разжиться нам горшками». Я тебе, Иванович, не рассказывала тую притчу?

— Не-ет,— уже смеюсь я вместе с ней.
— О! Ты бы подзакусил.
— Закусуй, закусу, Иванович.

— Жил как-то старик со старухой. Жили скромно, как мы. Хлеба хватает—и слава богу. Молочко свое подомом, как корова отелится, а денег... не забиваться: дадут двадцать рублей, обойдемся с месяца до месяца как-либо. И вот тая старуха, что ж (это не сейчас, когда-то): «Дед, давай мы переженемся, свадьбу стуляем?» «А как же нам?» «Купим горшки новые, мы на головы наденем (как батюшка венцы надевал), стол отодвинем середь хаты, обойдем кругом, молитву пропоем три раза». И вот они «Господи, помилуй» пропели кругом стола три раза. Пошла бабка воды назавтрева. Колодезь от них был далеко. А ехал какой-то, деньги вез рассчитывать людей, хан—и потерял сумку. Бабка как подцепила в ведро сумку—и драла! «Дед! Я деньги нашла!» «А где?» «Какой-то человек проехал рано и потерял». И не чуть и не чуть того человека. Дед: «Дай-ка я пойду у шинок». И пошпав себе водочку ходит. Люди дивлятся: за что ж он шьет? Спрашивают: «Дед, где деньги берешь?» «Да бабка моя нашла много, я по трошки пропиаваю». А тот человек распоеается о деньгах. Прошли слухи, что старуха нашла. И заявляется он к ним! «Ну что ж ты, сынок, ко мне пришел?» «Слышал я, что ты деньги мои нашла. Так и так, меня разоряют люди, денег было много». «Не-е-е, я хоть и нашла деньги, так назавтрева свадьбы своей»,— отвечает старуха тая. «О господи, это ж тогда она нашла! Когда ее свадьба была!—он и думает.—Наверно, болтают на тебя. Кто-нибудь ешо поднял». «Ладно, сынок, с богом». И зажали опять! Так-то и нам бы,—засмеялась Мария Матвеевна.—Внуки приставали: «Когда свадьба ваша?» «Да,—шучу,—горшков нетде взять».

— Нет,— говорю я,— надо бы кому-нибудь деньги потерять, а дед бы нашел. Вот бы часто ходил в магазин, а?

— Не-е, Иванович. Подъешь немножко. Чего, мужик, выпил и не закусувал? Возьми. Хоть молочка, хоть лечко. Орешков будешь?

— Кушай, кумушка-кума, не засаривай уста. В карман не клади и домой не носи. Так-то моя мамка сказывала. Твоей мамке, Иванович, сколько годов?

— Шестьдесят.
— Ешо молодая.

— Ничего. Но последний раз приехал... уже старушка.
— Сынок,— сказал Терентий Кузьмич, обращая ко мне свои кроткие синие глаза,— как помру, вызывай тебя телеграммой?

— Что ж спрашиваете?..
— А лучше жить. Спасибо Ленину,— опять перекрестилась Мария Матвеевна.— Кабы Миша был живой, совсем бы горя не было. Дед сны видит. И допочет что зря.

«Маш! — слышу ночью. Я молчу.— Мишка пришел. Иди, сынок, у хату. Дровы нам привез». «А мамка дома?»— Миша спрашивает. «Дома. Иди, сынок, спасибо тебе, что не забыл». Лукерья видела его, все руки ему пообцеловала во сне. Он у нас, как вот у царя наследник, над ним хлопочут и любят все, так и у нас, сестры в нем души не чаяли, и братья до сих пор, если заговорю, со слезами слушают. Всех детей любишь, но бывает один самый ласковый, и талану ему бог дал какого-то. Вот, Иванович. Болю, болю по нем шестой год.

— Налейте, Терентий Кузьмич.
— Рука твоя, как у Миши.

— Спасибо тебе, Иванович, но, мужик, гневаюсь, что хозяйку свою не привез. Один раз была. Да, да, мужик. Жду с хозяйкой. У меня тост такой, Иванович: чтоб у вас с хозяйкой здоровье было, чтоб на работе уважали, мамка, тесть, тещина пускай живут на здоровье.

Давай, сынок, спасибо тебе. Ня обижайся. Ня обижайся, Иванович.

— Вам спасибо.
Терентий Кузьмич вытянулся к рюмке, долго-долго цедил в губы и столь же долго выбирал глазами огурец в тарелке. Мария Матвеевна несмело выпила, поскорей закусила хлебом и салом.

Завтра утром я уеду. Я заранее знаю, как мы будем прощаться. Терентий Кузьмич ткнется бритой щекой мне в лицо, глаза заблестят, потом скажет: «С хозяйкой приезжай!» Мария Матвеевна наложит калины, кизила, шпювника и отрежет кусок хлеба: «Положи, Иванович. Без хлебушка не ходят. Ну, Иванович, ня обижайся». «Ня обижайся, сынок»,— повторит и Терентий Кузьмич. И буду я бояться, что не увижу их больше, моих кротких незлобивых стариков брянских.

— Какую ж тебе песню спеть, Иванович?
— «Ай, бить меня, молодую есть кому, а жалеть меня, молодую, некому».

— Не. Я вот эту зачну. Батька усе пел:

Ах, не одна-то, не одна во поле дороженька,
Эх, одна пролегалала...

— Не на тэй голос вернулась... Надо по старинушке. Она пропела потихоньку, встала от стола.

— Спасибо, Иванович.
— Вам спасибо.

— Спасибо, Иванович,— сказал и Терентий Кузьмич.

Я вышел во двор. Осенняя луна красным диском поднималась за дубами на той стороне речки, у горок. А и десять лет назад такую же я видел ее как-то. И еще бы хотел я прожить столько, и столько, и столько, и еще вот столько. Дала б мне судьба «проплыть моря сего житейского» и чтоб «печаль далеке отринуть от себя». Не забуду я никого. Тихо, голос Марии Матвеевны рассеялся в темном поднебесье навсегда. И разве нам не чудится в одинокие ночные минуты, будто ничто вешнее в этом мире не пропадает и еще вернется и возродится когда-нибудь?

Решения XXVI съезда
КПСС — в жизнь!

ГОРЯЧИЕ МАГИСТРАЛИ СЕВЕРА

Министр строительства
предприятий
нефтяной и газовой
промышленности СССР,
член ЦК КПСС
**Борис Евдокимович
ЩЕРБИНА**
отвечает
на вопросы
журнала «Смена»

Беседу ведет специальный
корреспондент
Леонид ПЛЕШАКОВ

— В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии увеличение добычи сибирского газа названо задачей первостепенной экономической и политической важности. Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Леонид Ильич Брежнев сказал тогда: «Добычу газа и нефти в Западной Сибири, их транспортировку в европейскую часть страны предстоит сделать важнейшими звеньями энергетической программы одиннадцатой, да и двенадцатой пятилеток».

Скажите, почему придается такое огромное значение ускоренному освоению природных ресурсов этого региона? Каким будет участие Миннефтегазстроя в осуществлении этой программы?

— Сегодня можно совершенно обоснованно утверждать, что решение крупномасштабных задач, стоящих перед нашей страной в области топливной энергетики, немислимо без учета ресурсов Западной Сибири. Природа щедро одарила богатствами этот удивительный край. Уже сейчас страна получает отсюда более половины общесоюзной добычи нефти и сорок процентов природного газа.

— Что же касается ближайших задач, то только Тюмень, согласно обязательствам, принятым тружениками области на XI пятилетку, выйдет на суточную добычу одного миллиона тонн нефти и конденсата в апреле 1984 года и миллиарда кубометров газа — в январе 1985 года.

Нефть и газ — это не только топливо, это и основа химической индустрии, выпускающей широкую гамму новых материалов и соединений, которые идут в дальнейшую переработку, становятся орудиями труда, повышают его производительность. А создание новых материалов, как известно, является одной из характерных особенностей научно-технической революции.

Короче, за сравнительно небольшой срок Западная Сибирь стала играть в экономике нашей страны столь значительную роль, что без ее активного участия сейчас нельзя решать ни одну крупномасштабную народнохозяйственную задачу. Уверен, что с годами эта роль еще более возрастет, ибо даже

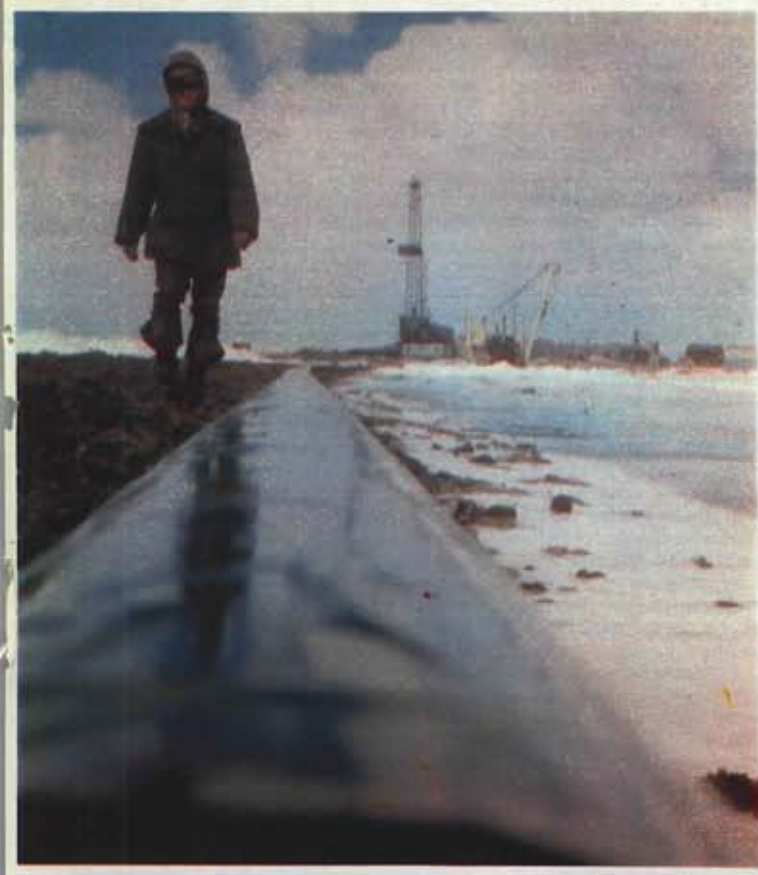

ТРУБОПРОВОД
УРЕНГОЙ — ЦЕНТР.

ОСВОЕНИЕ ТУНДРЫ.

Фото Альберта ЛЕХМУСА

ФЕВРАЛЬ НА СЕВЕРЕ.

УСТАНОВКА КОМПЛЕКСНОЙ ПЕРЕРАБОТКИ ГАЗА.

разведанные запасы позволяют намного увеличить здесь добычу углеводородов. К тому же геологи настроены довольно оптимистично в отношении новых открытий.

Подразделения Миннефтегазстроя ведут работы буквально по всей территории Советского Союза — от западных его границ до Дальнего Востока, от Заполярья до жарких пустынь Средней Азии. Обустраиваем месторождения нефти и газа, строим газоперерабатывающие заводы, компрессорные и насосные станции, прокладываем трубопроводы для транспортировки сырья и продуктов химической переработки.

И хотя объемы строительства, выполняемого нами в различных областях страны, весьма значительны, все-таки главный наш объект — и по масштабам и по значению — Западная Сибирь и все, что так или иначе связано с освоением ее месторождений нефти и газа.

— Сейчас странно вспоминать, что совсем еще недавно, всего пятнадцать-шестнадцать лет назад, было немало скептиков, которые утверждали, что, если в непроходимых топях этого края и есть какие-то полезные ископаемые, взять их будет невозможно. Невиданные темпы, достигнутые при разработке месторождений, опровергли доводы маловеров. Но, кажется, объективные трудности заставили даже сторонников этого края во многом пересмотреть методы освоения здешних богатств?

— Конечно. Для рождения новых технических идей и решений всегда необходимы какие-то побудительные мотивы. Любому поиску предшествует какая-то цель, а проще сказать, потребность общества, производства или людей.

Освоение западносибирских нефтегазовых месторождений стало в начале шестидесятых годов насущной потребностью страны, грандиозной многолетней программой, осуществление которой обещало решение целого ряда топливно-энергетических и сырьевых проблем. Это была главная цель, наша сверхзадача. Она, в свою очередь, состояла из ряда крупных задач. Те — из более мелких. И так далее. Успешное решение каждой из них способствовало достижению главной цели. Так ручейки и речушки, сливаясь, образуют могучую реку.

Трудностей тут действительно хватало и хватает. Восемьдесят процентов территории нефтяных месторождений занимают озера и болота. Северные газоносные районы лежат в зоне вечной мерзлоты. Экстремальные условия региона, масштабы и сжатые сроки, отведенные на его освоение, требовали принципиально новых решений. Причем уже в самом процессе работы они постоянно совершенствовались, видоизменялись. То новое, с чего мы начинали, с чем пришли в этот край, вскоре стало старым.

Возьмите хотя бы самую обычную уренгойскую газовую скважину. Она вроде бы ничем не отличается от тех, что строились в районе Пунги, Березова, Вынгапура и даже соседнего Медвежьего месторождения, тоже достаточно сурового и высокопродуктивного. Но уренгойская скважина в отличие от предшественниц проходит через вечную мерзлоту, отчего ее конструкция значительно отличается от тех, что бурятся в обычных осадочных породах. Зато и горючего она в зависимости от потребности и целесообразности дает в несколько раз больше, чем те, которые мы строили раньше.

Необычайно высокая продуктивность скважин Уренгоя заставила искать новые способы обустройства месторождений, создавать новые конструкции аппаратов и установок подготовки газа. Освоение месторождений Тюменского Севера мы начали с перерабатывающих установок мощностью в пять — восемь миллиардов кубометров газа в год. Сегодня уже действуют производительностью до 15 миллиардов, и мы начали строить установки на двадцать миллиардов кубометров каждая.

Этот небольшой штришок показывает, как изменился наш промысел.

Еще более разительные достижения в трубопроводном транспорте — одной из составляющих западносибирской программы, — где произошло не просто количественное наращивание мощностей, но достигнуты качественные изменения.

Так как залежи недр могли дать много горючего, стало ясно, что традиционные способы его транспортировки не годятся. При использовании труб обычных параметров нужно было бы проложить десятки магистралей. Пришлось освоить сначала диаметр 1220 миллиметров, потом 1420 и давление в 75 атмосфер. Мы первыми в мире смогли создать такие мощные транспортные системы. Американцы, между прочим, только сейчас приступили к строительству подобного газопровода в канадской провинции Альберта.

— В чем главное отличие такой магистрали от газопровода меньшего диаметра?

— Во-первых, в том, что газопровод 1420 миллиметров передает в год 40 миллионов тонн условного топлива. Образу говоря, он транспортирует энергии больше, чем ее вырабатывают за год все действующие ныне гидроэлектростанции Ангары и Енисея, вместе взятые. Это даже как-то представить трудно.

Такова мощность магистрали.

Но ко всему прочему это еще и сложнейшее инженерное сооружение. Каждая тысяча ее километров — миллион тонн металла. Каждая тысяча километров — энергетические мощности, необходимые для перекачки газа, равные современному Днепродзержинску, — 800 мегаватт. Это 50 миллионов кубометров земли, которую нужно вынуть из траншей и котлованов, произвести обратную ее засыпку, причем без учета грунта, который перемещается при рекультивации. Это, наконец, миллиард рублей стоимости всех затрат. Вот что такое всего одна тысяча километров современного газопровода.

За семидесять лет страна удвоила протяженность подземных магистралей. И связано это главным образом с освоением нефтегазовых месторождений Западной Сибири. Сейчас в Советском Союзе работает более 220 тысяч километров трубопроводов — без малого шесть поясов по экватору. Более мощных систем подобного рода не существует нигде в мире. Ни одна страна не перекачивает по своим подземным магистралям углеводородов больше, чем мы.

И дело тут не только и не столько в километрах. Если перейти от них к эффективной протяженности трубопроводов — есть такая экономическая категория, — то окажется, за прошедшее десятилетие мы не удвоили, а в четыре раза увеличили пропускную способность магистралей. Объясняется это тем, что мы перешли на трубы больших диаметров: 1420 миллиметров для газа и 1220 — для нефти.

Это только на словах звучит просто: «перешли». На самом же деле нужно было решить много различных задач. Металлурги должны были разработать новые марки стали, которые были бы устойчивы к динамическим нагрузкам, имели высокие показатели по прочности, вязкости, не боялись большого перепада температуры, то есть были работоспособны в экстремальных условиях. Ведь даже при нынешних 75 атмосферах из-за температур и давления продолжали осевые нагрузки на трубу достигают двух и более тысяч тонн. При переходе же на 100—120 атмосфер эти усилия существенно возрастут. Этого джинна нужно надежно держать в узде. И стоит ошибиться с проектированием, строительством, допустить брак при сварке или укладке, появляются концентраторы напряжения, которые, постепенно нарастая, могут привести к авариям, а то и лавинным разрушениям. Именно поэтому каждый шов трубопровода проходит обязательный контроль с

помощью рентгена, иридия, ультразвука. Такую контрольную аппаратуру тоже пришлось создать.

Институт имени Е. О. Патона разработал комплекс «Север-1» по контактной электросварке труб. Этот сложный агрегат в течение четырех минут сваривает шов на трубе диаметром 1420 миллиметров, на что высококвалифицированному сварщику шестого разряда требуется по норме две смены. К тому же «Север-1» дает отличное качество. Методом контактной сварки уже построено 26 тысяч километров трубопроводов, и за все время не было ни единого случая отказа. Ни разу он не подвел!

Но труба — это только часть дела. Переход на большой диаметр заставил сконструировать и построить новые мощные и высокопроизводительные машины и механизмы. Созданы роторный экскаватор для мерзлых грунтов, серия трубоукладчиков грузоподъемностью от 6,3 до 80 тонн, трубогибочные станы, автоматические захваты для переноски труб, мощные плетевозы, трайлеры, установки для бурения шпуров. Болота Севера — камень преткновения для любого строительства. Поэтому был разработан болотоход «Тюмень» грузоподъемностью более тридцати тонн. При полной нагрузке его давление на грунт составляет 300—350 граммов на квадратный сантиметр, почти столько, сколько у лыжника. На базе автомобиля «Урал-375» сконструирован для суровых северных условий вахтовый автобус. Двойные стекла, система обогрева позволяют поддерживать в салоне температуру в восемнадцать градусов при шестидесятиградусных морозах. Строители Севера дали автобусу высокую оценку. В городе Нефтекамске Минавтопром построен завод, где будет налажен серийный выпуск таких автобусов повышенной проходимости.

Пока наши магистрали переходили через реки, было достаточно уже имевшейся двуноглубительной техники. Но когда на их пути встали водохранилища, пришлось конструировать земснаряд, который может черпать грунт с двадцатипятиметровой глубины.

При осуществлении западносибирской программы одной из самых сложных задач оказалось строительство жилья, объектов соцкультбыта. Однако специфические условия этого региона и особенности его освоения показали, что традиционные, уже отработанные в других областях методы строительства и хорошо зарекомендовавшие себя проекты тут не всегда приемлемы. Крошечные вахтовые поселки, поселки при компрессорных и насосных станциях, полевые жилища трассовиков — всюду нужны дома комфортабельные, предельно облегченные, сборные, то есть такие, чтобы их можно было доставить в условиях бездорожья и быстро поставить на службу людям. На заводах Миннефтегазостроя выпускаются комфортабельные цельнометаллические вагоны — домики для полевых городков, жилые вахтовые комплексы «Восход», лечебно-профилактические блоки, сборные бани-сауны. Разработан у нас и сборный панельный спортивный комплекс, предназначенный для при-трассовых полевых городков. В него входят зал для спортивных игр и занятий гимнастикой, плавательный бассейн, душевые кабины. Такой комплекс сдан в эксплуатацию в Новом Уренгое. Это был хороший подарок комсомола Подмоскovie газавому Уренгою.

И опять, как видите, одна большая задача породила ряд других, более локальных.

— Борис Евдокимович, я заметил, что вы часто повторяете «у нас сконструировано», «мы построили», «мы нашли решение». Вы имеете в виду...

— Наше министерство, его предприятия и организации. То, что мне часто приходится говорить «наша идея», «мы нашли», «нам удалось», вовсе не означает избыток некоего ведомственного патриотизма. Просто такова объективно существующая реальность.

Как мы уже говорили, освоение месторождений Западной Сибири потребовало решения многих сложных задач в предельно сжатые сроки. Запланированный объем строительства нельзя было выполнить без использования новой техники и нестандартных методов организации работ, которые опять-таки опирались на новую технологию, новые машины, оборудование и так далее. Но где взять эту новую технику? Машиностроители страны, много раз выручавшие нас, в некоторых случаях были бессильны справиться с нашими заказами. Им выгодно и удобно работать с крупными сериями, нам порой требовалось всего несколько агрегатов, в лучшем случае десятков машин, да еще в кратчайшие сроки, да еще такого специфического назначения, что другим отраслям не годятся.

Глубоко разобравшись в особенностях конструкций нужных нам машин и механизмов, понять обоснованность требований, которые мы к ним предъявляем, могут только специалисты, непосредственно связанные с нашей работой, хорошо знающие ее специфику и имеющие за плечами опыт прокладки трасс, обустройства месторождений, строительства компрессорных и насосных станций. То есть это должны быть инженеры и технологи.

Короче, мы стали создавать свои собственные научно-исследовательские, проектные, конструкторские организации, производственные объединения, промышленные предприятия, экспериментальные базы, которые позволили быстро реагировать на различные проблемы, возникавшие в процессе строительства, оперативно воплощать конструкторские идеи в металл, конкретные машины, немедленно испытывать последние в производственных условиях и при положительном результате организовывать их выпуск.

Такая система позволила за годы десятой пятилетки разработать более 130 видов новых машин, приборов, оборудования, большинство из которых уже в производстве.

Такой подход заинтересовал ученых. Они охотно сотрудничают с нами, так как видят, что предлагаемые ими идеи быстро реализуются. Особенно удачно складываются отношения с Академией наук Украины, которая помогает решать нам многие проблемы. Над нашими темами работают тридцать вузов страны. И причина все та же: широкое поле деятельности, интересная работа и быстрый переход от идей к конкретным делам.

— Насколько я понял, в структуре Миннефтегазостроя фактически создана машиностроительная подотрасль?

— Именно так.

— Но у вас есть еще домостроительные мощности и соответствующие проектные и конструкторские подразделения. И объединение, разрабатывающее новые, прогрессивные виды транспорта. Выходит, что на базе ведомства, имеющего определенную узкую направленность, вырастает конгломерация довольно широкого профиля, с одним главным направлением: нефтегазовое строительство?

— Можно и так сформулировать это явление. Главное в нем то, что внешне сложная структура позволяет работать более эффективно и оперативно. Но все, как говорится, должно быть в меру.

— Вы сказали, что в Западной Сибири пришлось применять и новые методы организации работ. Наш журнал уже писал о комсомольско-молодежных строительных управлениях и трестах, впервые родившихся именно на этой земле, и о комплектно-блочном строительстве, впервые внедренном здесь. Какие организационные новинки можно ждать здесь в будущем?

— Сейчас мы приступили к осуществлению проекта, в котором как бы сконцентрированы сразу и экономиче-

ские, и социальные, и организационные аспекты. По своим масштабам он столь грандиозен, что не может быть сравним ни с одной новинкой прежних лет. Суть дела в следующем. В текущей пятилетке мы должны проложить с Тюменского Севера в Центр и на Запад европейской части страны пять сверхмощных газопроводов. Эта стройка не имеет аналогов в мировой практике не только по своим размерам, но и по срочности. Впервые поставлена задача — в год пуска выводить каждый газопровод на проектную мощность. Обычно разрыв между этими моментами достигал трех и более лет. Впервые в мире многоконтинентальная система гигантских трансконтинентальных магистралей будет сооружаться в так называемом едином технологическом коридоре. В ближайшей четверть года пять новых магистралей пролягут рядом с двумя, построенными ранее. Полное сооружение такого энергетического коридора выйдет за пределы одиннадцатой пятилетки и охватит весь период до 1990 года. Со временем только по нему одному будет транспортироваться столько газа, сколько его добывала страна в конце десятой пятилетки.

Невозможно переоценить экономическую эффективность этого проекта и его влияние на рост валового национального продукта. Но мне сейчас хотелось бы сказать о другом. Система параллельно идущих ниток позволит создать вдоль всей магистрали ряд постоянных комфортабельных поселков трубопроводостроителей. Расстояние между поселками будет соответствовать объему работ расположенного там строительного подразделения. Теперь ему не нужно будет со всеми своими вагончиками двигаться вдоль трассы. За подразделением закреплен определенный участок коридора. Закончилось сооружение одной нитки, переходили на вторую, потом — на третью и так далее. Трассовики будут вести более оседлый образ жизни, постоянно находиться в одной климатической зоне, что благотворно скажется и на работе и на условиях жизни, быта.

— Ни одна предыдущая новостройка Западной Сибири не обходилась без активного участия комсомола. Строительство новых магистралей станет следующим этапом комсомольского шефства?

— Центральный Комитет ВЛКСМ постановил направить на сооружение газотранспортной системы более восьми тысяч добровольцев. Ежегодно в строительстве магистралей будут участвовать студенческие строительные отряды — не менее двенадцати тысяч человек. Кроме того, будет расширяться шефство комсомола над решением инженерно-технических проблем, разработкой новых образцов техники и внедрением новых технологий, прогрессивных методов организации труда, комплексной механизации трудоемких процессов. В таком большом деле хватит работы не только для молодых рук, но и для большого творческого поиска.

Сейчас мы начали внедрять на сооружении трубопроводов еще одну новинку — комплексный технологический поток. Поток — это в известном смысле большая (более четырехсот человек) комплексная хозяйственная бригада. Она оснащается полным набором машин, необходимых для ведения работ по сооружению магистрали, комплектуется соответствующими специалистами. Раньше строительство газопроводов осуществлялось специализированными бригадами: одна рыла траншею, другая сваривала трубу, третья изолировала ее, четвертая укладывала и закапывала. И стоило одной запнуться, останавливалась работа и у соседей. В потоке — по существу, это своего рода завод на колесах и гусеницах — все операции — общее дело, общая выработка. За собой он оставляет сваренный, изолированный, укрытый в траншею, словом, полностью готовый к эксплуатации участок трубопровода. Такая организация

В ШАХТУ ЗА НЕФТЬЮ

позволила повысить производительность труда. Есть потоки, которые в сутки прокладывают по километру магистралей. Сто дней—сто километров!

— В энергетическом коридоре пройдет из Уренгоя до Ужгорода? За рубежом договор о ее сооружении, заключенный между СССР и ФРГ и названный «Газ—трубы», считается «делкой века». Только в ФРГ к участию в проекте привлечено около трехсот фирм. Как с нашей стороны идут работы по реализации этого международного проекта?

— Если коротко: газопровод будет готов раньше, чем предусмотрено контрактом. Он ничем не отличается от других, уже построенных подобных сооружений. Так что у нас есть и опыт и техника— все, что нужно для успешного строительства.

— Кстати, о трубопроводном транспорте. Не могли бы вы рассказать, как можно применить его в отраслях, не связанных непосредственно с нефтью и газом?

— Сначала несколько цифр. В 1960 году на долю железнодорожного транспорта приходилось около восьмидесяти процентов грузооборота страны, на трубопроводный— чуть больше трех. Через двадцать лет доля железных дорог снизилась до 50,4 процента от общего грузооборота, трубопроводный взял на свои плечи почти третью часть грузов. Эта тенденция к структурным изменениям на транспорте сохранится и в будущем. В десятой пятилетке грузооборот только нефтепроводов достиг 1,2 триллиона тонно-километров! В одиннадцатой пятилетке половина прироста грузооборота придется на трубы. Уже сейчас по ним передается более двух третей топлива страны.

Удобство и выгода подземного транспорта в том, что он снижает транспортные издержки, исключает потери продукта, которые случаются при перевозках, повышает надежность, маневренность снабжения, практически полностью устраняет негативное воздействие транспорта на окружающую среду. Все это, естественно, вызвало желание приспособить его и для других видов грузов, а не только для топлива. В конце прошлого года было закончено сооружение аммиакопровода Тольятти—Одесса. Это уникальное инженерное сооружение протяженностью более 2400 километров, способное доставлять ежегодно потребителям в Российской Федерации и на Украине 2,5 миллиона тонн ценных удобрений,— неотъемлемое звено агрохимической части продовольственной программы страны.

По всей магистрали, примерно через каждые 80 километров, построены раздаточные пункты с емкостями, которые будут наполняться из трубопровода. Отсюда аммиак на специальных автомашинах развезут на поля и внесут в почву.

Все сооружение полностью автоматизировано и управляется из двух диспетчерских пунктов, расположенных в Тольятти и Одессе. На самой трассе останутся только обходчики.

Уже работает ряд этано- и этиленопроводов. Вводятся в строй продуктопроводы Оренбург—Казань, Ангарск—Зима.

Большие преимущества даст использование трубопроводов для транспортировки твердых материалов. Выполнен технический проект углепровода из Белова в Новосибирск протяженностью 250 километров и пропускной способностью около трех миллионов тонн в год.

— Уголь будет подаваться в виде пульпы?

— Точнее сказать, пасты. Разработано технико-экономическое обоснование трехсотсемидесятикилометрового трубопровода из Кривого Рога в Донбасс для транспортировки железорудного концентрата. Этот вариант по сравнению с реконструкцией сети железных дорог дает экономии капитальных вложений около 30 миллионов рублей.

Ведутся исследования и проектные разработки, связанные с созданием магистральных углепроводов из Кузбасса на электростанции Урала, Поволжья, Центра, разрабатываются пневмоконтейнерные системы, трубопроводные поточно-контейнерные линии.

Уверен, что рано или поздно этот вид транспорта придет на село. Мы много теряем при перевозке урожая. На осеннюю пору простаивают в очередях на элеваторах и приемных пунктах. Потом хлеб отсюда отгружают на мельничные комбинаты, хлебозаводы. Сплошные перегрузки. А ведь трубопровод мог бы весь этот поток взять на себя. По нему можно передавать и зерно и муку. По нему же в обратном направлении, на село, можно было бы подавать удобрения, промышленные и продовольственные товары.

— Мне хотелось бы вновь вернуться к проблемам Западной Сибири. Расчеты показывают, что добыча газа в северных районах Тюменской области в будущем может значительно вырасти по сравнению с уровнем, запланированным на конец однойнадцатой пятилетки. С этим поном топлива, видимо, будет трудно справиться даже сверхмощным магистралям, к строительству которых мы сейчас приступаем. Как будет решаться эта задача?

— Сегодня мы стоим на пороге воплощения в жизнь новых идей. Уже в этой пятилетке нам предстоит перейти к строительству магистралей на 100—120 атмосфер. Первый опытный участок под Киевом построен. На нем отработывалась технология строительства. Очередь за вторым— в районе Нового Казыма. Затем мы приступим к строительству примерно трехсоткилометрового эксплуатационного участка от Уренгоя, как раз в головной части экспортного газопровода, идущего в Ужгород. Уже решены технические задачи по созданию трубы, выдерживающей такое высокое давление и способной в критических ситуациях локализовать взрыв. Он как бы взлетит в ее многослойной стенке. Институт имени Е. О. Патона разработал многослойную, а институт, возглавляемый академиком Александром Ивановичем Целиковым,— двухслойную. Скоро заводы Выксы, Харьцызска и Волжского приступят к их производству.

Когда будет накоплено достаточное количество многослойных труб, мы приступим к строительству магистрали с давлением в 100—120 атмосфер.

— Что даст переход на новый класс газопровода?

— При том же диаметре 1420 миллиметров он сможет пропускать на одну треть топлива больше, чем газопровод в 75 атмосфер. Если же транспортировать охлажденный газ, при повышенном давлении мы сможем передать его намного больше.

Новая труба будет несколько тяжелее прежней, и это увеличит общий расход металла. Потребуется она и более мощная, а значит, и более дорогих компрессоров и иного оборудования. Зато объем земляных и некоторых других видов работ останется прежним. В целом на единицу доставленного горючего будет истрачено меньше средств, и это сделает новую магистраль высокоэффективной.

В более отдаленной перспективе, видимо, придется передавать по трубам не только западносибирский газ, но выработанный из него метанол, который является и химическим сырьем и моторным топливом одновременно. Это позволит нам при одном и том же диаметре трубы передавать калорий примерно в семь раз больше. Для этого, разумеется, нужно будет построить химические предприятия по выработке метанола. Но сам подход обещает дать большой экономический эффект.

В Западной Сибири свершаются грандиозные дела. Энергетические трассы века зовут молодых.

Поверх белоснежного белья— комбинезон, а на очереди— просторная брезентовая роба и столь же необычные штаны. Первые несколько минут с непривычки едва передвигаю ноги.

— Э-э, так много не находишь,— усмехается в антрацитовые усы мой проводник Данила Прокочук.— Штаны— в голенища. Без шика, зато не спотынешься.

Покончив с обмундированием, направляемся к клетке. Щелкает задвижка, открывается железная дверца. И вот уже мы проваливаемся в двухсотметровый колодезь. Мелькают шершавые коричневые стены. Картина, привычная для всех, кто хоть раз спускался под землю. И все же шахта эта необычна— тут добывают не уголь, а нефть.

...Еще 115 лет назад в Печорский край отправилась экспедиция Ф. Беллинсгома и П. Чубинского. Она пробурила в районе таежной речушки Яреги, куда забредали тогда лишь охотники за пушной, разведочную скважину небольшой глубины. По листовичной обсадной трубе стекли первые литры нефти. А в начале нашего века четырехдюймовую скважину заложил искатель приключений Юрий Александрович Воронов, гвардии капитан. Он наткнулся на песчаник, пропитанный нефтью. Но усилия подвизника были тщетны. Царское правительство было равнодушно к подобному рода открытиям.

Перемены принес Великий Октябрь. Цитирую текст письма, отправленного в Архангельск 9 марта 1920 года члену Президиума ВСНХ тов. Ломову:

«Постарайтесь разыскать или поручите разыскать печатные материалы и отчеты о нефтеносном районе реки Ухты в музее общества изучения Северного края и в управлении госудимуществами.

Ленин».

По указанию Владимира Ильича в Ухту послали несколько экспедиций. Одна из них обнаружила месторождение тяжелой нефти, залегающей на глубинах 140—210 метров.

...Легкий толчок, ляг металл— приехали. Выйдя из клетки, я остановился в неведении: в какую сторону двигаться?

— Не отставай,— предупредил Прокочук.— На сорок с лишним километров протынулись эти лабиринты, шутка ли? А поработаешь, привыкнешь и с завязанными глазами не заблудишься.

Мы идем по откаточному штреку, обдуваемые сквозняком с каким-то особым острым привкусом. Подошвы резиновых сапог смачно чавкают, приликая к нефтяным подтекам. Вдруг вдали вспыхивает яркий сноп света. Навстречу нам, погромыхивая на стыках узкоколейки, катит маленький поезд: грузы и людей по шахте перевозит электровозы. 40 же лет тому назад на месте депо раздавалось лошадиное ржание— тут была конюшня, а в помещении, где теперь аккумуляторная, стояли мешки с овсом и хранилась подруга...

И вот дошли. Данила Прокочук берет буровой молоток, похожий на пулемет с длинным дулом. Исследовал серую стенку породы, аргиллита, Прокочук и его напарник Иван Мишуринов пробивают снизу доверху отверстие— шурфы. Сюда закладывают взрывные устройства. После направленного взрыва вентиляционный штрек значительно удлиняется. Вновь образовавшиеся своды укрепят основными бревнами. Кстати, крепеж устанавливают сами проходчики. Каждый из ребят владеет смежной профессией. Каждый может работать и бурильщиком.

...Наш дальнейший путь лежит в святая святых шахты— нефтяной пласт. Темноту раздвигают лампы, подвешенные к каскам. В фантастической игре теней буровой станок напоминает гигантского осьминога, вцепившегося щупальцами в стены подземной пещеры. Возле станка— двое парней. Работа идет вовсю. И хорошо видно, как «жало» бура вливается в пласт. Иногда буровой станок умолкает. «Жало» вытаскивают, чтобы нарастить дополнительные штанги. В пробуренные отверстия, а точнее, в скважину, проведут трубы, по которым сверху, из котельной, будет нагнетаться мощный поток пара. Пар, проникнув в нефтеносные слои, размягчит тяжелую нефть, упрятанную в песчанике, сделает ее подвижной, текучей. А значит, транспортальной.

Осторожно, чтобы не поскользнуться на ступенях деревянной лестницы, спускаемся все ниже и ниже. Нефть, потерявшая вязкость под действием пара, сочится из любой мало-мальской трещины. Мы достигли галереи уклона. Здесь нефть, перемешанная с водой и конденсатом, выходит наружу. Мысленно это можно представить так: в нижнюю часть пласта введены сотни труб-ловушек, в которые под давлением устремляется разжиженная нефть. Устья нефтяных скважин торчат из стены, как жерла пушек. Открываю кран, вечающий конец трубы. Слышу нарастающее шипение, а секунду спустя летит густая маслянистая струя. Подставляю ладони. Они мгновенно покрываются ровным темным слоем, словно натянул перчатки шоколадного цвета.

Нефть льется из кранов и стекает по уклону в специальные отстойники, где вода отделяется, а песчинки и другой сор оседают в фильтрах. Отсюда насосы перекачивают нефть в хранилища, расположенные тут же, под землей. А уж из подземных танков нефть подается по трубам наверх. Вот и весь цикл.

Один из ведущих специалистов, разработавших этот способ добычи нефти, лауреат Государственной премии СССР, главный инженер шахтоуправления Евгений Иванович Гуров, с гордостью рассказывает, что в окрестностях Яреги планируется строительство четырех новых нефтяных шахт, а две будут реконструированы. Под землей станут работать машины с дистанционным управлением, системы автоматизации и телемеханики, ЭВМ. Шахты, добытые ярегской, предполагается открыть в Азербайджане, Башкирии и других районах страны.

...Вот и закончилась смена. На поверхности в раздевалке, куда мы пришли вместе с Данилой Прокочуком и Иваном Мишуриным, встретились с другими ребятами из передовой бригады— Ганнадием Кузнецовым и Дмитрием Болтовым. Они заступали на очередную вахту.

Александр ВОЛОБУЕВ

На взлете

Ты шутя говоришь: «Каракатица»...
Не смотри, что он так неуклюж,
Словно нехотя,

медленно катится
Между стыков бетонных и луж.

Не смотри, что вразвалку, качается.
Его силу не всякий поймет.
Пыль и лужи, как змейки, взвиваются
Перед тем,

как движок их всосет.

Посмотри-ка, дорожка бетонная
Прогибается сотами плит.
Пока туша по ней многотонная
К полосе опустевшей рулит.

Но смотри, он пронесся стремительно
Под грохочущий, грозный мотив.
Ты руками всплеснешь:

«Восхитительно!

До чего же он все же красив!»
Да, изящно взлетел.

Тем не менее

Мог сильней тронуть душу твою:
Не хватило бы слов восхищения.
Доведись его видеть в бою!

Александр ГРЕБЕНКИН

Проводы

Лошадей поставив под березки —
Под густую лиственную тень,
На перроне бабы и подростки
Собрались из дальних деревень.

На дорогу в узелках продукты:
Горстка соли и последний хлеб...
Ликовал победно репродуктор:
— Наши взяли город Кингисепп.

Город взят.
...А сколько их не взято?
Сколько минных замерло полей?
И опять,

опять,
опять в солдаты

Провожают
бабы сыновей.

Виктор КРУТЕЦКИЙ

Перед школой Вовка поднял камень,
Оглянулся и замедлил шаг,
А его приятель Колька замер:
В школе вой гармошек, в школе враг.

Вовка, Вовка — узенькие плечи,
Рыжий чуб, не чесанный давно,
Помнят все, как в тот осенний вечер
Зазвенело школьное окно.

Помнят топот ног ребячьих, быстрых
И сухой, как треск ореха, выстрел...
А сейчас стоишь ты на граните
Перед школой. Здесь такой уют!
Клены, клумбы, солнечные нити...
Не из них ли птицы гнезда вьют?

Владимир МАРФИН

Бомбардирский поручик Толстой

Обгорелый, истерзанный тополь.
Горный склон черным ветром продут.
Девятнадцатый век. Севастополь.
Бастион. Безымянный редут.
В перепачканном грязью мундире,
при команде своей сам-шестой,
с фитилем припадает к мортире
бомбардирский поручик Толстой.

С ОТЦАМИ СВЕРЯЯ ШАГ

23 февраля —
День Советской Армии
и Военно-Морского Флота

Борис АЛЕКСАНДРОВ,
народный артист СССР,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской
и Государственных премий

Воспоминания... Всего лишь одно слово, а за ним вся жизнь. Оно вбирает в себя столько пережитого, прочувствованного, что, порой не ощущая за занятостью быстротечности времени, лишь спустя десятилетия замечаешь, да и то благодаря окружающим, что пришло время что-то вспомнить, потому что растет молодое поколение, достойная смена, для которой ты все это делал и так спешил успеть еще больше. Ну, а если кто-то говорит, что ему нечего вспомнить, не верьте: просто человек вхолостую прожил жизнь — это беда, когда прожитые годы не теребят памятью о себе.

Как это часто бывает, периоды в жизни человека, о которых хочется вспомнить, чередуются не совсем в той хронологической последовательности, как записано в трудовой книжке. Согласитесь, что это даже скучно, когда собеседник пересказывает свою жизнь день за днем, придерживаясь строгой последовательности, то и дело перечисляя дни, числа и годы. Чтобы этого не случилось, мне хотелось бы вспомнить только то, что меня искренне волновало и волнует сейчас, что глубоко запало в душу, что связывает мою судьбу с судьбой Родины.

Человек искусства, по-моему, редко отделяет личную жизнь от жизни на сцене. Ведь они, эти две

«Чубарики-чубики». Через несколько минут новая — «Гей, в Таганроге». У меня от них, как сейчас помню, даже мурашки по телу пошли — так мне солдатские песни понравились. Потом, когда вдоль реки, печатая шаг под песню, пошли колонны солдат в выбеленных на солнце гимнастерках, я не выдержал и кинулся бежать за песней. Она быстро удалялась, а я все бежал и бежал за ней по берегу великой реки...

Этот день я запомнил на всю жизнь, как и тот, когда впервые услышал чарующие звуки музыки. В семье у нас все пели и играли. Мама с удовольствием пела в любительских хорах, отец по призванию и образованию был музыкантом, работал тогда хормейстером. Он учился в Петербургской консерватории. Его учителями были Римский-Корсаков, Глазунов, Лядов. К нам в дом часто приходили друзья отца, которые тоже большую часть своего времени отдавали музыке. Я любил наблюдать, как отец с друзьями сочиняли и разучивали новые песни, подолгу о чем-то спорили. Мне доставляло удовольствие присутствовать при этом, даже во двор к ребятам идти не хотелось.

Среди братьев я был старшим. Меня первым отделили в детский хор, а в шесть лет я начал заниматься на рояле. Братья с нетерпением ждали меня после занятий и всякий раз просили напевать им сцены из опер. Я не отказывался — мне самому нравилась эта маленькая аудитория поклонников моего таланта. Помню, особый восторг у них вызвала сцена в корчме из оперы «Борис Годунов». Мы ее даже поставили в домашних условиях. Братья передевались, приклеивали усы и бороду, один изображал Барлаама, другой — Мисаила, а я был режиссером. Однажды за этим занятием нас застали родители. Мы, увлеченные игрой, не заметили их присутствия, а когда закончили, они громко рассмеялись и зааплодировали. Аплодисменты, как нам казалось, были вполне заслуженные.

Учился я в реальном училище и очень скоро понял, что некоторые предметы меня совершенно не интересуют, а только зря отнимают время. Я научился ловко уклоняться от занятий, но не болтался без дела по

ПЕСНЯ В СТРОЮ

жизни, дополняют и обогащают одна другую. У одного моего друга, известного артиста, прекрасная семья, взрослые дети, но когда я недавно спросил его при встрече: «Ну как дела, дружище?» — он меня удивил: «Да так себе». Потом я узнал, что в его театре ставят новый спектакль и порученную ему роль он трактует совсем не так, как главный режиссер.

Чем композитор, художник, актер отличается от инженера, токаря, пекаря? Да вроде бы ничем. Те же руки и ноги, глаза и уши, те же пять чувств. Многие любят музыку и умеют играть хотя бы на одном музыкальном инструменте. Да и художественное видение и восприятие мира свойственно почти каждому человеку. В чем же тогда отличие человека искусства от человека, занимающегося другим делом? В том, что художнику дано от природы видеть больше и иначе, чем другим людям. Для многих хорошая мелодия песни воспринимается одинаково. Для музыканта оценка песни не может быть однозначной, потому что в мелодии есть десятки тонов и полутонов, каждый из которых при повторном исполнении песни несет в себе что-то новое, удивительное и неповторимое. Мы все видим снег белым, а живописец в этой близине различает множество всевозможных оттенков. Вот этот дар особого, художественного видения предметов, образов и позволяет человеку — одному в большей степени, другому в меньшей — сказать свое слово в искусстве. Ну, а начинается все с детства, с той поры, когда человек только формируется, и тут часто обстоятельства складываются так, что судьба его оказывается уже predeterminedенной его родителями, их занятиями и увлечениями.

Прошло много десятилетий, мне сейчас уже за семьдесят, но картины детства навсегда врезались в мою память. Мы жили тогда в небольшом городке Тверь на берегу Волги. Недалеко от нашего дома стояли солдатские казармы из темно-красного кирпича. Хорошо помню один жаркий летний день. Мы, мальчишки, — среди нас большинство были дети рабочих Морозовской мануфактуры — загорали недалеко от казарм. У меня было приподнятое настроение — в тот день как раз я научился плавать. Сердце чуть не выскакивало из груди от радости, и вдруг, словно в такт его ударам, со стороны казарм донеслась песня:

улице, а бежал в театр, пробираясь за кулисы и следил за тем, как репетируют артисты. Приходилось при этом тщательно маскироваться, так как в постановках оперы принимал участие отец и в случае моего обнаружения мне никак не удалось бы избежать наказания. Хотя «конспирация», как мне казалось, часто выручала, но стоило кому-то из театра узнать меня и сообщить отцу, картина была печальной. И все равно, когда это удавалось, я предпочитал смотреть на сцену из-за кулис, настолько волновало меня чудо перевоплощения артистов. Мне кажется, отец видел эту мою огромную тягу к театру и в один прекрасный день взял меня с собой на «Пиковую даму» Чайковского. Потом я посмотрел «Ивана Сусанина» Глинки, «Русалку» Даргомыжского, одним из организаторов которых тоже был отец.

Петь я начал с того момента, как себя помню. Но серьезно вокалом занялся только тогда, когда семья переехала в Москву. Отец окончил Московскую консерваторию, и его пригласили в ней преподавать. Тогда же и я начал петь в детском хоре Большого театра. У меня был альт. На сцене Большого довелось выступать в спектаклях с участием Шаляпина, Неждановой, Собинова, Обуховой, петь дуэтом с Григорием Пироговым. Это была великолепная школа для начинающего музыканта. Мне очень хотелось им стать, и потому я буквально из кожи лез, чтобы хоть немного быть похожим на настоящих артистов, на отца, поражавшего всех своей необыкновенной работоспособностью. Он, в тридцать девять лет ставший профессором консерватории, каким-то чудом успевал буквально везде: вел классы хорового пения, композиции, полифонии, сольфеджио, деятельное участие принимал в создании военно-капельмейстерского и хорового факультетов. Глядя на отца, в душе завидуя его энергии и трудоспособности, я дни и ночи напролет проводил в репетициях. В результате успешно окончил музыкальную школу. Музыка отнимала все свободное время — даже газеты почитать было некогда, и за это я однажды чуть не поплатился целым годом упущенных занятий. История эта произошла во время сдачи вступительных экзаменов в консерваторию. Выступил с фортепианным концертом, написал диктант, сочинение. Как будто все шло гладко до того

момента, пока кто-то из членов приемной комиссии не задаст вопрос: «Что означает на современном этапе смычка между городом и деревней?» Я растерялся, сказать ничего конкретного не могу. И так стыдно стало за свою неосведомленность, что хоть сквозь землю провалиться. В душе проклинал себя на чем свет стоит и в ту минуту дал себе слово газеты читать регулярно, даже если в консерваторию не попаду. И, будто услышав мой внутренний голос, преподаватель говорит: «Музыкально вы подготовились хорошо, а вот грамоты политической не хватает. Музыка же только тогда будет грозным оружием, когда ее понесут в массы грамотные люди. Помните это». Все-таки меня приняли...

Учась в консерватории, я одновременно работал в клубе Госбанка. В то время по всей стране были очень распространены так называемые «живые газеты» или агитбригады «синеблузников». Их выступления были своеобразной формой просвещения населения. Мы, синеблузники, пели куплеты под музыку, выкрикивали лозунги, делали различные построения и таким способом рассказывали собравшимся о сегодняшнем дне страны, о ее свершениях. «Живые газеты» очень нравились публике.

После выступления я часто бежал в Центральный Дом Красной Армии на репетицию к отцу. Пробирался в последние ряды кресел и следил за тем, как отец работал над первой программой только что созданного им «Ансамбля красноармейской песни». Каждый раз, когда во время перерыва он выхаживал по проходу и приближался ко мне, я от страха втягивал голову в плечи и наклонялся почти до пола. И все же он меня заметил. Тяжелым взглядом уперся в мою скорченную фигуру, несколько секунд, которые мне показались часами, смотрел так на меня, потом сердито сказал: «Ступай заниматься. Что ты здесь торчишь целыми днями? У тебя скоро выпускные экзамены». Спорить было бесполезно, пришлось повиниться.

Было начало 1928 года, я действительно готовился к окончанию консерватории и все же втайне от отца продолжал ходить на репетиции ансамбля, о существовании которого знали еще очень немногие. Наконец в газете «Красная звезда» появилось сооб-

щение, что 12 октября в ЦДКА выступит «Ансамбль красноармейской песни», музыкальным руководителем которого является профессор Александров. В тот день на занятия я, конечно, не пошел. Первая программа ансамбля, созданного для того, чтобы знакомить красноармейцев с историей страны, с тем, как сражались в гражданскую их деды и отцы, состояла из литературно-музыкального монтажа «Двадцать вторая Краснодарская дивизия в песнях». В ней участвовало 12 человек: восемь вокалистов, два танцора, баянист и чтец. Чтец рассказывал о боевом пути дивизии, а хор «обрамлял» эпизоды музыкальными заставками — песнями гражданской войны: «Гей, по дороге», «Гулял по Уралу Чапаев-герой...». Заканчивалось выступление пляской.

Я хорошо помню этот первый концерт. Зал был полон. Чувствовалось, что всех захватило происходящее на сцене. Когда артисты под звуки траурного марша Шопена рассказывали о погибших героях, многие в зале плакали. Замер голос чтеца, прозвучала последняя нота. В зале несколько мгновений было тихо, а потом — взрыв аплодисментов...

Так состоялся дебют того ансамбля, который впоследствии стал называться Краснознаменным ансамблем песни и пляски Советской Армии имени А. В. Александрова.

В том же году закончилась моя учеба в консерватории. За это время я написал две симфонии, концерт для фортепиано с оркестром, два струнных квартета. Но все больше чувствовал, что меня влечет военная патриотическая песня. Своей первой значительной работой в этом жанре считаю музыку к «Песне о Ленине», за которую на консерваторском конкурсе получил вторую премию. До сих пор я очень горжусь этой наградой.

После консерватории меня назначили заведующим музыкальной частью Центрального театра Красной Армии, и бывать на репетициях нового ансамбля, который притягивал, словно магнит, стало не только проще, но и удобнее: театр был расположен прямо в ЦДКА, кроме того, появился уже официальный повод «торчать» на репетициях ансамбля. А он с каждым днем рос и набирал силу. Первое боевое крещение ансамбль получил на Дальнем Востоке в составе «агитационно-инструкторской группы ЦДКА». Люди старшего поколения, наверное, хорошо помнят 1929 год, когда произошел конфликт на КВЖД. Вот так, на втором году своего существования, ансамбль оказался в районе боев.

Когда артисты вернулись в Москву, отец рассказал мне о поездке. На подводах, верхом на лошадях, а чаще всего пешком пришлось им добираться до мест выступления. Во время концертов то и дело грохотали пушки, а перевозить с позиции на позицию можно было только под прикрытием ночи. В результате той поездки родился монтаж «Особая Дальневосточная в песнях». В сотнях писем, привезенных отцом в Москву, красной нитью проходили слова бойцов: «Ваши выступления воодушевляют нас, ведут в бой!» Вот когда реально проявилось значение военной песни как мощного духовного оружия. Наступательный порыв, ярость и мощь, удал и сила, отвага и честь советского солдата — все эти качества воспевают настоящая солдатская песня.

К тому времени я уже тесно сотрудничал с ансамблем: он исполнял некоторые написанные мной для хора песни. Но особые чувства испытал я тогда, когда впервые занял место дирижера ансамбля. Трудно передать ощущение той ответственности, которую испытываешь, держа в руках дирижерскую палочку. Десятки глаз следят за движениями твоей руки. Стоит лишь взмахнуть ею, и различные по силе и тембру голоса и звуки заполняют огромный зал. В первое время, чего греха таить, было нелегко: куда денешься от мысли, что от твоего малейшего движения зависит реакция многочисленного коллектива профессиональных артистов. Ведь все, что испытывает дирижер, передается музыкантам. Человек, вставший за пульт, должен всегда помнить об этом.

Итак, осуществилась моя мечта, и я стал работать заместителем художественного руководителя ансамбля. Но, как это было со многими молодыми, только вступающими в жизнь людьми, планы, мечты о творческой деятельности разбилась о страшное известие: началась война. Помню, как в первые же дни войны отец поехал к наркомобороне и добился разрешения на выезд ансамбля на фронт. Разбились на четыре группы: три должны были выехать на Южный, Юго-Западный и Западный фронты, а четвертая — на зенитные батареи Подмосковья. Пока шла подготовка к отъезду, отец вместе с поэтом Лебедевым-Кумачом создали песню «Священная война», которая стала боевым знаменем нашего народа и армии на весь период войны. Помню, как мы впервые исполнили ее уже на четвертый день войны на Белорусском вокзале. То и дело раздавались паровозные гудки — эшелон за эшелон отправлялись на фронт.

Солдаты, ожидая команды на посадку, лежали, сидели на своих фанерных сундучках, курили, тихо беседовали. Когда же мы начали песню, все встали, взяли в руки оружие и так стояли до самого последнего аккорда. Этой песней потом, во время поездов на фронт, мы всегда открывали концерт, потому что она, как никакая другая, нацеливала бойцов на борьбу, на окончательную победу над врагом. Эту песню наш ансамбль исполнил и в июне 1981 года на том же вокзале... Исполнил не единожды.

Нравилась солдатам и зазорные, шуточные песни. Такие песни Анатолия Новикова, как «Самовары-самопалы» и «Вася-Василек», пользовались особой популярностью. В первой шутилке сравнивается гвардейский миномет «Катюша» с русским самоваром. Шутиливый текст вызывал взрывы хохота у бойцов, особенно у артиллеристов. Как-то мы исполняли эту песню во время короткой передышки между боями на одном из участков фронта. Командир части, поблагодарив нас за концерт, сказал: «В знак благодарности за ваше искусство через несколько минут выступят наши «артисты», которые покажут вам действие «тульских самоваров-самопалов». И действительно, прозвучала команда: «В честь Краснознаменного ансамбля — огонь!» И на позиции врага полился смертоносный огненный «кипяток».

За годы войны мы проехали много тысяч километров по всем фронтам, выступали и перед летчиками, и перед моряками, и перед танкистами и, думаю, здорово им помогли не только громить врага, но и переносить все тяготы военного времени. Потому что наши артисты, кроме того, что пели, играли, плясали, были как бы символом Большой земли, приветом от родных, друзей, знакомых, воспоминанием о мирной жизни.

Хоть и старались нас беречь, мы тоже часто рисковали жизнью, как и все. Не раз выступали во время артобстрела, ездили по дорогам, которые бомбил враг. Однажды каким-то чудом проскочили через минное поле. Давали концерты и в окопах, и в эшелонах, и на палубах эсминцев, и даже по телефону пели для караульных... Находились смельчаки, которые с баяном проползали под заграждениями на передовые позиции и пели больше не под аккомпанемент баяна, а под свист пуль. Не щадя своих жизней, мы «доставляли» наши песни, которые бойцы называли «душевными боеприпасами», в самые горячие места. Помню, на Брянском фронте выступали у танкистов. Только спели любимую всеми песню «Позарастали стежки-дорожки», как пришел приказ батальону начать атаку позиций противника. Садясь в машину, один солдат так и сказал: «Вот за эту русскую песню, за весь русский край, за наши дорожки стежки-дорожки сейчас пойдем бить фрицев». И не случайно в годы войны за ансамблем закрепилось звание «коллективного политракторника». Так и было на самом деле. Армейская песня звала на подвиг, воодушевляла солдат перед сражением, настраивала на победу.

Мы работали с полной отдачей: за 1418 дней войны ансамбль дал более 1500 концертов и больше половины из них — на передовой.

Коллектив наш разросся: в оркестре, хоре и танцевальной группе было 250 человек, и среди них те, кто с оружием в руках защищал Родину. Зенитчиком был, дошел до Праги, имеет правительственные награды, ныне народный артист СССР Евгений Беляев. Не один фашистский самолет сбил, сам не раз горел в воздухе, но выжил и вернулся в строй народный артист РСФСР Иван Букреев. Горестно вспоминать, но пять артистов ансамбля не дожили до Дня Победы, десятки были тяжело ранены. Ну, а легкие ранения не в счет.

9 мая 1945 года мы встретили в Москве. Что это был за день! Радость, смех, слезы, веселье буквально переполняли нас, казалось, что на земле у всех людей и у каждого в отдельности был день рождения. Да ведь и действительно это был день рождения человечества, разгромившего наконец-то фашистскую чуму. Никогда после этого мне не приходилось переживать подобного счастья, да и не только мне, думаю. В честь этого дня отец написал «Победную кантату», а я — «Песню Победы», которые сразу были включены в репертуар ансамбля. И мы тотчас перестали выполнять функции живого «учебника истории» или газеты — отпала в этом необходимость. В нашем репертуаре остались песни и танец. Главной своей задачей теперь мы считали исполнение песен, составляющих музыкальную летопись страны.

В нашем репертуаре много боевых, зазорных армейских песен. К стати, многие считают, что это прежде всего строевая песня, помогающая держать строй, соблюдать дистанцию и поддерживать дисциплину. Такую песню называют еще походной. Возникла она давно, но со временем существенно изменилась. До революции солдаты пели «для шага» — на содержание песни мало обращали внимания. Совершенно

иной стала солдатская песня в наше время. Расширилось ее содержание: сегодня она может быть и военно-патриотической, и лирической, и шуточной. Вообще интонация песенного творчества с годами меняется так же, как интонация нашей речи. Сейчас ведь мы говорим совсем не так, как говорили в двадцатые годы. И мелодичная основа песен, которые мы поем сегодня, совсем иная. В том числе и песен солдатских. Вспомните такую песню, как «Эшелонная» А. Александрова — ее мелодия характерна для двадцатых годов, песня М. Блантера «Солнце скрылось за горами» вся построена на интонациях сороковых годов, а вот «В путь» В. Соловьева-Седого — уже песня пятидесятых годов. К каждой новой песне, которую мы берем в репертуар, мы предъявляем высокие требования: она должна быть мелодически яркой, свежей и поэтически образной, с отчетливо выраженной драматургией. Такие песни у нас есть, и хочется надеяться, что будут и впредь.

Часто исполняем мы народные, классические песни, потому что армейская аудитория любит их и очень хорошо принимает. Кроме того, классика дает возможность ансамблю развернуться в полную силу, показать свой уникальный мужской хор — по составу и богатству голосов другого такого нет в мире. Каждый из артистов обладает безукоризненными певческими данными, позволяющими им, могу утверждать это твердо, петь в лучших оперных театрах страны.

Теперь «золотой фонд» ансамбля составляют любимые народом песни, написанные советскими композиторами: А. В. Александровым, Т. Хренниковым, В. Соловьевым-Седым, А. Новиковым, М. Блантером, А. Пахмутовой, Б. Мокроусовым, С. Туликовым, П. Терентьевым и другими.

Над каждой новой песней работаем долго, добиваясь интонационной чистоты, четкости фразировки, вокальной раскованности и естественности каждого певца, возникновения живого, волнующего образа, который бы не только запомнился слушателю, но вызвал самое, пожалуй, ценное в искусстве — сопереживание, созвучие сердец артистов и зрителей...

И все же хороших хоровых (не переложенных для хора, а именно хоровых) песен мало. Тем более не хватает песен для военного хора. Поэтому есть у нас желание советским композиторам-песенникам: нашим доблестным Вооруженным Силам очень нужны хорошие хоровые песни, в том числе песни для каждого рода войск. Ведь сейчас в армии появилось много новых специальностей, и у каждой собственные «штандарты», своя специфика службы, хотя, надо заметить, армейский ритм, рожденный ритмом четкого солдатского шага, остается одинаковым как для ракетчиков или десантников, так и для связистов или пехотинцев. Поэтому мы, «армейские запевалы», призваны постоянно обогащать жизнь и ратную службу воинов новыми песнями, отражающими высокий профессиональный, нравственный и боевой дух Советской Армии, оберегающей мирную и счастливую жизнь советских людей.

Я пожилой человек. Прожил длинную и интересную жизнь, полную радостей и огорчений, наполненную победами и неудачами. Я рад, что жизнь моя сложилась так, что мне приходилось заниматься любимым делом. Оглядываясь назад, вспоминая какой-то отдельный отрезок пройденного пути, я особенно радуюсь тому, что любой из них в какой-то мере связан с ансамблем. Сейчас я с полной уверенностью могу сказать, что я неотъемлемая частица ансамбля, а ансамбль — частица меня.

Нам много приходилось выступать как у нас в стране, так и за рубежом. Особый интерес к ансамблю был вызван во многих странах мира не столько тем, что он по своему составу уникален и ему нет подобных в мире, сколько интересом зрителей воочию увидеть советских солдат, защитников завоеванного первого в мире социалистического государства, представителей родины Октября. В понимании многих жителей западных государств армия — это олицетворение насилия и жестокости. Мы же показали, что советские воины не хуже профессионалов умеют петь и что для воинов ансамбль главное оружие — песня, зовущая в бой, а в мирное время призывающая крепить мир на земле.

Заканчивая свою автобиографию, мне трудно судить, удалась она или нет, но то, что жизнь я прожил не напрасно, могу сказать с полной уверенностью. Читателям «Смены», молодым людям, мне хочется сказать многое, но на страницах журнала это сделать нелегко. Скажу главное: любите жизнь, не пусайте перед трудностями, будьте честными и последовательными во всем. И самое главное — любите и умеете, если потребуется, защитить нашу прекрасную Родину. Говорю это не как военный, а как простой советский человек.

Записал Николай ЗУЕВ.

Писать о художнике трудно. Тем более о том, которого любишь. Хочется избежать шаблонных фраз, красивых, но пустых эпитетов, чтобы показать именно его самобытность, неповторимость стиля, ввести в мир его персонажей. Хочется рассказать что-то новое, свое тем, кто его знает, и заинтересовать тех, кто видел его графику, но пока ничего не слышал о самом художнике.

Но еще более нелегкая задача — писать о его рисунках. В сущности, это так же невозможно, как, например, словами пересказать музыку. Рисунки надо видеть. Правда, здесь моя задача облегчается — ведь нет, наверное, человека, не читавшего книжек, которые он иллюстрировал. Этот художник подарил нам Родари и Линдгрена, Катю в игрушечном городе и брата, играющего на кларнете, Сазанчика и Серую звездочку.

Зовут художника Лев Токмаков. Он дебютировал как иллюстратор в Свердловском книжном издательстве. А сегодня почти на 200 книгах, выпущенных «Малышом», «Детской литературой», «Молодой гвардией», вы можете увидеть: «Рисовал Лев Токмаков». Он заслуженный художник РСФСР, участник многих республиканских, всесоюзных и зарубежных выставок иллюстраций для детей. Москва и Лондон, Париж и Рим, Багдад и Лагос видели и полюбили

работы художника. «Дорогой Токмаков. Вы просто превосходны», — писал ему из Италии Джанни Родари. «Считаю Вашу книжную графику явлением необычным и значительным», — высказывает свое мнение Хорст Кунце, академик из ГДР. Теплые слова о своем творчестве читал Лев Алексеевич в письме из Парижа от Лидии Делекторской, вдовы великого Матисса.

Творчество Льва Токмакова неотделимо от книг С. Михалкова и А. Алексина, С. Маршака и А. Барто. Он иллюстрировал «Жельсомуно в стране лжецов», «Сказки по телефону» и «Джин в телевизоре» Д. Родари, «Пепси Длинныйчулок». А. Линдгрена, «Фантомаса» В. Драгунского и «Жаворонка» В. Берестова, «Русские народные сказки про зверей» и «Шотландские народные песенки».

У Токмакова есть и большие графические циклы об Африке, Востоке, Севере-чародее, и литографии, и портреты, но главное дело мастера, потребность его души — иллюстрации для мальчишек и девчонок и тех взрослых, кто «понимает все на свете, даже детские книжки».

Елена МОРОЗОВА

“Я РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА...”

Вместе с женой поэтессой Ириной Петровной Токмаковой он подарил малышам добрые книжки «Кукареку», «Карусель», «Сазанчик», «Деревья». А совсем недавно одновременно в Москве и Софии на русском и болгарском языках появилось их новое произведение «Синие горы, золотые долины». Известный болгарский поэт Асен Босев сказал: «Эта книжка обращена к самому отзывчивому и горячему сердцу на свете — сердцу ребенка. Обо всем рассказано просто, тепло и естественно, как рассказывала бы мать своим детям о том, что пришлось ей увидеть и услышать».

К сожалению, еще бытует мнение о несерьезности работы для детей. Кажется, все очень легко. Но это тяжелая легкость. Работая для детей, надо быть необычайно честным, талантливым и добрым. Дети ведь сразу чувствуют фальшь. Не надо с ними заигрывать и сюсюкать, надо быть на равных с дорогими нашими мальчишками и девчонками. Детская книга не представляет собой проблему только книги. Это проблема всей культуры человека, «ведь все взрослые сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит», — писал Сент-Экзюпери. Книга должна воспитывать и учить ребенка, причем «учить шутя», играя с ним, как, например, делают Лев и Ирина Токмаковы в книге «Аля, Кляксич и Буква А».

Читая и рассматривая книги, дети развивают способность наблюдать, мыслить, сравнивать, абстрагировать, фантазировать. Детское воображение обогащается переживаниями, чувствами, эмоциями. Ребенок — всегда исследователь, первооткрыватель мира. Книга для него — сигнал из мира взрослых, окно в мир. Она невозможна без иллюстраций, в которых художник красками, добротой, серьезностью, остроумием представляет героев книги такими, какими он видит их сам. Таковы рисунки Льва Токмакова.

Я медленно листала «Летний ливень» и вспомнила слова человека, навсегда оставшегося в душе ребенком, — Антуана де Сент-Экзюпери: «Самым главным часто бывает улыбка... Улыбкой вознаграждают». Рассматривая свою новую книгу, дети улыбаются — может ли быть большей награда художнику?

Лев Токмаков — известный и признанный художник. Что же помогло ему стать большим и неповторимым мастером? Счастливые обстоятельства? Но,

как сказал Н. Г. Чернышевский, «счастливые обстоятельства бывают для каждого из нас, но не каждый умеет ими пользоваться, и в этом искусстве почти единственно состоит различие между людьми, жизнь которых устраивается хорошо или дурно».

Жизнь Льва Токмакова началась на Урале. Его детство было наполнено сказкой, которая жила прямо за порогом дома в высоких лесах и быстрых реках, пробегала под окном зайчишки и слышалась волчьим воем. Навсегда вошла в жизнь чарующая уральская природа, запомнились рассказанные бабушкой и прочитанные самим сказки. Позже он вспомнит об этой поре в автобиографической книге «Мишины самоцветы», а пока... Шумели леса, звонко перекачивались на порогах синие реки, рассказывались были-небылицы, шло время. Мальчик вырос и уехал учиться в Москву, в Высшее художественно-промышленное училище.

...Позади учеба. На руках диплом. Специальность — художественная обработка металла. Казалось бы, путь определен, но... голос детства властно

шен и ленив, в другой — смешон, в третьей — угрюм и грозен. Условный, сказочный мир художника неразрывен с реальным. Даже самые фантастические его персонажи имеют реальную основу, потому что «именно натурное рисование помогает мне поверить в реальность самых фантастических образов, в которые по роду моей работы приходится вживаться. Без этой веры к иллюстрации детской книги лучше не прикасаться», — говорит Токмаков.

Лев Токмаков особенно внимателен к цветовому решению своих рисунков. Ведь цвет играет далеко не вторичную роль, оказывая на ребенка эстетическое и эмоциональное воздействие. Известно, световые ощущения через зрение дают в мозг почти девяносто процентов информации. Еще Гегель в «Феноменологии духа» делил все цвета по психологическому воздействию на серьезные, радостные, огненные, холодные, печальные и нежные. Например, в Японии, где проблемам эстетического воспитания детей придается огромное значение, с первого класса школы детей обучают культуре цвета. Цвета же рисунков Токмакова можно назвать добрыми.

Необходимое условие таланта — доброта. И, глядя на рисунки Льва Токмакова к стихам о животных, видишь, что они сделаны очень добрым человеком. Посмотрите на этих бедных бродячих псов в книге Сергея Михалкова «Беглянка». Какое ребячье и даже взрослое сердце не дрогнет при виде сиротливых, печальных собачьих глаз! Ведь

...каждый пес, однако,
Ночу под мостом,
В конце концов хотел бы
Попасть к кому-то в дом.

Не в золотую клетку,
А в дом, где ценят дружбу
И где собаку кормят
За верность и за службу.

Я уверена, прочитав и рассмотрев эту книгу, ребенок вряд ли когда-нибудь обидит бездомную дворняжку или кошку, которые, к сожалению, все

еще бродят по нашим дворам. Забыли, видно, люди, что собака и кошка — животные домашние. А нередко можно видеть, как родители, награждая бездомных псов бездушной кличкой «Разведитут-собак», заносит в восприимчивое детское сердце заразу жестокости и садизма. Если животные оказались на улице, давайте будем относиться к ним по-человечески, ведь они слабее нас, ведь мы же поначалу приручили их. Помните диалог Маленького принца и мудрого Лиса?

«А как это — приручить?» — спросил Маленький принц.

«Это давно забытое понятие, — объяснил Лис. — Оно означает: создать узы... Люди забыли эту истину, но ты не забывай: ты навсегда в ответе за всех, кого приручил».

Мастерская художника — в высоком доме с огромными, распахнутыми в мир окнами. На столе — эскизы к новым работам, закончена одна работа — да здравствует другая! На стеллажах много книг, среди них и те, без которых он не может ни жить, ни работать: Пушкин, Баратынский, Булгаков, Пастернак, Заболоцкий. Недавно прибавилось еще одно имя — Астафьев.

А еще в мастерской много игрушек со всего света. Если ты помнишь, читатель, тот чудесный шкаф, полный игрушек, в гофмановском «Шелкунчике», то поверь на слово: родной его брат стоит у Льва Алексеевича. И населяют этот шкаф самые разные обитатели: печальная нигерийская кукла и круглобокие матрешки, полусонный африканский крокодил и нежная венецианская улитка, надменный польский конь и веселая лягушка-путешественница. Все они поселились здесь не сразу и не случайно, а были привезены Львом Алексеевичем из его многочисленных творческих поездок, подарены друзьями. Эта коллекция свидетельствует о не прерванной связи художника с миром детства.

Здесь, в мастерской, появляются на свет герои художника Льва Токмакова, который познал главный секрет творчества: «Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь».

**ИЛЛЮСТРАЦИИ
К СБОРНИКУ ИРИНЫ ТОКМАКОВОЙ
«ЛЕТНИЙ ЛИВЕНЬ».**

зовет в страну сказок, и через два года Лев Токмаков уходит в детскую иллюстрацию. «Может, когда-нибудь откроют, — делится своими мыслями художник, — что все творчество людей искусства является чем-то компенсационным, восполняющим недостающие страницы их жизни. Не доиграны игры, не оплачены счета, а назад уже не вернуться. Остается одно — работа».

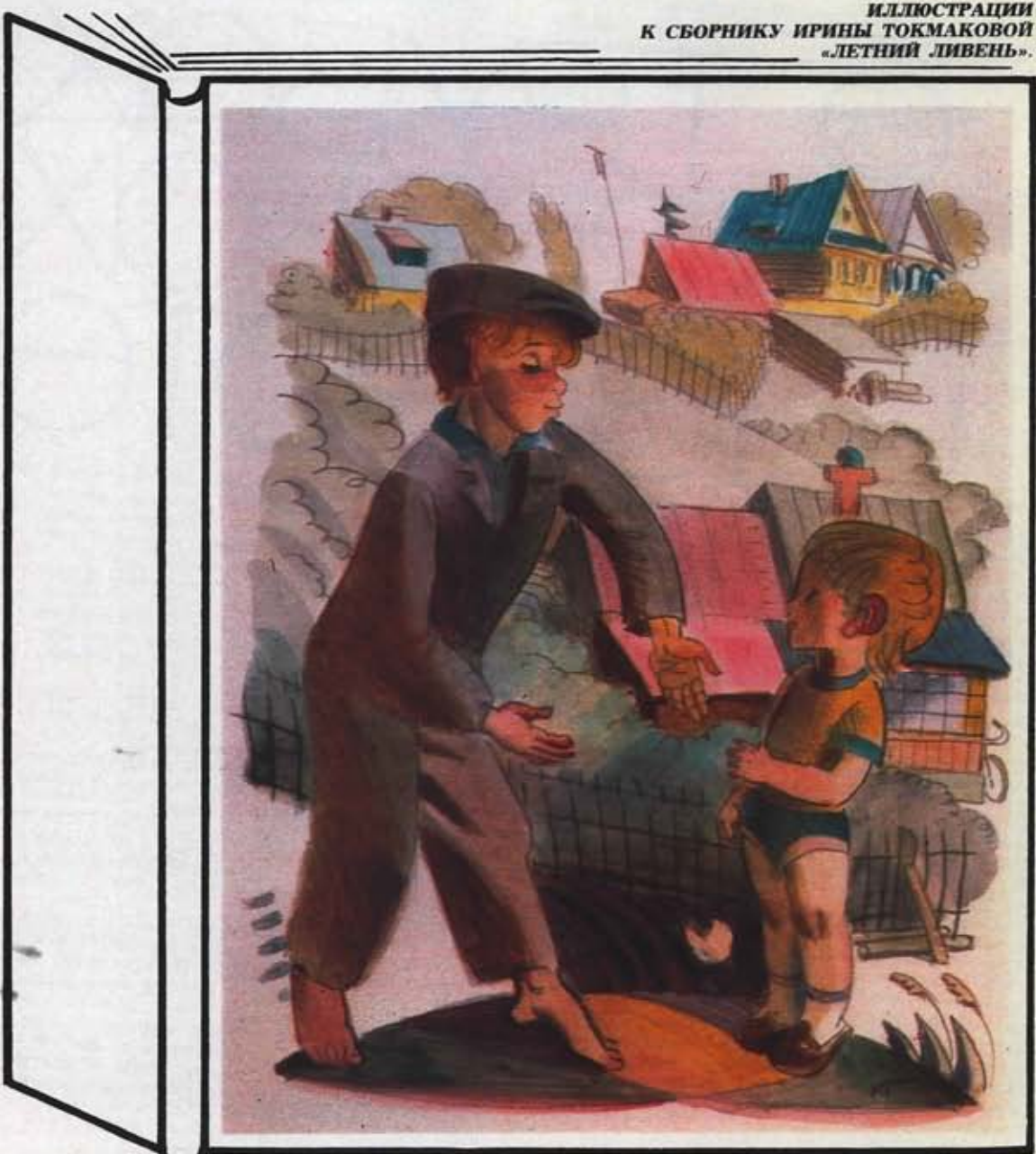
Работая художником в областной молодежной газете, испытал на себе темп журналистской жизни, «научился быстро принимать решения, работать четче, мускулистей, стремительней»; занимаясь одновременно детской иллюстрацией, «работал серьезно, старался быть и внутренне раскованным и строгим к себе одновременно», — вспоминает Токмаков.

Начиная в книжной графике четверть века назад, он отстаивал свои принципы, свой стиль, свой творческий метод. Это сегодня нам невозможно представить, что Джельсомино и Джакомо-король, добряк Бенвенуто и Кошка-хромоножка могли бы быть другими. А тогда за них пришлось ох как побороться! Настоящий мастер тем и интересен, что не повторяется, его творчество — всегда поиск и открытие. Рассуждая о книжной графике, Лев Алексеевич рассказывал: «Мне ближе идеал статичного рисунка, дополняющего и развивающего произведение, а не попытки попросту «переложить» на язык графики литературу, повторить — пусть даже другими средствами — то, что уже сказано писателем».

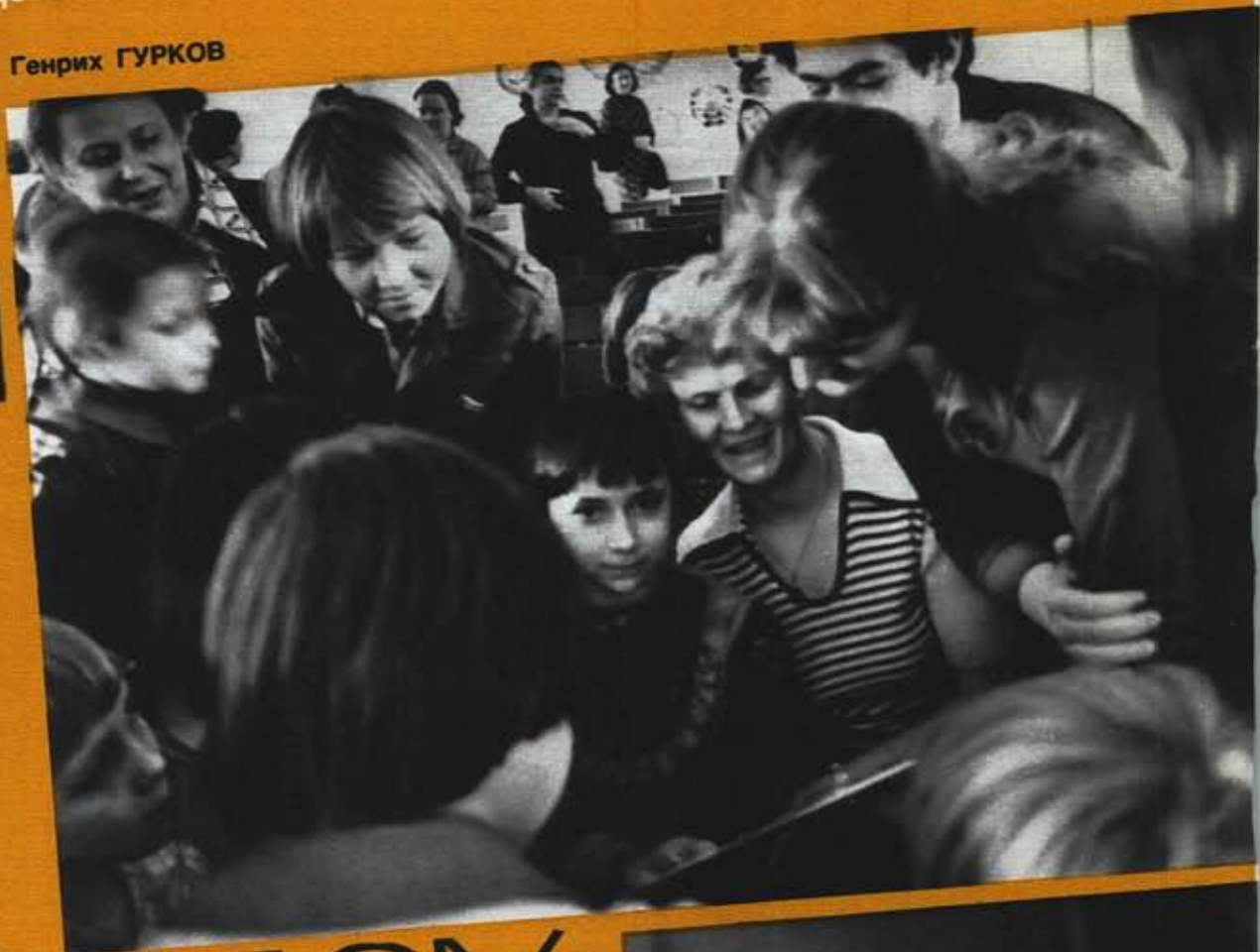
У художника есть стихи, в которых он, обращаясь к младому племени, напоминает, что мастер состоит лишь при желании и умении идти своим путем, не подражая авторитетам:

Конь молодой, испорти борозду!
Ты первый раз сегодня вышел в поле.
Ты не мастит, и ты не на виду,
Ты можешь дать своим копытам волю.

Все иллюстрации Льва Токмакова наполнены удивительной поэтичностью, добротой, любовью, отмечены особым, только ему присущим почерком, его индивидуальностью. Каждый герой Токмакова — характер. Посмотрите, например, «Русские народные сказки про зверей». Сколько животных — и все разные. Вот медведь: в одной сказке он доброду-

Генрих ГУРКОВ

В одном из журналистских диалогов с замечательным артистом и мудрым человеком Аркадием Исааковичем Райкиным встретилось такое размышление. «Я думаю, — сказал Райкин, — что доброта — лучшее из человеческих качеств». И добавил: «Доброте нужно учиться с самого детства, всю жизнь. А как учить доброте? Разъяснить ее смысл? Нотации читать какие-то? Нет, это все пустое, не дойдет. Урок доброты — поступок, пример».

Взгляните на фотографии на этой полосе «Смены». Перед вами — несколько эпизодов одной встречи, которая состоялась в нашем прославленном творческом учебном заведении — Центральной музыкальной школе при Московской государственной консерватории. Юные музыканты принимают ребят из детского дома.

Все нормально, мальчишки и девчонки пришли в гости к мальчишкам и девчонкам, не так ли? И да и нет.

Пройдите по коридорам ЦМШ, остановитесь у стендов с портретами ее выпускников. Это гордость

О ТРУБОХ СКРИПКАХ И ДОБРОТЕ

советской музыкальной культуры. И те самые Саши, Тани, Миши, которые весело носятся в перемену по этим же самым коридорам (что в их возрасте совершенно естественно), отбирались опытными педагогами по всей нашей стране, среди самых талантливых кандидатов. Через несколько лет многие из них станут лауреатами международных конкурсов, им будут посвящаться восторженные рецензии, в их жизнь прочно войдут огни концертных залов, цветы и овации публики. И еще в нее войдет — и уже вошел — упорнейший, напряженнейший труд, без чего в искусстве, как известно, триумфов не бывает. И все же, согласитесь, — постояв у стендов с известными на весь Союз, знаменитыми в мире именами, скажешь: ведь поистине звездные судьбы у тех, кто был удостоен чести учиться в ЦМШ...

А вот судьба гостей сложилась иначе. Трудные или распавшиеся семьи. Много ранней горечи и недетских обид. И в силу того особое, многократно усиленное стремление к человеческому теплу, к товариществу, к доброте.

Когда наш журнал начал в прошлом году разговор о детских домах, об их проблемах, о поддержке, которую им необходимо оказать, отклик был поистине всенародным. Мы тогда, в частности, предложили создать в детских домах библиотеки — и уже через несколько дней после выхода в свет номера журнала с этим призывом некоторые из наших редакционных кабинетов стали напоминать книжные склады. Так прежде случалось: когда с помощью читателей созда-

вались две библиотеки в Новом Уренгое — городе строителей и газодобытчиков на Тюменском Севере. И идут сегодня в адрес журнала для детских домов бандероли, пакеты, коробки, ящики с книгами. Будут библиотеки во многих и многих детских домах! Но ведь, разумеется, есть и другие формы дружеской помощи ребятам, которым труднее, чем большинству их сверстников. В Центральной музыкальной школе рассуждали вполне конкретно: в наших возможностях, сказали там, взять шефство над несколькими детскими домами.

...Выступали пианисты, скрипачи, виолончелисты, духовой оркестр выступал. Потом устроили чай с пирогом. И долго не хотели расходиться.

Педагоги Центральной музыкальной школы, партийная и комсомольская организации в этом вопросе — стопроцентные единомышленники, что я понял с совершенной очевидностью во время разговора в кабинете директора ЦМШ Валентина Сергеевича Бельченко. О шефстве над детскими домами педагоги и учащиеся ЦМШ говорят очень тепло и очень предметно.

Уже новые встречи «на своем поле» и в гостях состоялись, и еще многие новые планируются. И с шефскими концертами бригады ЦМШ регулярно выступают перед детдомовцами Москвы, Ленинграда...

Да, уроки доброты — это поступок, пример. Хорошее не забывается. И пойдут эти уроки на пользу всем — и ребятам из детских домов и ребятам из ЦМШ. Ведь кто станет спорить: среди множества талантов по-особому радостно наблюдать и переживать талант человечности.

Спасибо вам, «цээмшата»!

...ЭТО БЫЛ СЛАВНЫЙ ДЕНЬ. И О НЕМ БУДУТ ЧАСТО ВСПОМИНАТЬ И «ЦЭЭМШАТА» И ИХ ГОСТИ — РЕБЯТА ИЗ ДЕТДОМА.

Фото Алексея ФЕДОРОВА

ОТ РЕДАКЦИИ. Наша рубрика «Детский дом — теплый дом» стала постоянной в журнале. Мы считаем, что самую активную позицию в шефстве над детскими домами и интернатами должны занять комсомольские организации заводов, учреждений, вузов. Комитеты ВЛКСМ могли бы взять под свою опеку создание библиотек, сооружение спортивных площадок, могли бы привлечь энтузиастов к ведению кружков и секций.

Ждем писем, ждем ваших идей и предложений!

МИНУТА ТРИУМФА

Юрий ЗАРАНКИН

Не прочит актерского будущего своему сыну солдат Великой Отечественной Иван Дикилис. И никогда не слышал свиста пуль и воя снарядов артист цирка Валентинас Дикилис. Но рассказ мой — о династии Дикилисов. Да, знаю, династия определяется единой профессиональной принадлежностью. И все же, рассказывая о Дикилисах, употребить это понятие можно — и нужно! — имея в виду их мужественное отношение к жизни.

...1 января 1941 года поступил Иван в 1-е Ленинградское авиатехническое училище, в июне, почти за десять дней до начала войны, Дикилис принял воинскую присягу.

И вот фронт. Младший сержант Иван Дикилис попадает на передовую. Не повезло младшему сержанту: первый бой — и ранение. Но, к счастью, легкое. Быстро подлечили Ивана в полевом госпитале, и снова — ратный труд солдата.

Не миловали пули Дикилиса. С каждым разом, как будто все точнее и точнее примеряясь, все глубже и страшнее проникали они в тело бойца.

Пятое ранение было самым тяжелым. «О возвращении на фронт вам нечего и думать». Слова начальника, теперь уже не полевого, а тылового госпиталя, звучали с предельной категоричностью.

Но ведь если идет война, его место — место бойца — только там, на фронте.

И опять сумел Иван одного убедить, другого обмануть — и все-таки встретить победу солдатом. Фронтовым солдатом.

Но мы знаем, что и после победы пули настигали победителей.

...В те дни у Ивана Дикилиса была тяжело больная жена, и на операцию, целью которой было уничтожение одной из последних недобитых банд бандеровцев, ему было разрешено не идти. Даже приказано было: оставаться. Но он нарушил приказ, старшина Иван Дикилис, и возглавил боевую группу.

Он шел впереди, и самый первый выстрел стал на этот раз смертельным.

Роковым оказалось известие о его смерти для жены: всего на несколько дней Анна пережила Ивана.

И одиноким, без отца, без матери, остался годовалый малыш, Валентинас.

...Детский дом. Здесь нашел маленький Валентинас материнское тепло воспитательниц. Подросток, поступил в школу-интернат.

И вот как-то первоклашек из каунасской школы-интерната повели летом в цирк. То, что увидел там Валентинас, поразило его. До этого не раз приходилось ему бегать в кино, и казалось, что именно кино любит он больше всего на свете.

А цирк... Это было совсем другое, что-то очень громкое, яркое, красочное. В кино-то дядя и тети не сегодня, а когда-то, может быть, очень давно засняты на пленку, а тут настоящие, живые артисты, сегодня, сейчас демонстрирующие свою ловкость и смелость.

И решил маленький Валентинас: вырасту — обязательно стану артистом цирка.

Больше всего ему понравился на том представлении иллюзионист. Это — да!

И вот уже Валентинас сам показывает в классе фокусы. Ну, конечно, не такие, какие он видел в настоящем цирке. Но все-таки... Даже сам директор школы попросил однажды Валентинаса показать ему фокус с платком — Валентинас прославился своими фокусами на всю школу. С директорским платком пришлось особенно поноваться — так не хотелось, чтобы директор заметил, как он прячет платок в рукав. И получилось. Был платок — нет платка. Хотя почему же нет? Подошел Валентинас к директору и вынул тот самый платок из кармана директорского пиджака, удивленно пожав плечами: мол, ищите платок, а он в вашем же кармане. Вот дела!

Понравился директору фокус. «Значит, цирковым артистом хочешь стать?» — спросил он у Валентинаса. «Хочу», — уверенно ответил тот. «А ты знаешь, что артист должен быть самым образованным человеком? Ты должен лучше всех учиться, только тогда сможешь стать артистом. О физкультуре я и не говорю. Без физкультуры, без спорта какой же из тебя будет цирковой артист?»

Это был, наверное, самый радостный день в его жизни: школьник Валентинас Дикилис был принят в самодеятельный цирковой коллектив. Вот она и началась у него — жизнь артиста. Сначала репетиции, а потом — первые представления. И главное, какое

звучное, важное у него амплуа (очень понравилось Валентинасу это сказанное режиссером слово) — воздушный гимнаст. Как мистер Икс в его любимой оперетте «Принцесса цирка».

Действительно, что может быть почетнее, чем амплуа воздушного гимнаста!

Ты свободно и гордо паришь под куполом. И пусть она и не так уж велика, высота полета над ареной самодеятельного цирка, все-таки ты летишь в воздухе, как птица. Еще выше и свободнее, казалось, стал полет, когда Дикилис превратился в артиста «настоящего» — профессионального цирка. Но однажды, не подстраховавшись, в каком-то восторженном раже от ощущения свободного владения своим телом сделал неточное движение — и упал.

...Пришел в себя. Больничная палата. Рядом с его кроватью — другие. Попробовал привстать, повернуться — тело не подчинилось.

«Лежи спокойно, Валентинас!» — услышал он чей-то добрый, ласковый голос.

Валентинас повернул голову. Рядом с ним лежал юноша с очень светлыми волосами и очень большими глазами.

«Не двигайся. Тебе сейчас нельзя. Двигаться нельзя, а вот говорить можно», — продолжал сосед Валентинаса. — Мы уже тут кое-что о тебе узнали. Друзья твои из цирка приходили. Но ты был без сознания. Тебе же говорил режиссер, что лонжу нужно прикрепить сразу же внизу, до того, как ты поднялся наверх».

Теперь Валентинас все вспомнил. Если бы он вовремя подстраховался лонжей, то все было бы в порядке. Ну, повисел бы в воздухе какую-то там секунду. А теперь...

А теперь был перелом позвоночника. Точно такой же, как у его соседа Сигитаса. И врачебный диагноз у них одинаковый да и профессии: Валентинас — артист, Сигитас — художник. «Арт — по-французски искусство, так что мы оба артисты», — частенько говаривал Сигитас.

«Тебе легче», — отвечал Валентинас. — Рисовать-то можно и стоя, и сидя, и лежа, а вот лежачий артист цирка — это уже пиши пропало». Никто в больнице не предрекал Валентинасу трагического будущего, но по тому, как грустно переглядывались врачи, когда он спрашивал их о том, сможет ли он снова вернуться в цирк, Валентинас понимал, что ни один из них не верит в его возвращение.

И, наверное, они правы. Из палаты, в которой он лежит, как правдами-неправдами удалось ему узнать, еще никто не выходил на собственных ногах.

Отсюда выезжают только на колясках. И он выедет отсюда на коляске и приедет в цирк.

Вот хохоту будет. На арене — артист в инвалидной коляске. Посмеется-посмеется зритель, а потом начнет требовать: вставай с коляски, ну выехал на ней, посмешил нас, теперь вставай — работай.

А он не может встать.

Так думал Валентинас, когда через год выехал из больницы на коляске. Врачи сделали все, что могли. Верхняя часть тела работала точно так же, как и раньше, до падения, но нижняя была полностью парализована. Руки действовали, ноги — нет.

Ноги, которые Валентинас вот уже год совсем не ощущал, мертвым грузом лежали на коляске, а руки, ловкие, сильные руки быстро катили ее вперед.

Ехал Валентинас действительно в цирк, вернее, не в цирк, а в Каунасский Дворец профсоюзов, ехал, чтобы выхлопотать там место руководителя циркового коллектива.

«Как это здорово, что вы к нам пришли! Я вот как раз думаю, чтобы цирковой коллектив у нас организовать», — так встретил Валентинаса директор городского Дворца культуры Казимир Вайейкис.

И уже на следующий день появилось на афише Дворца объявление, приглашающее всех желающих заниматься в цирковом коллективе.

Часами, без минуты отдыха, занимался Валентинас с учениками. Хорошо, хоть руки у Валентинаса действуют, можно не только словом объяснить, но и руками показать, как и что делать.

Оказалось, напрасно волновался Валентинас: на своей коляске ловко разъезжал он по импровизированной арене, и самодеятельные артисты чутко реагировали на каждое его замечание.

А потом был Всесоюзный фестиваль самодеятельного творчества трудящихся, и питомцы Валентинаса Дикилиса стали лауреатами этого фестиваля, завоевав второе место. И, конечно, минуты триумфа его

учеников были и минутами триумфа учителя, воспитателя. И все-таки — только учитель? Только воспитатель? Трудно было смириться с такой перспективой сердцу артиста, тем более артиста, только почувствовавшего настоящий вкус к собственному творчеству. Да, и прикованный к коляске, он не свободен от желания снова работать на арене, не смирился, сила рук придает уверенность: «Буду!»

Сила рук. А что, если все-таки сделать цирковой номер, используя эту могучую силу своих железных мускулов.

Пусть даже публика сначала посмеется, увидев артиста, выехавшего на арену в инвалидной коляске. Пусть сначала подумает, что это всего лишь ловкий клоунский трюк. Потом он докажет, что он не клоун, а силовой жонглер. А силовым жонглеру не обязательно двигаться. Вращать вокруг шеи штангу и подкидывать металлические шары можно и сидя. Сидя можно и поднимать что угодно и кого угодно. И вот его ученики неожиданно услышали просьбу своего руководителя — постоять на его плечах. Сначала поодиночке, а потом двоим, взявшись за руки, встать к нему на плечи. Дальше — больше. Сначала двоим встать к нему на каждое плечо, а потом к каждому из этих двоих встать еще по одному.

И Дикилис почувствовал, что его тело подчиняется такой, казалось бы, невероятной нагрузке.

Валентинас репетировал и репетировал. Как пушинки подбрасывал он вверх металлические шары.

Прослышали о подготовке их бывшим пациентом циркового номера врачи той самой больницы, в которой лежал после травмы Дикилис, и попросили его снова приехать... в больницу. Им захотелось чуда, захотелось, чтобы Валентинас встал, чтобы номер, который он готовит, не был номером инвалида, чтобы он не выехал к зрителям — вышел.

Они продолжили кропотливую работу, начатую самим Валентинасом. И силовой жонглер Дикилис вышел на арену. Чудо произошло. Подобные чудеса называют обыкновенными. Потому что они свершаются благодаря силе, цельности натуры, огромному желанию обыкновенных — не волшебников — людей обрести потерянную краску жизни, дорогую краску.

...На манеже Валентинас Дикилис. Змеей вьется вокруг его шеи 300-килограммовая штанга. Так и норовит укусить, но Дикилис куда ловчее этой штангизмеи. Летят вверх металлические шары. Теперь их уже не четыре, а семь, а завтра, может быть, станет еще больше, потому что чудеса, как мы уже знаем, покорны Валентинасу.

«Многие трюки артиста Дикилиса до него никем не исполнялись и в настоящее время никем не исполняются». Это слова из заключения авторитетнейшей просмотровой комиссии: О. Попова, И. Буримовой, Т. Дуровой, М. Запашного и других.

...Отцу Валентинаса сказали: «О возвращении на фронт вам нечего и думать». А он все-таки вернулся на фронт, Иван Дикилис, и воевал до победы. Валентинасу говорили, что ему нечего даже мечтать о возвращении в цирк. А он все-таки вернулся в цирк. И тоже дошел до победы, сын солдата.

Дошел — в самом прямом смысле этого слова.

ОДИН ИЗ УНИКАЛЬНЫХ НОМЕРОВ ВАЛЕНТИНАСА ДИКУЛИСА.

Валерий ПЛЕШАКОВ.

ОГОНЬ

Фото
Сергея ВЕТРОВА

В ИЗЯЩНОЙ УПАКОВКЕ

Этот Алладин имеет тульскую прописку, инженер по профессии. Почему же так прозвали Николая Мельникова?

...С незапамятных времен в доме Мельниковых хранилась старая ваза. Лежала она в кладовой под кучей старых вещей, которые долгие годы никто не разбирал. О чудо: ваза оказалась с позолотой, чудесным орнаментом, а внутри вмонтирована керосиновая горелка. Рядом обнаружился «тюльпан» — фигурного стекла абажур, похожий на раскрывшийся цветок...

СТАРИННЫЕ КЕРОСИНОВЫЕ ЛАМПЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ТУЛЬСКОГО ИНЖЕНЕРА НИКОЛАЯ МЕЛЬНИКОВА.

«синка» — шаровидная, обвитая змеей из кобальтового стекла, была товарищем бессонных ночей Леонида Андреева. Нежный свет, струющийся из-под зеленого абажура, настраивал на творческий лад Антона Чехова и Льва Толстого.

Есть «лампы-картины». На одной из них, выпущенной Императорским фарфоровым заводом, изображен русский парламентар, посланный к «...Мухтар-паше в лагерь его на Аладжанских высотах». На другом рисунке изображен временный лагерь ратников на Марсовом поле. Сама же ваза напоминает раскрывшийся лотос. Желанным подарком невесте была лампа, тулово которой обнимал Амур, пронзенный двумя стрелами или натягивающий тетиву...

Непревзойденными умельцами прошлого считаются фарфоровых дел мастера Севра, Меисена, Твери. Нередко им приходилось выполнять индивидуальные заказы — такие лампы ценятся особенно дорого.

Две оригинальные ретро-лампы Н. Мельников передал Тульскому областному художественному музею. Недавно Николай восстановил еще один светильник — цилиндр темного стекла с ручками, изображающими драконов.

...Многие вечера Мельников проводит за реставрацией ретро-светильников. Сколько дней пройдет, прежде чем новым экспонатом его коллекции будут восхищаться люди!

С того дня прошло несколько лет. Коллекция Н. Мельникова пополнилась. Теперь у него двадцать уникальных ретро-светильников.

Хлопотное дело — собирать старинные лампы. В наш электрический век этих хрупких вещей считанные единицы. Некоторые лампы Николай реставрирует буквально из обломков, склеивает по кусочку материал, ремонтирует горелки. Так вторично рождаются прекрасные произведения искусства.

Да, первая находка увлекла Мельникова. И вот, чтобы побольше узнать о предметах своей коллекции, он едет в Ленинград. В Эрмитаже он знакомится с уникальным собранием осветительных приборов прошлых веков. Оказывается, керосиновые лампы ведут свою родословную с 1853 года. Обходились такие лампы дешевле свечей, а горели ярче. В середине прошлого века керосиновые лампы «завоевали» Европу.

Преимущество керосиновой лампы оценили писатели. Изящная «коро-

Наука: биофизика

ЭЛЕКТРОННЫЙ «НОС»

Станислав ЗИГУНЕНКО

Разговор наш начался так: кандидат биологических наук Александр Королев попросил показать мой портфель.

— Нет-нет, открывать не надо. Я и так узнаю, что в нем находится. — И он стал подносить одну за другой тонкие гибкие трубочки-зонды, которые тянулись от установки, внешне ничем не примечательной.

— По всей вероятности, у вас здесь лежат книги или журналы. Словом, печатная продукция, — сказал Королев через минуту.

— Верно, — удивился я. — Две книжки, журнал и блокнот. А как вы это узнали?

— «Пурга» помогла. Впрочем, она не только это умеет. — И Королев с помощью зондов стал дальше обследовать портфель.

— Дня три назад здесь побывала копченая рыба. А еще раньше лежали стиральный порошок и крем для обуви...

— Вот так «Пурга»...

— Это сокращение слов «полупроводниковое устройство для газового анализа». Проще говоря — это электронный нос, рукотворная собака-ищейка...

Способность человека различать запахи не отличается особой остротой. Многие представители животного мира — собаки, кошки, насекомые — намного превосходят нас остротой чутья. Но все же и мы умеем распознавать достаточно много запахов. Чем пахнет? Луком. Розой. Бензином...

Однако до недавнего времени люди до удивления мало знали о чувстве обоняния. Описать какой-либо запах мы могли, только сравнив его с каким-нибудь другим, всем известным. Да и у науки не было возможности измерить силу запаха, как, скажем, мы измеряем силу света. Много непонятого было и в природе запахов. Хотя «ароматических» гипотез изобретено немало.

Еще Лукреций, автор поэмы «О природе вещей», написанной свыше двух тысяч лет назад, предложил первое объяснение чувству обоняния. Он считал, что в полости носа есть маленькие поры, различные по своим размерам и формам. Всякое пахучее вещество, полагал Лукреций, испускает крошечные частицы свойственной ему формы. Запах воспринимается, когда частицы входят в соответствующие поры полости носа, словно ключ в замочную скважину.

Позднее природу запахов ученые попытались объяснить особенностями химического состава вещества. Частицы Лукреция получили название молекул. Каждая молекула, дескать, имеет свою пространственную форму, отсюда и различия запахов. Однако довольно скоро выяснилось, что в природе есть немало веществ-родственников, которые имеют почти одинаковое пространственное строение молекулы, состоят из одних и тех же атомов, а пахнут совершенно по-разному. Видимо, дело тут не так-то просто...

— При обнаружении запаха, — продолжает рассказ Королев, — мы увеличиваем приток воздуха в верхнюю часть носа, к двум углублениям, в которых располагаются органы обоняния. Они состоят из двух участков желтоватой кожи, площадью около шести квадратных сантиметров каждый. Эта ткань пронизана нервными волокнами. Молекулы пахучих веществ раздражают нервные окончания, и те, в свою очередь, посылают сигналы в обонятельную луковицу. Оттуда сигналы транслируются в высшие мозговые центры, где суммируются и перерабатываются в характеристики запаха.

— Но как же все-таки это делается? — спросил я.

— Теория «замка и ключа» оказалась верной лишь при самом первом приближении, — сказал Королев. — Пахучее вещество действительно должно обладать рядом определенных свойств. Скажем, оно должно быть летучим, только тогда его молекулы достигнут органов обоняния. Что же касается формы молекул... Исследования с помощью современных методов стереохимии — рентгеновских лучей, инфракрасной спектроскопии, электронно-лучевого зондирования — показали, что между формой молекул и ее запахом нет такого уж строгого соответствия.

Распознавание запаха идет в несколько этапов. Рецепторы — чувствительные клетки живого организма — покрыты специальными пленками — мембранами.

— Примерно такие же мембраны, только искусственные, сделанные из полимеров, и были применены в «Пурге», — сказал в заключение Королев. — Внешне эти мембраны представляют собой тонкие лепестки разноцветных пленок. Пленки эти устанавливаются в измерительные ячейки. Сквозь них и проходит поток газа или жидкости, которые нужно подвергнуть анализу. Получается как бы искусственный рецептор, взаимодействующий с пахучим веществом подобно природному. В результате контакта пахучего вещества и пленки меняется электрический заряд на ее поверхности. Изменение заряда улавливается и обрабатывается электронной аппаратурой. В результате формируется сигнал, который затем фиксируется на ленте самописца...

Анализируя этот сигнал, ученые и узнают, какое именно вещество вступило в контакт с той или иной мембраной.

Искусственный нос может найти себе применение во многих отраслях промышленности. Химикам он даст возможность быстро и точно осуществлять анализ вступающих в реакцию веществ. С помощью подобной портативной установки можно оперативно выяснить, какими именно веществами загрязняется атмосфера той или иной части города, а стало быть, и сразу отыскать нарушителя санитарных норм. Заинтересовались «Пургой» медики и криминалисты. Первые считают, что многие болезни, такие, например, как тонзиллит, дифтерит, подагра, имеют специфические запахи, которые могут быть зафиксированы анализаторами. Криминалистам же привлекает возможность использовать вместо живой ищейки электронную... Словом, «Пурга» нужна многим!

На Всесоюзной ударной комсомольской стройке—а именно таковой объявлены водохозяйственные объекты Нечерноземья—испытываются и получают путевку в жизнь новшества, которые вносят коренной технический переворот в профессию мелиораторов. Чем совершеннее машины, тем выше эффект от их применения. Ученые сконструировали необычный дренажескладочный комплекс. Он обладает способностью осушать землю, не углубляя в нее. Возможно ли такое? Да. Полый металлический снаряд движется за трактором, выполняет невидимую хирургическую операцию: раскладывает в почве гибкие пластмассовые сосуды и тут же выводит весь излишек влаги.

«Невидимая» лишь на первый взгляд операция. Еще вчера заболоченное поле постепенно одевается в ровный зеленый ковер. Об этом превращении болота в огород директор совхоза «Раздолье» Ленинградской области Валерий Зубков отозвался так:

— Немедленное врачевание без ущерба пациенту. Во-первых, не разрушается плодородный слой почвы. Во-вторых, нет надобности рабочим спускаться в полузаполненные траншеи и составлять почти вручную плети из гончарных труб. Все эти заботы переложили на плечи мощной машины. Она заменяет три обычных многоковшовых экскаватора.

В Мещерском филиале Всесоюзного НИИ гидротехники и мелиорации имени А. Н. Костякова, на берегах тихой лесной речушки Солотчи, сейчас отрабатывается лазерная технология. Заведующий отделом Семен Ершов показывает нам полигон. Это почти квадратная полуторакилометровая площадка, к ней подступают могучие сосны вперемежку с низеньким ольшаником.

...Семен смотрит на секундомер и машет рукой. По его команде на исходную позицию выползают два мощных экскаватора. В первый, снабженный приемником лазерного луча, за рычаги управления садится механик-испытатель Сергей Дакелин, во второй— машинист-инструктор Николай Кокорев. Но что это? Экскаватор Сергея сразу умчался вперед, а второй еще долго дергался на месте. Позднее мы разгадали причину этой задержки.

От второй машины к дальнему лесочку протянулась цепочка людей. Рабочие несли металлические колышки, изредка останавливаясь, забивая их в землю. Следом с теодолитом шел геодезист, выверяя уклоны. Вот уже колышки выстроились в ряд. Можно трогать экскаватор? Нет, еще нельзя. Та же цепочка людей разматывает бухту и снова движется по полю. На этот раз рабочие тянут и вдевают в «ушко» колышков стальной трос. Машинист лихорадочно смыкает на канате пружинную челюсть электродатчика, соединенного с гидравликой экскаватора, занимает место в кабине. Теперь можно трогаться...

А что с первой машиной? Преследуемая солнечным зайчиком, она за это время дважды обежала поле и вернулась на исходную позицию. Казалось неестественным, что малоприметный луч дает экскаватору такую силу, открывает ему своего рода второе дыхание. Заглядываем в кабину. Она мало чем отличается от обычной. Разница разве лишь в том,

что на рычагах управления гидроцилиндрами видны увесистые свинцовые пломбы. Как же в таком случае ковши слушаются команд механизатора?

— Никак,— смеется Сергей Дакелин.— Я ведь к рычагам не прикасаюсь. Когда поднимать ковши или опускать их— решает луч по заданной программе. Автоматика подчинена лазеру и действует без всякой ошибки.

Куда поступают сами сигналы? За кабиной, на платформе, качается под тяжестью грузил двухрычажный балансир. Его специально для лазера сконструировали молодые инженеры Таллинского экскаваторного завода: в какую бы сторону ни кренилась машина, фотоприемник на балансирах строго вертикален к проектной плоскости. Это позволяет постоянно нацеливать диоды на луч генератора. Три телеглаза «соперничают» в том, чтобы быстрее перехватить информацию. Попал, скажем, луч на верхний диод, ковши, повинувшись автоматике, опускаются, на нижний диод— приподнимаются. Норма, когда зайчик светит в средний телеглаз.

— Чувствительность фотоземлементов в сотни раз выше нашего глазомера,— дополняет механика Ершов.— Там, где машинист и не реагирует на маленькую неровность, лазерный луч немедленно вносит поправку, нивелирует уклон.

Из-за куста ольшаника вспорхнула слабая молния, которая тут же исчезла в фотоприемнике. Оранжевый шнур повис над полигоном, он и вывел нас к зеленой лужайке. Золотистого цвета прибор, напоминающий чем-то теодолит, устремленно вспыхивал окуляром и разряжался потоком фотонов.

— Как видите, стальной копир заменили лазерным, световым. А такой опорной оси не требуются ни тросы, ни поддерживающие их штанги. Световой луч устойчив на расстоянии 500 метров. В обычных условиях правильность установки через каждые 50 метров проверяют, устанавливая теодолит. Тут достаточно настроить квантовый генератор на проектную плоскость и— работать.

Это говорит научный сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института гидротехники и мелиорации Алексей Ефремов. Вращая блестящие никелированные ручки, он наводит прибор «на резкость». Луч стал тоньше и ярче, он прочертил по всему полю световую линию.

— Какова цель исследований, проводимых на полигоне?— задаем вопрос начальнику отдела лазерной техники объединения «Союзводпроект» Михаилу Захаренко.

— Цель двоякая,— отвечает он.— Первая— помочь довести конструкторам (у них, к сожалению, нет экспериментальной базы) опытные образцы до серийного освоения. Например, думаем, как облегчить вес генератора хотя бы килограмма на полтора. И вторая задача— обучить механизаторов Нечерноземья искусству управления техникой с помощью лазера. Устраиваем демонстрационные сеансы, консультируем, рассказываем, убеждаем. А испытания мы закончили два года назад, передали их результаты производственникам для внедрения. Это недалеко отсюда, в Полянской ПМК объединения «Рязаньмелиорация». Интересно было увидеть лазерные приборы непо-

средственно на стройке. И вот мы берегом Оки едем к мелиораторам, осушающим земли пригородного рязанского совхоза.

В широкой пойме Оки копошились экскаваторы, выворачивая коричневый слой торфа. Бригада Ивана Кулакова укладывала гончарные трубы. Сам бригадир готовился, как он выразился, проложить новую борозду. Разговорились. Лазер ему нравится, отучил его доверять глазомеру. При бригадном подряде важно качество, так как от оценки работы зависит поощрение. Возглавляемый им коллектив сдает осушенные земли с гарантийным паспортом, на «отлично». Лазер позволяет выдержать уклон с точностью до сантиметра. Не было случая, чтобы весной с построенной бригадой участка вода не сходила в течение недели. Лазеры также повышают производительность труда. Насколько?

— Раньше два часа в смену тратили на геодезию. Теперь эти два часа кладем трубы— это двести метров, или целая дренажная линия. За год километров десять набегают, четверть нормы выработки. Да что я о себе все говорю?— спохватывается Иван.— Вы посмотрите вон туда, это Вахрушев работает.

И по тону бригадира мы почувствовали, что у соседа дела идут не хуже. Только с удивлением обнаружили, что машина не оставляет за собой вывороченного слоя торфа. Более того, едва был применен след от уложенных осушительных труб.

Могучий трактор, вспарывая сошником землю, на огромной скорости перевалил косогор. По блестящим роликам с громадной бухты на платформе ползла куда-то вниз нескончаемая гибкая лента. С конца поля в его направлении мигал оранжевый луч лазерного генератора. Оказалось, это и есть тот самый бестраншейный дренажескладчик, который знающие механизаторы окрестили осушительным скорходом. Впечатление было такое, что лазерный луч соревнуется в быстроте с машиной.

— Техника что надо!— восклицает машинист Николай Вахрушев и поднимает вверх большой палец.— Побольше бы такой.

Да, действительно, побольше бы такой техники. Вспомнилось сообщение конструктора о том, что лазеры ставятся на заводской конвейер. Речь идет о квантовом генераторе «Асканит», используемом при устройстве закрытого дренажа. А такой излучатель, как «Калина», уже не первый год служит мелиораторам на планировке рисовых чеков. Только в Краснодарском крае в минувшей пятилетке из каждых десяти гектаров земель один был подготовлен с помощью лазерного контроля качества. Это во многом позволило приблизиться к намеченному рубежу— вырастить более миллиона тонн кубанского риса.

«Поехали!»— слышится команда. И дренажный скорход стремительно набирает скорость. На берегах Солотчи, в рязанской Мещере, рождается прогрессивная технология осушения: луч управляет машиной.

С пригорка поблескивают огоньки загадочного маяка.

Лазер работает в поле.

Репортаж об интересном

ЛАЗЕР В ПОЛЕ

Алим КУЧУШЕВ.
Фото Алексея ФЕДОРОВА

ФЕВРАЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Наркотики в городе Ромео и Джульетты

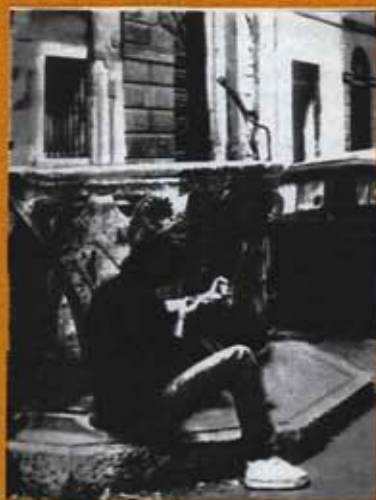
Немало туристов приезжает в Верону, город легендарных Ромео и Джульетты. Предупредительный гайд показывает желающим «полный» балкон юной героини шекспировской пьесы на втором этаже старинного дома из красно-коричневого камня. Соседняя стена увита диким виноградом... Туристы довольны.

Но на глазах у них порой разыгрывается другая драма, современная — молодые жители Вероны одурманивают себя наркотиками. Таких здесь около десяти тысяч. И туристы нередко встречаются на улицах человеческие тели с потаенными глазами, которые бродят среди замечательных памятников истории и культуры, имея одну единственную цель — раздобыть дозу героина.

Благодаря своему географическому положению Верона стала международным перекрестком для торговцев наркотиками, «итальянским Бангкоком», идеальной базой перекупщиков, избегающих больших городов из-за активности тамошней полиции. Именно здесь, на рынке наркотиков, появился новый вид героина, названный «веронским» — это героин, смешанный в особой пропорции со стрихнином. В среднем за неделю в городе

потребляется десять килограммов героина (цена за один грамм — около девяти тысяч лир). Число смертей на почве злоупотребления наркотиками в Вероне растет. Стариков наркоманов не бывает — все пристрастившиеся к «белому яду» умирают молодыми...

«ЭПОКА», ИТАЛИЯ

Веронская трагедия наших дней. Слишком мало делается, чтобы спасти тех, кого еще можно спасти...

НУЖЕН ДОЖДЬ? ПОЖАЛУЙСТА...

Как известно, недостаток осадков является основным препятствием для развития сельского хозяйства в засушливых районах земного шара. Японская фирма «Тойо Коойо» предложила интересный с практической точки зрения проект по улавливанию дождевых облаков. Речь идет о строительстве гор... из пластических масс. Несущие конструкции изготавливаются из высокопрочных стеклянных нитей. Каркас, на сборку которого затрачивается относительно немного времени, покрывают релюновой пленкой. Размеры такой искусственной горы: длина — 10 километров, ширина — 1,2 километра, высота — 600 метров.

Экспериментальные испытания дали положительные результаты. Саудовская Аравия проявила интерес к японскому проекту и решила построить у себя первые искусственные горы.

«АКАХАТА», ЯПОНИЯ

РУКАМИ ТРОГАТЬ!

«Руками не трогать!» — привычный призыв, обращенный к посетителям музея. А вот в Барселоне иначе: там открылся необычный музей, в котором не только не возбраняют, но, напротив, предлагают взяться за любой экспонат, покрутить его, повернуть или, если угодно, попробовать хоть на зуб. Речь идет о так называемом «Музее наук», где всякому желающему предоставлена возможность поэкспериментировать. Можно, например, поставить опыт с отражением света, провести тесты на восприятие различных световых сигналов, замерить количество тех или иных элементов в атмосфере. И так далее. Экспонаты музея размещены в четырех залах на площади 5600 квадратных метров. Помимо их чисто прикладного назначения, они знакомят посетителей с различными проблемами современных наук — оптики, астрономии, астронавтики.

«ПАРАЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

АСТЕРОИДЫ И ДИНОЗАВРЫ

...Блуждающие астероиды в один прекрасный день могут уничтожить земную цивилизацию, как они, возможно, привели некогда к гибели динозавров, говорится в недавно опубликованном докладе НАСА. Чтобы отвести от нашей планеты грозные небесные тела, считают авторы, следует использовать ракеты и водородные бомбы. Единственным способом избежать опасности является своевременное обнаружение приближающегося астероида, а затем уничтожение его или отклонение с пути...

Пока что специалисты НАСА предлагают устроить нечто вроде «космического дозора» — для этого следует построить большой одноцелевой телескоп, в задачу которого будет входить слежение за астероидами, движущимися по потенциально опасным для Земли орбитам. При обнаружении опасности к астероиду должен быть послан космический корабль с водородной бомбой на борту, которая будет взорвана по радиосигналу с Земли.

А какое отношение к астероидам имеют динозавры? В докладе утверждается, что все большее число ученых начинает придерживаться гипотезы, по которой 65 миллионов лет назад на Землю упал астероид диаметром около десяти километров. Создатель этой гипотезы лауреат Нобелевской премии по физике Луис Альварес считает, что в результате столкновения атмосфера оказалась настолько запыленной, что в течение нескольких лет Солнца на Земле практически не было видно. Растительность понесла серьезный ущерб, а такие животные, как динозавры, из-за резкого неблагоприятного изменения условий окружающей среды не смогли приспособиться и вымерли.

«За те 130 миллионов лет, в течение которых динозавры жили на Земле, — говорится в докладе НАСА, — они не смогли создать такой технологии, которая воспрепятствовала бы их гибели. Человек же такой техникой обладает, он может отвести подобную катастрофу».

О проблеме столкновения с пришельцем из космоса много писали в 1967 году, когда на расстоянии всего лишь шести миллионов километров от Земли проходил астероид Икар. Этот астероид, представляющий собой компактную массу камня и льда, приближается к нашей планете каждые 19 лет. Астрономы считают, что изменяющееся влияние гравитации Земли и других планет в один прекрасный день вполне может изменить его путь таким образом, что произойдет столкновение с Землей.

Консультативный совет НАСА предложил подготовить космический корабль для исследования астероида Антерос, который в 1985 году довольно близко подойдет к Земле, однако правительство не утвердило проект из-за его высокой стоимости.

«СЪЯНС Э ВИ», ФРАНЦИЯ

РАСПРОДАЖА СЧАСТЬЯ

В Гонконге некоторые номерные знаки автомашин стоят иногда дороже, чем сама машина, на которую они прикреплены... Дело в том, что многие китайцы верят в нумерологию и считают некоторые номера счастливыми, приносящими их владельцу удачу и богатство. Вот почему номерные знаки автомашин со «счастливыми» номерами становятся предметом вожделения, и их власти города продают с аукциона, где цены могут подняться очень высоко. Так, в 1979 году номерной знак 8778 был продан за 20 тысяч долларов. Оказывается, кантонское слово для цифры «восемь» рифмуется с первым слогом слова «процветание», а цифра «семь» звучит подобно слову «непрерывно». Таким образом, номер 8778 можно перевести, как «процветание непрерывно — непрерывно процветание».

Аукционы по продаже «счастливых» номеров проводятся в городе-колонии с 1973 года, и за это время городские власти получили более 2 миллионов долларов дохода.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ», США

ИМЕНА, КОТОРЫЕ НЕ ЗАБЫВАЮТСЯ

Песни приходят, песни уходят, остаются лишь немногие из них... Так остались в памяти миллионов людей песни великих французских певцов Эдит Пиаф и Мориса Шевалье. Имена неподражаемых мастеров шансона присвоены недавно двум парижским площадям в рабочем районе города, где родились и Пиаф и Шевалье. По этому случаю в ратуше открылась выставка, посвященная любимцам Франции. Вот один из экспонатов: плакат 30-х годов — «Поэт Эдит Пиаф...»

«ЗОННТАГ», ГДР

МОРСКИЕ ЛЬВЫ— ПОД РУЖЬЕ!

На базе американского военно-морского флота в Калифорнии проходят специальную тренировку десять морских львов. Их задача — выискивать в морских глубинах измерительные приборы, торпеды и мины, а затем выносить их на поверхность. Эти млекопитающие из отряда ластоногих были выбраны потому, что в отличие, например, от тюленей, могут передвигаться и по суше.

Морские львы прыгают на задних лапах рядом со своими укротителями, которые ведут их на ремешках, как собак. Животные быстро привыкают к намордникам, которые надевают им перед «акцией». Намордник должен помешать этим искусным ныряльщикам погнаться за какой-нибудь рыбой (что они сделали бы охотнее всего). На наморднике имеется захватывающее устройство.

Соединенный нейлоновым шну-

ром с лодкой сопровождения, морской лев ныряет, находит цель и начинает осторожно кружиться вокруг нее. Затем он находит наиболее удобное место и закрепляет захватывающее устройство, а после этого поднимается на поверхность. Морские львы могут выполнять довольно сложные задачи — так, они могут зацепить петлей движущуюся торпеду и изменить направление ее движения.

При тренировках морских львов остается нерешенной одна проблема — как только их пускают «на дело» без намордника и нейлонового шнура, животные всякий раз «дезертируют» с военной службы. Этот факт, надо полагать, свидетельствует о том, что упражнения, которыми предлагают заняться этим симпатичным обитателям моря, им не очень-то по вкусу...

«ШТЕРН», ФРГ

«Суперсейфы» из Швейцарии

Суровые времена грядут для взломщиков: одна из швейцарских фирм, специализирующихся на изготовлении сейфов, разработала новую модель. Толщина ее бронированных стен — всего лишь 8 сантиметров, но «пробить» их куда труднее, нежели полметра прочного армированного бетона.

Несмотря на изощреннейшие системы сигнализации и на все более мощные стены сейфов, бандам, берущимся за их взлом, достаточно часто удавалось осуществить свое намерение. И конструкторы двинулись по пути «наибольшего сопротивления», стремясь сделать сейф таким, чтобы при взломе он «продержался» как можно дольше.

Стены новых швейцарских сейфов в основном состоят из исключительно твердой стали. На ее внутреннюю поверхность нанесено несколько слоев различных металлов, минералов и химических активных веществ. Как утверждают изготовители нового чудо-сейфа, на то, чтобы «продырявить» его стену, потребуется во много раз больше времени. К тому же взломщикам придется считаться с тем, что вскрытие сейфа будет сопровождаться возникновением необычайно сильного пламени и густого дыма.

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ»,
ВЕНГРИЯ

Солнце и курение

Солнечная энергия приобретает все большее значение как источник тепла для промышленных и бытовых целей. Применение ее получает порой самые неожиданные направления: в некоторых западноевропейских странах появились в продаже «солнечные зажигалки». Небольшое зеркальце фокусирует на кончике сигареты солнечные лучи. Желаящему закурить остается только подождать, когда сигарета загорится. Если хватит терпения. Дело в том, что зажигалка предназначена не для заядлых курильщиков, а для желающих покончить с вредной для здоровья привычкой...

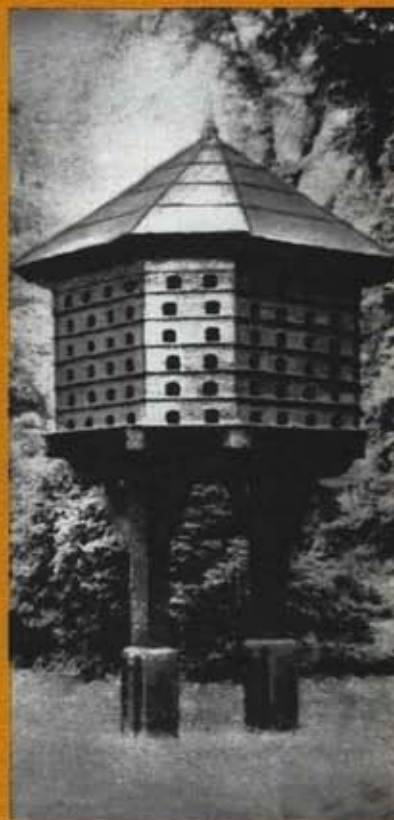
«ТАЙМС», ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

ДОМ СО 144 ОКОШКАМИ

Эта голубятня XVIII столетия сфотографирована в Тюрингенском музее народного искусства в Эрфурте. В расположенном на открытой площадке музея «птичьем доме» — 144 окошка.

«НБИ», ГДР

ДВОЙНИКИ НАПРОКАТ

Если бы какому-то фабриканту пришла в голову идея, чтобы его товары рекламировали Джими Картер или, скажем, Мэрилин Монро, то ему вовсе не обязательно было бы обращаться к бывшему президенту США и уж тем более к кинозвезде, давно отошедшей в мир иной. Все гораздо проще: звонок в «Агентство двойников» Роу Смита в Лос-Анджелесе — и его владетель направит по указанному адресу своего сотрудника или сотрудницу, которых от «заказанных» знаменитостей просто не отличить. Или если, к примеру, какой-то сноб пожелает, чтобы его гостей развлекал беседа Генри Киссинджер, то Роу Смит и тут не ударит лицом в грязь: у него найдется человек, который не только похож на бывшего государственного секретаря как две капли воды, но который к тому же сносно разбирается в ближневосточных проблемах...

Агентство процветает, спрос на его услуги растет день ото дня. «Меня буквально засыпали заказами», — говорит Роу Смит.

«КАМБИО-16», ИСПАНИЯ

Как рождаются «чудеса»

Таинственные морские чудовища, которые издавна будоражили воображение фантастов и служили предметом самых невероятных повествований моряков, в действительности являются обычными обитателями морских просторов. Это доказала группа канадских ученых. Они обратили внимание на одно интересное явление, которое возникает в определенных случаях над поверхностью воды. Когда слой теплого воздуха располагается над слоем холодного воздуха, находящимся в непосредственной близости от водного зеркала, все предметы получают несоразмерное увеличение. Например, голова взрослого моржа от реальной величины в 40—50 см «вырастает» в этом случае до 8 м. Оптический эффект объясняется тем, что световые лучи преломляются в воздушных слоях, имеющих различную температуру и плотность.

«Морских чудовищ» чаще всего видели перед штормом, поэтому было принято считать их появление дурным предзнаменованием. А объяснение выглядит просто: беспокойное состояние атмосферы сопровождается резким скачком температуры. Так возникают оптические иллюзии, которые потом воображение человека превращает в легенды и поверья...

«СКЫНТЕЙЯ», РУМЫНИЯ

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении

ТРИ ВЕРСИИ

Леонид САПОЖНИКОВ
Георгий СТЕПАНИДИН

ПОВЕСТЬ

22 мая 1978 года, понедельник, 9 часов

Придя утром на работу, я позвонил директору Румянцеву и попросил узнать, по какому маршруту уходили школьные «красные следопыты» 29 апреля.

Пожалуй, давно я ничего не ждал с таким нетерпением, как ответного звонка директора Румянцева. Наконец он позвонил.

— Их маршрут включал город Горобовск и деревню Колонкино Гребневского района,— сказал директор Румянцев.

— Кто сможет подробно рассказать мне об этом походе?

— Геннадий Корабельников из девятого «А». Никита Гладышев был командиром отряда, а Корабельников— его заместителем.

— С вашего позволения я сейчас приеду в школу.

— Пожалуйста, Дмитрий Васильевич.

...Геннадий Корабельников— шепелявящий, вертлявый подросток— смотрит на меня, полуоткрыв рот. Мы сидим с ним в пионерской комнате.

— А вы и вправду из прокуратуры?— изумляется он.

— Да, Гена. Но ты лучше ответь...

— Значит, вы и...

— Геннадий, у нас с тобой мало времени!

— Что вы! Это же большая перемена!

— Давай по порядку.

— Давайте,— охотно соглашается он.

— Какова причина похода «красных следопытов»?

— К нам пришло письмо из села Колонкино. Там малышня нашла разрушенную землянку, а в ней скелет человека и вещмешок, в котором среди других вещей находился пожелтевший конверт. Мы с трудом разобрали адрес: «Город Горобовск, улица Морская, дом восемнадцать. Симончук Пелагея Григорьевна».

— И вы решили поехать по этому адресу?

— Ну, естественно! Никита сказал, что ехать нужно и в Колонкино и в Горобовск. У Никиты был нюх на такие поиски. Его даже райком комсомола именными часами наградил. Во, часы! «Слава» на браслете...

— И вы поехали в Горобовск?

— Конечно.

— Когда вы отправились в поход, какое настроение было у Никиты Гладышева?

— Отличное! Это ведь его идея была поехать!

— А когда возвращались из похода, настроение у него было такое же?

— Нет!— воскликнул с удивлением Корабельников.— Верно! Он мрачным был. А вы откуда знаете, а? Во, дела...

— Так что же произошло в походе с ним?

— С кем?— не понял Корабельников.

— С Никитой Гладышевым.— Я почувствовал приступ раздражения, вызванного бестолковостью этого шумного подростка.

— С Никитой Гладышевым?— уставился на меня Геннадий.— Не знаю. А что?

— Гена,— терпеливо проговорил я.— по-моему, мы с тобой забрели в какой-то тупик. Я тебя спрашиваю: с Гладышевым что-нибудь произошло в походе, может, какая-нибудь неприятность?

— А я думал, что вы чего-нибудь знаете!— искренне удивился подросток.— Наверное, ничего с ним в походе не было.

— Послушай,— я крепко-крепко взял себя в руки,— только что ты подтвердил, что после похода Никита помрачнел, верно?

— Правильно!— обрадовался Геннадий.— Вы спрашиваете, когда у него испортилось настроение, я вам отвечаю— после похода. Логично?

— Вполне,— улыбнулся я.— А как Никита вел себя в походе?

— Не знаю...— захлопал он глазами. Потом воскликнул.— А-а! Понял! Я же вам не сказал, что в походе мы с Никитой находились в разных местах!

— То есть?!— вытаращил я глаза. Этот парень меня доконает, ей-богу.

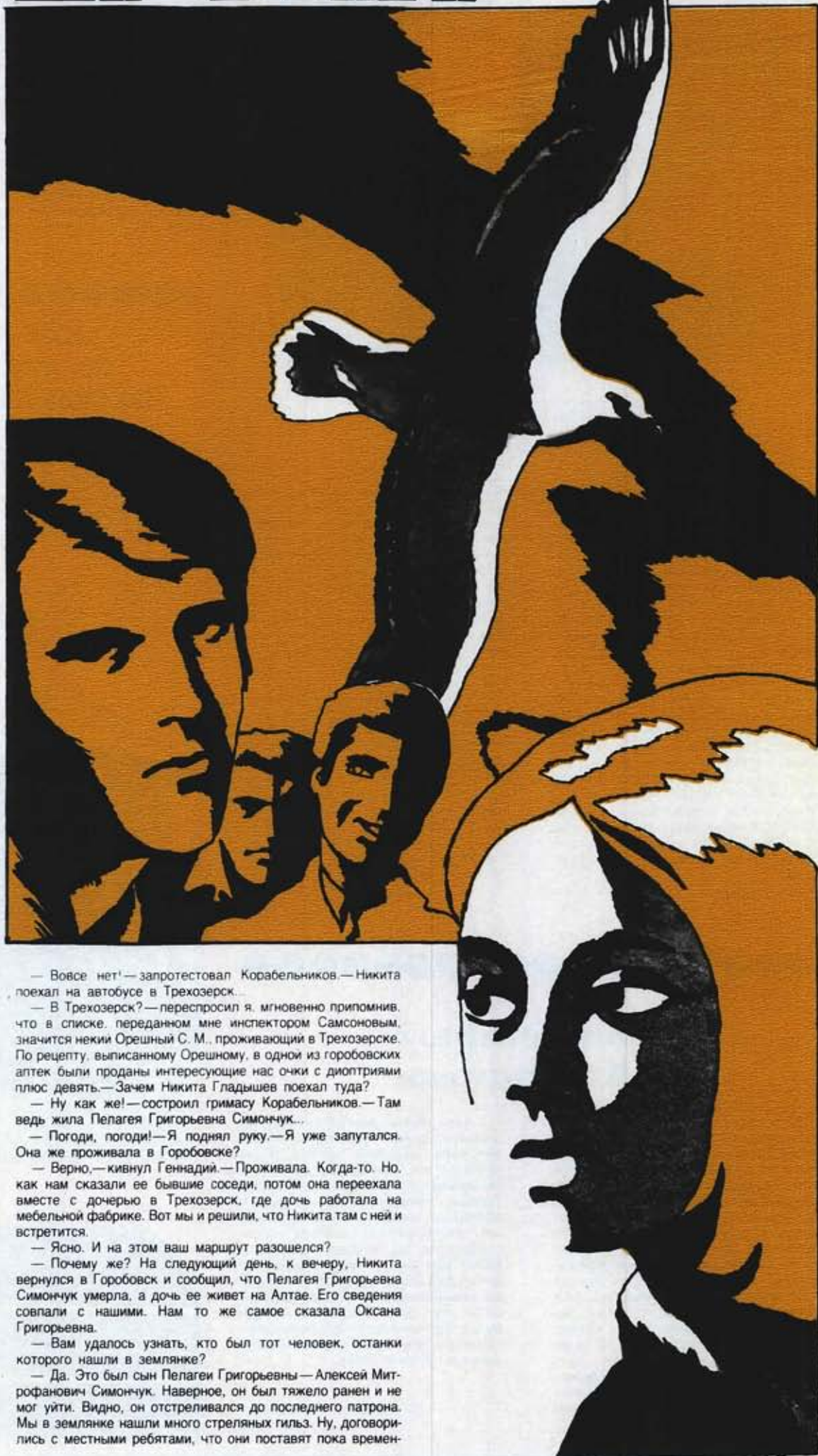
— Так мы же разделились. В Горобовск приехали все вместе, а затем разделились. Я и еще двое наших поехали в Колонкино, чтобы встретиться с малышкой, ну, с теми ребятами, которые землянку отыскали. Двое других из отряда поехали в колхоз «Красный луч» под Горобовском.

— Зачем?

— А там работает и живет Оксана Григорьевна Симончук, сестра Пелагеи Григорьевны. Нам сказали в Горобовске.

— Понятно, Гладышев тоже поехал в «Красный луч»!— догадался я, с трудом пробираясь через его рассказ.

Окончание. Начало в №№ 1—3.

ный — деревянный — памятник, а на будущий год мы привезем из города мраморную плиту с выбитыми на ней фамилией, именем и отчеством погибшего.

— Скажи, Геннадий, когда Гладышев вернулся в Горобовск, в аптеку он не заходил?

— Я не видел... Не знаю... Вообще-то он из Трехозерска злой приехал, это точно. Может, переживал, что не нашел ни матери, ни сестры Симончука.

— Может быть, Гена, все может быть, — ответил я, думая о том, что вряд ли Никита Гладышев мог купить очки в Горобовске в тот день, когда вернулся из Трехозерска, ибо было воскресенье, а затем наступили майские праздники. Следовательно, ему необходимо было побывать в Горобовске еще раз!..

До конца перемены оставалось несколько минут. — Геннадий, у тебя есть адрес, по которому Гладышев разыскивал в Трехозерске Пелагею Григорьевну Симончук? — Естественно! — гордо ответил он. — У нас все документы отряда хранятся в полном порядке.

С этими словами он подошел к шкафу, открыл его своим ключом, достал зеленую папку, начал перелистывать бумаги.

— Пожалуйста! Трехозерск, улица Колхозная, дом четырнадцать. Но только Симончуки там больше не проживают, это вы читаете.

— Учту. Спасибо.

22 мая 1978 года, понедельник, 11 часов 10 минут

Сергей Семенович не возражал против моей поездки в Трехозерск.

В половине двенадцатого позвонил Самсонов и сообщил, что шестого, седьмого, восьмого и девятого мая сего года Никиты Гладышева на даче Беленковых не было. О его смерти они впервые узнали именно от Самсонова.

Пожалуй, я был бы огорчен и изумлен, сообщи мне инспектор иную информацию. Теперь же я был убежден, что нахожусь у цели и загадку смерти Никиты Гладышева следует искать в Трехозерске...

Через пять минут электричка отправляется. До Трехозерска полтора часа езды.

Я отыскал свободное местечко у окна и сейчас наблюдаю за тем, как заполняется вагон. Шумно, говорливо — типично для черноморских электричек.

В кармане лежит блокнот, в котором записан адрес: «Трехозерск, ул. Колхозная, д. 14». Когда-то в этом доме проживала вместе с дочерью Пелагеей Григорьевной Симончук. Мать павшего в боях с фашизмом советского солдата Алексея Митрофановича Симончука, останки которого случайно обнаружили деревенские ребята и сообщили «красным следопытам» в сорок седьмую школу нашего областного центра. В школу, в которой учился Никита Гладышев. Вместе со своими друзьями он отправился на поиски родных погибшего солдата, чтобы сообщить им, где покойтся его прах. И в своих поисках приехал в Трехозерск.

Я должен узнать, с кем в Трехозерске разговаривал Никита и почему вернулся оттуда опечаленным. Я почему-то убежден, что одним из тех людей, с кем встречался в Трехозерске Никита, был С. М. Орешный. Кто он? Каким образом Никита познакомился с ним? Почему Орешный передал ему рецепт?

А если я ошибаюсь и все обстояло совсем не так? Ну что ж, тогда буду искать дальше. Но интуиция подсказывает, что Никита покупал в горобовской аптеке очки именно для Орешного, по его рецепту. Я ведь не ошибся, предположив, что Никита не был на даче Беленковых! В майские праздники он не мог купить эти очки. А вот шестого мая, снова приехав в Горобовск, в то время, как Екатерина Ивановна была убеждена, что сын находится у Беленковых, — Никита мог их купить. И купил! Однако вопрос: почему он не передал очки? У него в запасе было несколько дней, он преспокойно мог поехать в Трехозерск. Так что же: побывал он вторично в Трехозерске или нет? Для меня это имеет серьезное значение, так как если продолжать тянуть логическую цепь, то после второй поездки в Трехозерск у Никиты и появились основания написать сестре в письме: «Наташа, наш с тобой отец — ничтожество!»

Неожиданно я почувствовал, как на меня наваливается усталость. Четыре дня постоянного нервного напряжения измотали. А если добавить сюда весь год, то легко догадаться, как я измочалился и как приятно думать, что впереди отпуск! Не надо будет рано утром вставать, куда-то спешить, что-то расследовать, кого-то допрашивать, выслушивать чьи-то жалобы, успокаивать, предлагать воду и т. д. и т. п. Закрыв глаза, я задремал. Конечно, это был не сон, а так, самообман. Я слышал все, что происходило вокруг меня. Вполголоса позади взаимно упрекали друг друга супруги. Рядом со мной сидел маленький юноша с реденькой русой бородкой и тихонько хихикал, читая роман Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Золотой теленок». Я тоже, перечитывая Ильфа и Петрова, тихонько хихикаю. И, глядя на меня, начинают хихикать жена и дочь. Но в последнее время Галка совсем перестала смеяться. Ходит озабоченная и сердитая. Но это и понятно: скоро у нее выпускные экзамены в музыкальной школе. Кстати, из-за своей закрученности забываю поинтересоваться у Ксенин, чем закончился «мировой катаклизм» — ссора Галки с Валерием Михайловым. Мне бы их заботы!..

Хотелось ехать и ехать дальше. Еще лучше — лежать на полке, свесившись и уперевшись глазами в окно, за которым

проносились бы поля, реки, леса, домики, комбайны, стрелочники с флажками в руках...

Наверное, я все же от дремоты ушел ко сну, ибо почувствовал, как меня легонько толкают в бок.

— Простите, вам ведь до Трехозерска? — спрашивал мой русобородый умный сосед.

Откуда ему известно, что я еду до Трехозерска? И тут же вспомнил, что сам спрашивал у него, когда присоединился, бывал ли он в Трехозерске и большой ли это город. Мой сосед был умным юншей и без труда вычислил, что, если я интересуюсь Трехозерском, следовательно, еду туда. Все правильно. Он не зря хихикает, читая Ильфа и Петрова.

— Что, подъезжаем? — улыбнулся я.

— Да.

Я встал, взял с решетчатой металлической полки свой портфель и повторяя: «Прошу прощения!» — начал пробираться к выходу.

Дом № 14 на Колхозной улице был ветхим, за покосившимся штакетником.

Ступеньки крыльца старчески заскрипели под моими ногами. Я постучал в дверь. Никто не отзывался. Я постучал еще раз.

— А вам кого?

Я обернулся и увидел девочку лет двенадцати.

— Да вот стучу, а не открывают. — улыбнулся я в ответ на ее вопрос.

— Разве вы не знаете, что Степан Матвеевич Орешный умер?

— Как умер? — Я был ошеломлен. Сразу двумя событиями. Тем, что в этом доме проживал С. М. Орешный, и тем, что он умер.

— Моя бабушка, — печально произнесла девочка, — сказала, что у него был разрыв сердца.

— Когда это случилось?

— Шестого мая, — ответила девочка. — А вы что, его знакомый или родственник?

— Как тебя зовут? — перевел я разговор.

— Лида. Лида Уралова. А что?

— Скажи, Лида, к Степану Матвеевичу недавно не приезжал такой высокий мальчик?..

— Никита? — обрадованно перебила Лида. — Он был здесь. Но только он приезжал не к Степану Матвеевичу, а искал тетю Варю и бабушку Григорьевну. А бабушка Григорьевна давно уже умерла, а тетя Варя уехала. Но Никита очень подружился со Степаном Матвеевичем.

— Никита один раз приезжал сюда?

— Нет, — покачала головой Лида. — Сначала он приезжал на майские праздники. И шестого мая приехал. Поздно вечером. А Степан Матвеевич уже умер. Он утром умер. Никита сильно плакал. Он у нас потом три дня жил.

— Скажи, девочка, а твоя бабушка сейчас дома?

— Да.

— Можно мне с ней поговорить?

— Конечно. Пойдемте!..

Переночевав в доме Ураловых, утром я уехал из Трехозерска.

23 мая 1978 года, вторник, 10 часов

Домой я возвращался почти в пустом вагоне. Никто не мешал думать, восстанавливая в памяти разговор с Лукерьей Филипповной, бабушкой Лиды Ураловой.

Она многое рассказала о своем бывшем соседе Степане Матвеевиче Орешном.

В прошлом партизан, Орешный поселился в Трехозерске вскоре после войны: тут жил его двоюродный брат, умерший в пятидесятых годах.

Степан Матвеевич был тихим, приветливым человеком. Война оставила много отпечатков на нем. К тому же страдал он сердцем, частенько прихватывали приступы. А с годами подкралась к Орешному новая беда: он стал слепнуть, почти перестал читать, что особенно удручало его.

Несколько лет назад Орешному во многих отношениях было полегче: и у самого здоровье еще не так расстроилось, поэтому мог работать на местной небольшой обувной фабрике, и жильцы у него поселились хорошие, Пелагея Григорьевна и Варвара Митрофановна Симончук. Они скрашивали одиночество бывшего партизана. Через несколько лет Пелагея Григорьевна умерла, а Варвара подалась в иные края, на Алтай. Поехала то ли счастья искать, то ли судьбу испытывать.

После отъезда Варвары Степан Матвеевич сильно затосковал. Намечалось у них что-то похожее на взаимное чувство, но с отъездом молодой женщины все расстроилось.

«Кто ее знает, — заметила Лукерья Филипповна, — видно, испугалась Варюша. У Степана приступы зачастили, да и слепнуть он начал. Ему врач прописал очки со стеклами сильными, а у нас в Трехозерске таких и не достать было... Он, бывало, все через лупу пытался читать. Только много ли через нее прочитаешь? Однако и Варюшу не поднимается голос осуждать. Она еще женщина молодая, а тут брат на себя зтакую заботу. Всяк сверчок свое поет. Дай ей бог счастья, женщина она была хорошая, да не очень удачливая. Степан, конечно, скучал, но мне говорил: «Надо ей было ехать, Филипповна, надо. Я сам сказал, а то и приказал: уезжай! Чего ей с таким судьбу свою повязывать? Неправильно это будет».

На майские праздники объявился в Трехозерске Никита Гладышев. Он разыскивал Симончуков. А потом несколько

часов они разговаривали — Никита и Степан Матвеевич. О чем? Этого ни Лида, ни ее бабушка не знают. Единственное, что им было известно, — мнение Орешного, который сказал: «Хороший паренек. Толковый. Я ему про войну рассказывал. У него отец тоже вроде партизаном был. Альбом с фотографиями показывал...»

Я везу этот альбом в своем портфеле. После смерти Орешного альбом взяла к себе Лукерья Филипповна. Я обещал ей вернуть его. Мне пришлось сказать Лукерье Филипповне и Лидочке о смерти Никиты Гладышева. Обе долго плакали...

Во второй раз Никита приехал в Трехозерск вечером шестого мая. Известие о смерти Орешного потрясло юношу. Он все повторял: «А я ему привез очки, понимаете, привез очки!» — Никита был в таком состоянии, что Лукерья Филипповна уговорила его несколько дней погостить у них. Каждый день Никита ходил на кладбище и сидел у могильного холмика. Перед отъездом он сказал Лукерье Филипповне, что снова приедет и привезет деньги, а ее попросил, чтобы она договорилась с кем-нибудь о памятнике или мраморной плите. Спросил, сколько это будет стоить. Лукерья Филипповна переговорила с одним мастером, поторговалась. Сошлись на ста пятидесяти рублей...

Ну вот, разрешилась загадка с деньгами и очками. Но главное впереди: моя встреча с Федором Борисовичем Гладышевым. Во всяком случае, дело подошло к концу.

23 мая 1978 года, вторник, 11 часов 45 минут

Выйдя на привокзальную площадь, я по телефону-автомату позвонил Федору Борисовичу на работу и сказал, что нам необходимо встретиться.

— Если вас не затруднит, — после небольшой паузы предложил он, — приезжайте ко мне на работу.

— Хорошо, — согласился я. — Буду через полчаса.

...Мы сидим с Федором Борисовичем за столом.

— Я только что вернулся из Трехозерска.

Он молча смотрит на меня.

— Ваш сын был там два раза, — продолжаю я, наблюдая за ним. — Причем последний раз он приезжал туда шестого мая, когда ваша жена была убеждена, что Никита гостит у Беленковых. Но он не был у Беленковых.

— Я знаю, — тихо говорит Федор Борисович. — Вчера звонил Тихон Кузьмич и рассказал, что к ним приходил сотрудник милиции и интересовался Никитой.

— Верно, — киваю я. — Лейтенант Самсонов. Он был у Беленковых по моему поручению.

— Я так и понял. Простите, Дмитрий Васильевич, но вам удалось узнать, почему, зачем и к кому ездил Никита в Трехозерск?

Не отвечая на его вопрос, я открыл портфель и достал из него альбом покойного Степана Матвеевича Орешного. Раскрыл на закладке и взял фотографию, на которой были изображены три бородатых партизана с автоматами в руках. На груди каждого — по ордену Красной Звезды.

Я протянул фотографию Гладышеву. Он взглянул на нее и застыл, пораженный и изумленный до крайности.

— Федор Борисович, мне показалось, что крайний слева вы. Правильно?

— Да, это я, — пробормотал он.

— А кто двое остальных?

— Крайний справа — Харитон Гусев. А рядом со мной — Степан Орешный.

— У вас тоже имеется такая фотография?

— Да.

— В связи с чем и когда был сделан этот снимок? — Так уж получилось, что наш разговор скорее напоминал допрос.

— В канун двадцать пятой годовщины Красной Армии несколько партизан нашего отряда, в том числе и я, были награждены боевыми орденами и медалями. Нас троих наградили орденом Красной Звезды. Прилетел фотокорреспондент газеты «Красная звезда». Мы попросили его сфотографировать нас троих на память.

— А как сложилась судьба Гусева и Орешного? Вам что-нибудь известно о них?

— Гусев, — помолчав, сказал Федор Борисович, — вскоре погиб, подорвался на mine. А Степан Орешный...

Он снова замолчал, опустил голову. Я терпеливо ждал, когда он продолжит. Я ведь разворочил его войну.

— Степан тоже погиб, — заговорил наконец Гладышев. — Можно считать, на моих руках, хотя мне и не пришлось его похоронить.

— Как же это произошло, Федор Борисович?

Гладышев посмотрел на меня в упор. Конечно, он понимал, что мои вопросы неспроста, однако же предпочитал ни о чем не спрашивать.

— Ранней весной сорок третьего года мы с Орешным получили задание взорвать немецкий штаб. Гитлеровцы усиленно охраняли весь участок. Большой группой туда трудно было пробраться. Многого ведь не учтешь: кто-нибудь кашлянул, чихнул... Словом, большая группа — больше и риска себя обнаружить. Поэтому было решено, что пойдем мы со Степаном. У нас уже был опыт в подобных операциях.

Вышли ночью, дошли быстро. Поначалу все сложилось в удачу. Я бесшумно снял часового. Заминировали дом и подорвали. Безусловно, надо было сразу же уходить. Но увидели выскакивающих из окон полуголых фашистов, не удержались и открыли по ним огонь из автоматов. Вдруг Степан увидел, что от дома бежит гитлеровец в одних

подштанниках, а в руке у него портфель. Представляет, раздетый, а портфель не бросил! Значит, какие-то важные документы в нем находились. Степан скосил его очередью и бросился к портфелю. И здесь нам еще везло. Мы почти ушли. Но в этот момент Степана ранило в бедро. Он упал и подняться не может. Я хотел взвалить его на себя, а он говорит: «Не надо, Федор, я тяжелый, а снег глубокий. Оставь меня здесь, в лесу. Ты не беспокойся, я скоро сознание потеряю, а тогда уже не страшно. А вообще-то, Федя, сделай доброе дело — выстрели в меня!» Я ему отвечаю: «Не сходи с ума!» Он опять свое: «Я не дойду, ты не дотащишь. Лучше выстрели, потому что я уже был у этих гадов в лагере. Больше не хочу!» Естественно, я не мог в него выстрелить... И тогда Степан сказал: «Оставь мне запасной диск для автомата и пару гранат, а сам бери портфель, отходи к нашим». Я стал с ним спорить, но он крикнул: «Я тебе приказываю, сукин сын, уходи! Этот портфель, может, важнее, чем мы оба с тобой. В нем же документы!» И я, плача, как мальчишка, ушел. Вот и вся история. В портфеле действительно оказались серьезные документы. Из них нам стало известно, что немцы готовят против нас большую карательную экспедицию. В тот же день мы снялись с места... А Степан Орешный посмертно был представлен к ордену Красного Знамени...

— Федор Борисович, — спросил я, — а Никита знал об этой истории? Вы рассказывали ему?

— Я много рассказывал ему о своей партизанской жизни. Но подробно?.. Пожалуй, нет. Извините, Дмитрий Васильевич, я тоже хочу спросить у вас. Откуда у вас эта фотография?

— Дело в том, — медленно произнес я, — что в ту ночь Степан Матвеевич Орешный остался живым...

— Степан жив? — воскликнул Гладышев. — Где он? У вас есть его адрес?

— Да, есть, — ответил я. — Но шестого мая Орешный умер. К сожалению, мне не удалось с ним встретиться и поговорить. Однако с ним разговаривал ваш сын, Федор Борисович.

— Теперь я все понимаю, — тихо произнес Гладышев. — Никита случайно встретился с ним, увидел эту фотографию...

— Вероятно, так оно и было, — кивнул я. — Никита приехал в Трехозерск в поисках родственников погибшего солдата. Они жили в доме Орешного. Никита познакомился с ним, очевидно, узнал эту историю. Я думаю, что он не сказал Степану Матвеевичу о том, что...

— Что партизан, стоящий рядом с Орешным, я? — криво усмехнулся Гладышев. — Понимаю... Никита решил, что я предал Степана, струсил. Но я не струсил, нет... Я могу дать слово коммуниста, что никогда бы не оставил Степана Орешного, не окажись этого портфеля...

— Скажите, Федор Борисович, — перебил я, — Никита знал о том, как вас спасла медсестра Валентина Федорова? Спасла и погибла...

— Знал! — Гладышев отвернулся. Когда он опять взглянул на меня, в глазах у него стояли слезы. — И сравнение оказалось не в мою пользу. Поэтому он написал Наташе, что я ничтожество... Что ж... — Он глубоко вздохнул. — Я сам учил Никиту быть бескомпромиссным и принципиальным во всем. Однако мне казалось, что я для него друг, к которому приходят со своими сомнениями. А он не дождался меня, не пришел. Ничего не спросил, не обвинил, наконец, встал. Он молчал... А я в один миг лишился его доверия. Значит, своей смертью Никита вынес мне приговор, Дмитрий Васильевич?

— Я полагаю, вы ошибаетесь в этом, Федор Борисович. Письмо сестре он отправил до четырнадцатого мая, не так ли?

— Да, но какое это имеет значение?

— Серьезное значение. Да, Никита погиб. И его не вернуть. Но и как он погиб, я думаю, имеет значение. И для вас с Екатериной Ивановой, и для его товарищей в классе, и для меня, следователя. Так вот, Федор Борисович, я убежден, что ваш сын не кончил жизнь самоубийством...

И я рассказал ему о своей встрече с учителем Морозовым. Прощаясь с Гладышевым, я сказал, что буду квалифицировать гибель Никиты как несчастный случай.

23 мая 1978 года, вторник, 19 часов

...Вечером, возвращаясь после работы домой, я вдруг подумал о семье Никиты Гладышева, пожалуй, больше о нем.

А имел ли он, шестнадцатилетний юноша, право обвинять своего отца? Что мы знаем о войне, мы, не нохавшие пороха? Какое право имеем судить о ней так же, как наши отцы и деды, у которых свой счет? Это они имеют право судить и предъявлять счет. Потому что воевали и пережили. Они, а не мы, знающие войну по книгам, фильмам и спектаклям.

Отец Никиты Гладышева поступил как солдат. Оказавшийся случайно в его руках портфель с важными вражескими документами отнял у бойца Гладышева право остаться рядом с тяжело раненым другом, ибо в этом портфеле была спрятана смерть многих людей. Война — это не игра в «казачьи разбойники». В войну военные люди принадлежат не себе, а своему воинскому долгу...

...Я открыл дверь и вошел в квартиру, повесил плащ в шкаф и хотел было уже пройти в столовую, когда неожиданно услышал громкий, какой-то истеричный голос Галки. Она с кем-то разговаривала по телефону. То, что я услышал, заставило меня замереть телеграфным столбом.

— Замолчи, — доносился голос дочери, — я не хочу больше знать тебя и слышать о тебе! Не смей меня преследовать. Не смей приходить к нам. Ясно? Ясно? Не смей поджидать меня у

школы. Ты гадина, жаба! Ты мне омерзительна и ненавистна! Я стоял, ошеломленный услышанным. Я никогда не мог предположить, что наша Галка в состоянии таить в себе столько ненависти к кому-либо.

В этот момент дверь из столовой открылась, и Галка вся в слезах вышла навстречу.

— Ты все слышал? — дрожащим голосом спросила она, кажется, не удивившись тому обстоятельству, что я стою в коридоре.

— Да... Я не мог лгать ей... С кем ты так разговаривала?

— С ним...

— С Валерием?! — изумленно спросил я, только теперь по-настоящему осознав, что между ними действительно произошло нечто серьезное.

— Папка, милый, все... понимаешь... с ним... у меня... ненавижу его... презираю...

— Ну и ладно. — Я ласково прижал ее голову к своей груди. — Все так все. Ты вступаешь в жизнь, дочь. Еще разное будет в ней. А сейчас успокойся и забудь...

— Нет! Нет! — крикнула она и вырвалась из моих рук. — Ничего не могу забыть. Хотела забыть. И не могу... Сначала я думала, что его спокойствие — огромное достоинство. Настоящий мужчина, думала я, должен быть спокоен, как же иначе... Лев — царь зверей! А тогда... тогда я поняла, что это его спокойствие — или полное равнодушие, или элементарная трусость... Еще неизвестно, что хуже!.. А их было-то всего двое! И он... спокойно смотрел, как они меня хватают и хохочут... Кажется, он даже заискивающе улыбался. А потом... потом, когда подскокил этот парень... Они же все трусы... Помнишь, ты говорил, что хулиганы — трусы?..

— Помню, доченька, помню, но ты успокойся!

— Да, папа, теперь я убедилась, что ты прав. Конечно же, они трусы!.. Я ушел, а он даже не бросился за мной... Представляешь? Он спокойно пошел в другую сторону... Понимаешь?

— Ну-ка, давай, Галина, с самого начала, — вдруг спокойно сказал я. — Попробуем вместе разобраться. И перестань, пожалуйста, плакать!

— Хорошо... Я не буду плакать. Я никогда больше не буду плакать, папа. Обещаю тебе.

— Пойдем в комнату, чего мы тут застряли.

Мы прошли в столовую и сели рядом на диван.

— Мы с ним, — стала рассказывать Галка, — были в кино в воскресенье, четырнадцатого. Помнишь, ты принес два билета на французский фильм, в Клуб моряков?

— Помню, — кивнул я, настораживаясь, едва услышал слова: «...в воскресенье, четырнадцатого».

— После кино он предложил погулять у моря...

— Ну?!

— Что с тобой, папа? — Галка испуганно смотрела на меня. — Ты даже побледнел.

— Погоди, Галка, — хрипло сказал я. — Теперь я буду рассказывать!

— Ты-ы? — изумленно протянула она.

— Вы оказались в порту, да? Вернее, в районе порта?

— Да. А откуда ты знаешь?

— И вы пришли на разрушенный причал?

— Ага. Но начало штормить, и я сказала Валерке, что пора домой. А в это время подошли двое его приятелей. Валерка сказал, что один учится в институте, а другой работает. И они начали вышучивать его по какому-то поводу. Потом один из них сказал: «Что же ты, Валерик, молчал, что у тебя такая красота имеется?» И обнял меня. Я оттолкнула его, а другой подскокил ко мне сзади и крикнул: «Стой смиренненько, малышка, а то в Черном море в штормик искупаешься!»

— И что же Валерий? — Я почувствовал, как меня начинает колотить озноб, едва представил, как эти хулиганы издеваются над моей дочерью.

— Один раз он пролетел заискивающе: «Не надо, ребята, нам пора домой». Они захохотали, а один из них — с золотой коронкой во рту — крикнул: «Ах, какой? Может, время манную кашку кушать? Заткнись, не то вниз пойдешь, вон волна катит!» А другой говорит мне: «Брось ты его, крошка, видишь, какой он! Пойдем лучше с нами, потанцуем. У нас весело будет, у нас таких малышей много...» Я закричала, а они хохочут. Внезапно, откуда ни возьмись, выскочил какой-то парень в клетчатом пиджаке. И как одному врежет, тот сразу и упал. Я воспользовалась моментом и побежала. Только я видела, что Валерка в другую сторону бросился... Папа, он подонок. Теперь я это точно знаю! И не уговаривай меня мириться с ним, иначе я перестану тебя уважать, так и знай, папка!

— Хорошо! Хорошо! — поспешно сказал я. — В котором часу это было?

— Что-то около девяти, может, меньше. Понимаешь, я хотела найти какого-нибудь миллионера, но никого не было... Ну, я и пошла домой.

— Скажи, как мне найти этих... приятелей Валерки или знакомых его?

— Не знаю, — пожала плечами Галка. — Да ладно, не обращай внимания. Я теперь сама умнее буду.

— Понимаешь, Галка, мне необходимо найти их!

— Да? Что ж, тогда позвони... этому типу. Он их знает.

— Ты права. А еще лучше будет, если я немедленно к нему поеду.

— Но не смей, — строго проговорила Галка, — брать на себя миссию адвоката!

— Обещаю! — серьезно ответил я.

Я поехал к Михайловым.

...Дверь открыл Владимир Львович, отец Валерки.

— Ты? — уставился он на меня, торопливо застегивая на груди куртку пиджама.

— Валерий дома? — вместо приветствия спросил я.

— Дома. — оторопело ответил мой друг. — Слушай, Дмитрий, а чего там у них стряслось, между Галкой и Валеркой? Он все дни ходит, как сыч, надутый. И молчит...

— А-а! — отмахнулся я. — Стряслось... Ладно, я к нему пройду. Мне с ним вдвоем надо поговорить. Не мешай нам.

— Пожалуйста! — обиделся Владимир Львович. — Могу бы и мне сказать.

— Ничего я тебе не собираюсь говорить! — вспылил я, видимо, все-таки нуждаясь в разрядке.

Он ошарашенно посмотрел на меня, потом крикнул:

— Валерий, к тебе пришел Дмитрий Васильевич!

Валерий Михайлов почти слово в слово повторил рассказ Галки. С тем лишь исключением, что роли их в той истории существенно поменялись местами. По его словам, хуликала Галка, а он-то как раз и «защищал ее честь». И, мол, если она такая недоразвитая и ничего не поняла, то он ей навязываться в друзья не собирается. Чо же, же касается парня в клетчатом пиджаке, который налетел на его знакомых... Кто знакомые? Вадим Бекетов, он учится на третьем курсе Политехнического института, и Олег Расько, работающий в порту. Так вот, что касается этого парня в клетчатом пиджаке, то его никто не просил лезть. Впрочем, он, Валерий Михайлов, ничего не видел, ну, в смысле того, что там у них произошло, потому что сам ушел, как только Галка убежала.

Я достал фотографию Никиты Гладышева и показал ее Валерию Михайлову. Он подтвердил, что это и есть тот парень в клетчатом пиджаке.

Я попросил Валерия назвать мне адреса Бекетова и Расько. Оказалось, что он не знает точно их адресов, смог указать лишь улицу, на которой они живут. Однако это уже не имело для меня большого значения. Я знал, что один учится в Политехническом институте, а другой работает в порту.

На следующий день Вадим Бекетов и Олег Расько были задержаны...

Я так часто в последние дни думал и говорил об истине, что это слово начало меня немного пугать. Но на этот раз — после задержания и допросов Бекетова и Расько — истина, разгадка тайны смерти Никиты Гладышева нашла свое полное подтверждение.

Убийства не было. Как и самоубийства. Да, произошел несчастный случай, в результате которого погиб смелый, сильный юноша, красиво и уверенно входивший в большую жизнь.

Был несчастный случай, но не случайностью оказалось то, что он, Никита Гладышев, не раздумывая, бросился на помощь незнакомой девушке, которую оскорбляли два подвыпивших мерзавца. Это было в его характере. Однажды он уже приходил на помощь — Мише Торопову, своему однокласснику.

Мне захотелось прийти к классному руководителю 9-го класса «Б» Елизавете Павловне Ромашкиной, слишком рано уставшей молодой женщине, и сказать ей: «Как же непостижительно вы заблуждаетесь, полагая, что Никита Гладышев был холодным, бесстрастным человеком! В нем билось горячее сердце, отзывчивое к чужим болям и страданиям. И еще — к справедливости. Вот почему он презирал вас, Елизавета Павловна. Тут уж ничего не поделаешь, ибо вы разменяли себя в его глазах. Впрочем, меня, следователя прокуратуры Красикова, ваша личная жизнь, как вы догадываетесь, не интересует!»

Нелепая, но и героическая смерть... После того, как Никита сбил с ног Расько, он бросился на Бекетова. Однако тот увернулся, и Никита, поскользнувшись на мокром причале, да еще к тому же сбитый с ног сильным порывом ветра, упал в воду и запутался в ржавых железках. Он ведь и плавал плохо...

А два подонка — Бекетов и Расько — вместо того чтобы прийти к нему на помощь или позвать кого-нибудь, трусливо убежали. И все последующие дни отсиживались в мерзопакостной своей надежде, что никто ничего не узнает, что истина не восторжествует.

Следствие по делу о смерти Никиты Гладышева я закончил. Что же касается Бекетова и Расько... Здесь оказалась причастной моя дочь. Как жертва. Я не имею ни морального, ни юридического права заниматься этим делом. Разумеется, Бекетов и Расько не могут быть обвинены в убийстве, ибо произошел несчастный случай. Вряд ли их привлекут к ответственности по статье 127 Уголовного кодекса РСФСР — оставление в опасности. (Хотя Бекетов и Расько, конечно же, оставили Никиту Гладышева в опасности!) Почему? Да потому, что обязательным признаком для привлечения к ответственности по этой статье является не оказание помощи потерпевшему виновным без серьезной опасности для себя или других лиц. В данном же случае штормовая погода как раз такую опасность для Бекетова и Расько не исключала.

Но их могут судить за хулиганские действия по отношению к «гражданке Красиковой Галине Дмитриевне». Тут уж как решит следствие, а потом как рассудит суд.

Ну, а что я могу сказать о Валерии Михайлове? По-моему, все уже сказала Галка. Мне добавить нечего...

Вот так закончилось расследование дела о смерти Никиты Федоровича Гладышева, учащегося 9-го класса «Б» школы № 47, комсомольца, вожака школьных «красных следопытов».

ПРОЗА

Найти дорогу к себе

Сколько на свете людей, столько и судеб. Как правило, человек сам выбирает свой жизненный путь, сам определяет для себя цели и пути их достижения, свое дело и критерии счастья. Иной же не ищет ни дела, ни себя — и в этом его пассивно-ничтожная судьба. А иному чуть ли не с младенчества открывается его призвание, цель его ясна, и дороги его прямы. Есть и такие, кто, прожив уже немало лет, определившись, казалось бы, в своей работе и в себе, вдруг спохватываются, что упущено в жизни что-то важное, необходимое и нужно вновь искать себя, перекраивать судьбу...

Нелегко сложилась жизнь Хуршиды — героини повести Зои Тумановой «Ковер весны» из одноименной книги (издательство имени Гафура Гуляма. Ташкент) Девочкой лишилась она родителей, и сиротство ее скрашивает лишь любовная забота бабушки. Тонка и хрупка Хуршида, и нет в ней, кажется, никакой силы — однако привычна она и к работе по дому, и на сборе хлопка она первая. С детских лет полюбила она всем существом своим родную землю — зеленую весной и белую от созревшего хлопка осенью, полюбила запах цветущих трав и пенне живой воды в арыках... И еще полюбила Хуршида труд на этой земле, и потому ясен для нее жизненный путь, и только жаль, что не может она пока что управлять хлопкоуборочным комбайном так умело и ловко, как ее бригадир и подруга Махфуза...

Зримо предстает в повести «Ковер весны» прекрасная природа Узбекистана; Зоя Туманова хорошо знает и любит этот край, ярки и свежи краски ее для описания любого времени года. Живы, убедительны образы людей, населяющих повесть, их заботы и труды волнуют, делают тебя сопричастным к их будням и праздникам.

Совсем по-иному складывалась судьба героя другой повести, вошедшей в книгу Зои Тумановой, — «Портрет неизвестной». Ничто, казалось бы, не препятствует тому, чтобы молодому врачу Роману Говорову не только казаться, но и быть счастливым: есть любимая работа, есть авторитет и доброе отношение коллег; а уж внешность у Романа такая, что девушки так и сохнут по нему... Отчего же нет покоя и радости в душе, отчего все чаще возникает разлад и с окружающими и с самим собой, отчего же нет того, что называют счастьем?..

Писательница, показывая нам героя в разных жизненных ситу-

ациях, сталкивая его в спорах и отношениях с друзьями и коллегами, с любимой девушкой и прежде всего с самим собой, внимательно и художнически чутко выявляет причины духовной и жизненной дисгармонии Романа. И далеко не сразу, исподволь, преодолевая свою избыточную сухость, рациональность, высвобождаясь из цепких пут собственных переживаний и сомнений, постепенно живая скептицизм, находит герой дорогу в необычный мир искусства, в мир людей, таких разных, таких непохожих на него, Романа Говорова. Находит дорогу к самому себе...

Различны судьбы молодых героев двух повестей писательницы из Узбекистана. Но есть и нечто их объединяющее — нравственные искания, желание понять себя и окружающих, стремление найти себя в любимом деле, в семье людей.

Юрий САДОВСКИЙ

ИСКУССТВО

Яблоко на всех

...А сказки с ним всю жизнь дружили. Сказки непростые, им выдуманные, им нарисованные, им вылепленные. Тут и воробей Ероща с фамилией Чивилёк, и кот Васыка, и киквиора с домовым. Одна сказка теснит другую, и от этой счастливой путаницы никуда не деться. Начинает маленький Ефимко огрызок карандаша завитушки да черточки рисовать, ему одному понятные, зато уж не забудет до вечера свои сказочки. Зорче глядит вокруг Ефимко и, чем больше рисует, тем яснее для него одно: «настоящие рисунки возникают не от чуда — они выходят из-под рук человеческих». И вся деревенская жизнь держится на собственных руках...

Вырос Ефимко, стал Ефимом Васильевичем Честняковым, учителем, настоящим другом сельских ребятшек, потому что всегда был заводилой, выдумщиком, записывал народные частушки и песни, устраивал гулянья и фестивали. В картинах его, удивительно ласковых, продолжала жить сказка: девочки со свистульками, золотые ручки-девичьи, лесорубы-плотники, старички-боровички.

Из далекой деревни Шаблово Костромской области двадцатипятилетний Ефим Честняков едет в Петербург, учится в Академии художеств и в академической мастерской Д. Кардовского. Его «деревенские сказки» удивляют многих, даже Репина. И все-таки Честняков вернулся домой, стал одним из первых организаторов и пропагандистов народного творчества. Он активно участвует в создании Народного дома искусства, деревенского театра, художественной детской студии. Вся его жизнь прошла в соединении крестьянского труда и художественного творчества...

О Честнякове до недавнего времени знали немногие. Сотрудники Костромского областного музея изобразительных искусств летом 1968 года сумели найти, собрать, а затем восстановить, отреставрировать находящиеся в очень плохом состоянии картины, скульптуры и

рукописи художника, открыть его выставку.

Книга Льва Кузьмина «Чудесное яблоко» («Детская литература», 1981 г.) предпослана ребятами дошкольного возраста. Рассказывая о замечательном, самообытном русском художнике Ефиме Васильевиче Честнякове, автор будто сочиняет сказку о славном волшебнике, сумевшем поделиться со всем миром своим талантом. Через всю книгу проходит притча о яблоке, которое сколько ни раздаться — оно не убывает. Лишь крупнее да краше становится. Потому что яблоко это — НА ВСЕХ. Так и талант человека, если идет он от родной земли, от щедрого сердца, от доброй души, всегда остается с народом.

Ярок язык книги, необычны, удивительно нежны иллюстрации. Книга эта поможет родителям и воспитателям открыть еще одну страницу истории народного творчества. Когда в руках «Чудесное яблоко» Льва Кузьмина, понимаешь, что книга — действительно лучший подарок.

Ольга САСОРОВА

ПУБЛИЦИСТИКА

«Памятью отцов горды»

Июльским вечером 1789 года французский король Людовик XVI записал в личном дневнике свои впечатления от прожитого дня: «Вторник, 14 — ничего». В этот день, 14 июля, народ Парижа приступом взял Бастилию. Когда в загородный дворец короля пришли вести о случившемся, монарх недовольно вскричал: «Да ведь это бунт!» — «Нет, ваше величество», — ответил герцог де Ларошфуко, — это революция!»

«Размышления на площади Бастилии» («Политиздат», 1981 г.) — так назвал свою новую книгу известный советский журналист В. Седых. Что ж, название выбрано верно... Книгу на самом деле можно рассматривать как мудрые, интересные размышления о неразрывной связи времен и поколений, о преемственности революционных традиций, о бессмертии свободолюбивых чаяний французского народа, символом которых стал тот знаменитый штурм Бастилии.

Это — размышления публициста, много лет проработавшего во Франции в качестве корреспондента «Правды», ставшего свидетелем острых классовых боев французских труженников за мир и социальный прогресс. В. Седых присутствовал на торжествах, посвященных 100-летию со дня рождения В. И. Ленина и вековому юбилею Парижской Коммуны. Он много ездил по стране, встречался с руководителями и рядовыми борцами рабочего движения Франции — живыми носителями свободолюбивых традиций великого народа этой страны». Встречи с Жаком Дюкло, Жоржем Коньо, Жаном Фревилем и другими замечательными представителями рабочего класса и демократически настроенной интеллигенции помогли советскому публицисту воссоздать достаточно

полную и яркую картину революционной борьбы французского народа со времен взятия Бастилии и до наших дней.

Ведущую тему книги В. Седых определил так: «Жизненность свободолюбивых, демократических традиций французского народа, обогащенных как поучительными уроками классовой борьбы в современной Франции, так и марксистско-ленинским учением, бесценным опытом Великого Октября, реального социализма».

Автор акцентирует читательское внимание на взаимосвязи опыта борьбы французского народа и международного революционного движения, на роли В. И. Ленина и созданной им большевистской партии в России на формирование и становление Французской коммунистической партии.

В основу книги «Размышления на площади Бастилии» положены живые свидетельства участников демократического движения и многочисленные исторические документы. В этом отношении ее можно отнести к документальной прозе. Но в каждом историческом событии В. Седых стремится прежде всего увидеть реальные человеческие судьбы и образы, взволнованно рассказать читателю о них. И тогда документальная проза приобретает художественную ценность...

Среди многих исторических «портретов», воссозданных автором в книге, особенно запоминается рассказ о «русской дочери Коммуны» — Е. Л. Дмитриевой. Елизавета Лукинична, родом из семьи богатых русских аристократов, с юных лет серьезно задумывалась над острыми социальными проблемами, увлеклась творчеством Чернышевского, Писарева, Добролюбова. Приехав в Париж, она приняла деятельное участие в оформлении Русской секции Интернационала; в качестве представителя этой секции ездила в Лондон для встречи с К. Марксом, была дружна с его семьей.

В героические дни Парижской Коммуны эта женщина осуществляла руководство Союзом женщин, объединившим рабочих, преданных делу революции, бесстрашно сражалась на баррикадах. Парижане до сих пор чтят славное имя Е. Л. Дмитриевой, посещающей ее музей-квартиру на бульваре Отей.

Борьба пролетариата Франции за демократию и социальный прогресс всегда ассоциируется у нас с замечательными произведениями, ставшими ее гимнами: «Марсельезой» и «Интернационалом». Эти и другие всемирно известные творения французских поэтов — Пьера Жана Беранже, Поля Вайяна-Кутюрре, Эжена Пюта — являются своеобразными символами тех самых славных традиций, о которых размышляет автор в своей книге. Неудивительно поэтому, что В. Седых широко использует их стихи в переводах П. Антокольского, А. Гатова, В. Дмитриева, С. Северцева и других. Строки этих стихотворений пронизывают всю ткань повествования, помогая автору выделить основные аспекты публицистической прозы.

И если говорить о поэтически выраженной главной теме книги «Размышления на площади Бастилии», то ею, на мой взгляд, является строка из «Марсельезы»: «Мы памятью отцов горды». Ведь именно «память отцов» — единственная и коренная первооснова того, что происходит сейчас во Франции, и эту взаимосвязь наглядно продемонстрировал В. Седых в своей книге.

Елена СЕТУНСКАЯ, студентка, участница «Литературно-критической мастерской «Смены»

КРИТИКА

Открыть мир писателя

Не просто быть исследователем творчества писателя.

Особенно писателя сложного, пишущего то о настоящем, то вдруг уходящего в прошлое. Тем приятнее быть свидетелем удачной критической работы. Именно такой можно назвать небольшую книжку Ирины Богатко «Юрий Нагибин» (литературный портрет), вышедшую в издательстве «Советская Россия» в широкой известной серии «Писатели Советской России».

Казалось бы, автор поставил перед собой непосильную задачу — проанализировать все творчество Ю. Нагибина, начиная с его самых первых юношеских рассказов и кончая произведениями, написанными в последние годы. Но, оказывается, нет непосильных задач, если критик обладает своим взглядом на творчество, если он может быть внимательным и умным читателем, чутким исследователем написанного. Юрий Нагибин писатель разнообразный, выступающий в разных качествах. Мы знаем его как прекрасного рассказчика. Но особенно автор многих повестей, кинодраматург.

«Чем больше я пишу о детстве, — сказал однажды Нагибин, — тем сильнее мне хочется разобратся в пережитом, а не иставать в бездумном поэтической восторженности. Я наконец-то понял, что прошлое целиком входит в жизнь настоящего. Оно перестает работать в нас, лишь когда мы притворяемся детьми — в устных воспоминаниях или в творчестве. Детство растворено в нашей взрослой жизни и заслуживает серьезного разговора, а не сладких слез умиления». Именно такой посыл определяет настрой главы «Чистые пруды детства». И. Богатко не приглашает читателя на экскурсию в страну детства, а зовет его на диспут о памяти, о смысле бытия, об истоках жизни одной человеческой души.

Интересной, наполненной многими тонкими наблюдениями получилась глава «Слово — твоё оружие и оружие». Здесь И. Богатко обращается к теме художественного творчества — теме, которой писатель посвятил многие свои рассказы и повести. Она старается показать, как Нагибин расширяет рамки темы, как ему удается наполнить ее актуальным жизненным материалом. Подробно разбираются в книге рассказы «Немота», «Машинистка живет на шестом этаже», произведения о великих художниках прошлого. И что привлекает — критик не навязывает читателю свою точку зрения, не бывает слишком категоричной в тех или иных оценках, она внимательно прочитывает прозу Нагибина, следит за его мыслью, образом, стилем.

У книжки И. Богатко есть одно ценное качество: после ее прочтения хочется вернуться к произведениям Ю. Нагибина, прочесть их более внимательно, найти в них то, что ускользнуло при первом знакомстве с писателем и на что обратила внимание критик.

Анатолий ИВАНУШКИН

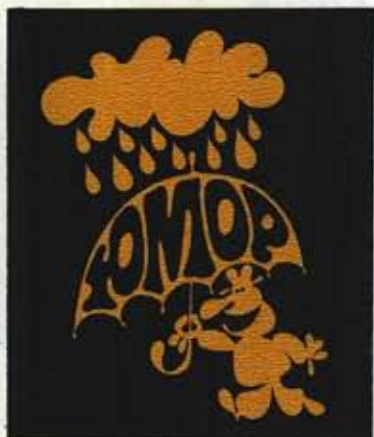

Рисунок Олега БРИКА

Рисунок Виктории ТАМАЕВА

Рисунок Бориса ЗРЕНБУРГА

Под редакцией международного арбитра,
заслуженного тренера РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО.

(Продолжение. Начало см. в №№ 1—3 журнала.)

Четвертый тур

Белые начинают и дают мат в два хода. (1 балл).

Ответ на каждое из четырех заданий этого тура присылайте в адрес редакции на отдельной открытке, исполненный в сокращенной шахматной нотации без каких-либо словесных примечаний. Вверху слева лицевой стороны открытки следует делать пометку «24-я шахматная олимпиада «Смены», тур четвертый», а на обороте почтовой карточки (под ответом) вверху справа — проставить свой олимпиадный регистрационный номер. Запомните, пожалуйста, что срок отправления писем на этот тур истекает 30 апреля сего года (согласно штемпелю вашего отделения связи).

Ход белых. Могут ли они спастись или нет? (2 балла).

Ход черных. Как должна завершиться партия при наилучших действиях обеих сторон? (3 балла).

Когда и где состоялся первый шахматный чемпионат Советской страны, кто был его победителем? (1 балл).

ПОБЕЖДАЕТ МОЛОДЕЖЬ

Недавний турнир высшей лиги всесоюзного мужского шахматного первенства, состоявшегося во Фрунзе, выгодно отличается от подобных соревнований последних лет завидным сочетанием острой спортивной борьбы с высокими творческими достижениями. Этому обстоятельству способствовал молодежный состав участников, среди которых было 13 гроссмейстеров и 5 сильнейших мастеров из разных городов.

Новыми обладателями золотых чемпионских медалей стали 18-летний бакинec Гарри Каспаров, о ком «Смена» в минувшем году поведала в большом очерке, и Лев Псахис из Красноярска. Уместно напомнить читателям, что 23-летний сибиряк в предыдущем чемпионате СССР добился аналогичного успеха (тогда он разделил победу с гроссмейстером из Львова Александром Белявским).

Финишировали новые чемпионы с одинаковым и очень весомым для состязания такого ранга результатом — 12,5 очка из 17 возможных. Бронзовая медаль досталась 29-летнему львовскому гроссмейстеру Олегу Романишину — у него 10 очков и третье призовое место.

Приводим яркие фрагменты, характеризующие игровую поочер участников турнира в столице Киргизии. Перед вами положение фигур, создавшееся после 23-го хода черных в поединке Г. Каспарова (он играл белыми) с гроссмейстером из Новосибирска Г. Тимошенко.

В этой обоюдоострой ситуации белые смело пожертвовали коня и овладели инициативой на ферзевом фланге, где после длинной рокировки нашел прибежище неприятельский король.

24. Ka4:c3! b4:c3 25. Lc1:c3+ Krc8:d7 26. Fe2-c2 Cf8-d6 27. La1-c1! Fb5-b7.

Теперь тонкой жертвой пешки белые вскрывают еще одну левofланговую вертикаль, что расширяет оперативный простор для наступления их тяжелых фигур.

28. b3-b4! Fb7:b4 29. Lc1-b1 Fb4-g4 30. Ce3:a7 e6-e5 31. Fc2-a2 Ld5-d1+ 32. Lc1:d1 Fg4:d1- 33. Kpg1-g2 Fd1-h5 34. Fc2-a4+ Kpd7-e6 35. h2-h4 Fh5-e2 36. Fa4:a5.

Итак, атакующая операция завершилась успехом — белые не только возвратили отданного коня, но и добились явного превосходства. Техническую стадию реализации перевеса новый чемпион проводит безукоризненно, несмотря на отчаянное сопротивление партнера.

36. ... Lh8-a8 37. Fa5-a4! Krc6:f6 38. Fa4-d7 Krf6-g7 39. Lc3-f3 Fe2:c4 40. Fd7:d6 La8:a7! Fd6:e5- Kpg7-h7 42. Lf3-f5! Fc4-c6+ 43. Kpg2-h2, и черные сдались.

Здесь перед вами позиция, возникшая после 31-го хода черных в партии Л. Псахиса (у него были белые фигуры) с А. Белявским.

На первый взгляд положение черных хотя и весьма стеснено, но

надежно ограждается пешечными цепями. На поверку это обстоятельство оказывается иллюзорным. Смелым прорывом, связанным с жертвой пешки, белым удается осуществить вторжение своего коня в тыл противника.

32. f2-f4! e5:f4 33. Kb3-d4! Ce7-f8 34. Fd1-f3 Kd7-b6 35. Kd4-c6 Fd8-d7.

Белые отыгрывают отданную ранее фланговую пешку и кладут на алтарь своей атаки пешку центральною.

36. Ff3:f4 Kf6:d5 37. Ff4-d4 Kd5-c7 38. Cf1-d3 Kc7-e6 39. Fd4-e4 g7-g6 40. Ca3-b2 Cf8-g7 41. Cb2:g7 Ke6:g7 42. Fe4-h4! La8-e8 43. Cd3 Lb7-c7 44. Le1:e8+ Fd7:e8 45. Lb1-e1 Fe8-a8 46. Fh4-f6! Kpg8-h7.

Черные стойко обороняются. Однако двукратному чемпиону СССР удается не только восстановить материальное равновесие, но и разменом ферзей перевести борьбу в русло выигрышного окончания с неудержимой проходной пешкой на его левом фланге.

47. Ff6:d6 Lc7-d7 48. Fd6-c5 Kb6-d5 49. Cc2-e4 Kg7-e6 50. Fc5-f2 Ke6-g5 51. Ce4:d5 Ld7:d5 52. h3-h4 Ld5-f5 53. Ff2-a7! Fa8:a7 54. Kc6:a7 Kg5-e6 55. b5-b6, и белые четко и быстро реализовали преимущество.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 5.01.82. Подписано к печати 18.01.82. А 05013. Формат 70x108¹/₁₆. Глубокая печать. Усл. п. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд № 312. Заказ № 1869. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

В СЪЕДИНЕНИИ ТЕМЫ СТРОВОЙ ВЕРХ.

Музыка Кирилла АКИМОВА
Слова Александра ПРОКОФЬЕВА

СОЛДАТЫ

Музыка Кирилла АКИМОВА

Слова Александра ПРОКОФЬЕВА

*Солдаты, солдаты...
Окопы стали рвами,
Позарастали ивами,
Вот-вот уйдут из глаз.*

*Солдаты, солдаты,—
А Родина за вами.
Россия, Россия
Надеется на вас!*

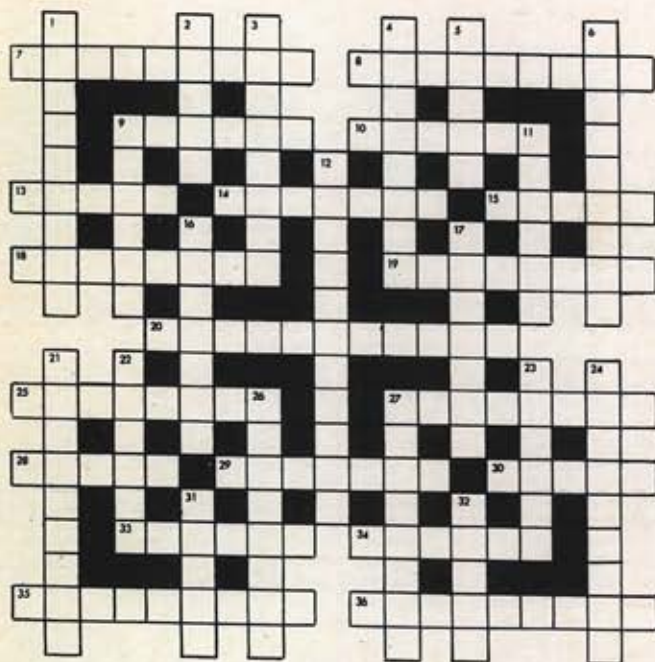
*Солдаты, солдаты,
Вокруг себя взгляните:
Не так давно лежала
Ваша Родина в крови.*

*Солдаты, солдаты,
Россию берегите!
Россия, Россия
Жить не может без любви.*

*Глядит на вас Россия
С высокого порога,
Мы к ней прильнули сердцем,
Словно к берегу волна.
Солдаты, солдаты,
Ведь нас в России много,
Ведь нас в России много,
А она
Одна!*

КРОССВОРД

Составил Е. ГЕРИХ,
Махачкала

По горизонтали:

7. Стихотворение А. С. Пушкина. 8. Книга новелл Д. Боккаччо. 9. Самая яркая звезда. 10. Начало шахматной партии. 13. Персонаж комедии Лопе де Вега «Собака на сене». 14. Народный поэт Дагестана. 15. Машина для обработки материалов давлением. 18. Многогранник. 19. Народный писатель Киргизии. 20. Один из героев романа М. А. Шолохова «Поднятая целина». 25. Декоративный ягодный кустарник. 27. Цветок. 28. Изображение, нанесенные на металл. 29. Рассказ А. П. Чехова. 30. Химический элемент, металл. 33. Длинная фраза, реплика. 34. Морская рыба отряда угрей. 35. Столица автономной советской республики. 36. Курорт в Краснодарском крае.

По вертикали:

1. Рассказ М. Горького. 2. Приток Припяти. 3. Цирковой жанр. 4. Употребление слова в переносном значении, троп. 5. Вид спортивной борьбы. 6. Роман Ф. М. Достоевского. 9. Озеро на юге Карелии. 11. Домашний голубь. 12. Народная артистка СССР, выступавшая в Малом театре. 16. Ударный музыкальный инструмент. 17. Один из героев романа Г. М. Маркова. 21. Народная артистка СССР, актриса Театра имени Моссовета. 22. Твердый электроизоляционный материал. 23. Город-герой. 24. Род декоративных лиан. 26. Французский писатель XIX века. 27. Северное созвездие. 31. Декоративное растение семейства вересковых. 32. Химический элемент, полупроводник.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
в № 3

По горизонтали:

9. Веретено. 10. Ушинский. 11. «Венера». 12. Алогей. 13. Нуакшот. 14. Карась. 16. Апатит. 18. Сазан. 21. Баккара. 22. Агрегат. 23. Лимон. 24. Яснотка. 26. Сопрано. 28. Такси. 31. Жерико. 34. Шторка. 36. Ворскла. 37. «Собака». 38. Плакат. 39. Салоники. 40. Детектор.

По вертикали:

1. Серенада. 2. Женева. 3. Герань. 4. «Полтава». 5. Кукушка. 6. Цитата. 7. Основа. 8. Кинетика. 15. «Спартак». 17. Парашют. 18. Салат. 19. Замок. 20. Нанси. 25. Стенолаз. 27. Некрасов. 29. Абразив. 30. Секунда. 32. Иванов. 33. Овация. 34. Шапито. 35. Очанка.

Привиделся казавку сон тревожный: будто любимый и верный вороной его конь адрут под ним разыгрался, расплескался, разрезвился, и налетели адрут с востока злые ветры, и сорвали черную шапку с буйной его головушки.

Сказывает народ, что видел такой сон пихой казачий атаман Степан Разин, водивший в далекие времена вольные челны по раздольям донским и волжским, губивший богатых лиходева заступавшийся за сирых и обездоленных. Лютою казною казнили за то богатен удалого Степана. И вот с тех самых времен живет в народе песня о трагическом пророческом сне, что пригрезился Разину незадолго до страшной его кончины: догадлиг был есаул атамана, сразу сумел он тот сон разгадать:

*«Ся, пропадет, он говорил,
Твоя буина голова...»*

стности сегодняшнего звучания старинных песен России.

Репертуар и манера Жанны — это тоже ее мироощущение, ее серьезное восприятие сегодняшнего дня, ответственность за все происходящее, за воспитание такой же ответственности в других, это ее любовь к людям, боль за них, стремление дать им возвышенные переживания, заставить вновь и вновь ужасаться насилию и тирании и восмощенно склониться перед прекрасным. Все это находит певича в русской крестьянской и городской песне.

— Для меня русская народная песня всегда и во всех вариантах будет неисчерпаемым кладом для раскрытия самых важных жизненных проблем. Нужно только уловить пути переизменения старого с современным, вынести из него то, что соединяет его с сегодняшним днем, пожалуй, даже с модой. Все, что опирается на подлинную народную основу (от самого фольклора до его трансформации в классике и эстраде) будет многократно изменяться трансформироваться, но жить вечно.

В этих словах ключ к исполнительскому стилю Жанны. В отличие от очень близко к подлиннику имитирующих народную песню фольклорных ансамблей и солистов (к которым она относится с исключительным уважением: «Все, что действительно хорошо, достойно признания») сама Бичевская именно трансформирует народную песню к современной манере. Но делает это со вкусом, с учетом специфики первоисточника, именно в нем находя возможности подобной трансформации. Несколько лет ездила она по селам, разыскивая народных павельниц, записывая с их голосов множество вариантов. Примары подлинного народного звучания — с карельским гортанным призывом или донским подголосочным витьем, с характерным диалгнтным говором артистка охотно показывает в концертах. В своих «осовремененных», обработанных для эстрады полуромансовых вариантах под семиструнку и шестиструнку она сохраняет главную особенность исконной

жизни народной песни: ее богатую импровизационность. И при этом красочно расцвечивает ее тем самым характерным для Дона узорчатым витьем, что на родине казаков издавна плели вокруг основной мелодии высокие подголоски-дисканты.

Ее имя знакомо сейчас любителям эстрады уже более двадцати стран. Во многих из них не раз гастролировала певича. В Японии и Франции выпущены ее пластинки. В СССР их разошлось уже больше четырех миллионов и недавно записана новая.

Ее радостно ждут во всех городах Советского Союза и ласково принимают за рубежом. «Хлеб наш нелегкий, — говорит Жанна. — Но я счастливая и богатая: у меня есть свой слушатель. Не случайный посетитель концертов, а именно мой слушатель: любящий русскую народную песню».

Эдда ЗАБАВСКИХ

МОЯ ЛЮБОВЬ — БАЛЛАДА

Уже в наше время записала эту старинную песню в станице Новочеркасской под Ростовом-на-Дону молодая певича Жанна Бичевская. Видно, это одна из любимых песен артистки, потому что часто открывает она ею свои многочисленные сольные концерты. И, как бы ни был велик зал, сразу затихает и, в единую пружину сжавшись, в унисон с певичей дышит и сопереживает. Слезы на глаза наворачиваются. Кажется, задышавшись от душевного перенапряжения.

Как бы уловив состояние слушателей, Жанна заводит другую песню. Тоже о трагическом пророчестве: о девушке, которой нагадала цыганка, что утонет она в день ее свадьбы. Утешал милый, уговаривал не верить в злое гаданье — да куда от судьбы уйдешь! На мосту перевернулась карета с молодыми — и вот уже:

*По Дону плывет казак молодой,
А дева, а дева — под мутной водой.*

Тоже трагедия, но более простая, бытовая, даже вроде бы обычная. По-прежнему тих и сочувствен зал. Аудитория в основном молодежная. Почему же так трогают молодых слушателей эти дивные истории о гаданьях, а которые сами они не верят, о насильственной выдаче замуж, о двадцатипятилетней рекрутине, о каторжном труде бурлаков? Обо всем этом они только по книгам знают. Завораживает красота и наполненность простых слов? Поражает жестокая правда, облаченная в нехитрую загадку пророчества или столь же затейливую бытовую историю? Восхищает широкий напев с тонкой нюансировкой? Или самая неожиданность сочетания крестьянской старинной песни с подчеркнито осовремененным гитарным аккомпанементом? Конечно, все так. Но околдовывает все это под воздействием личности исполнительницы: ее искренности, полной растворенности в рассказе о событиях, кажется, ей самую виденных и пережитых...

— Почему вы поете эти песни, Жанна?
— Потому что это мои песни. В народном творчестве я нахожу столько своего, столько женского, трагического, глубокого, истинного, что вряд ли это под силу описать самому великому философу. А настоящая правда, глубина, совершенство всегда живы, всегда сердца берет.

На сцене Жанна Бичевская всегда в черном. В принципе неудивительно: вполне в традициях шансонье. Но здесь дело не только в традиции: черное не траур, но строгость, вкупе с осанкой и сосредоточенностью лица усиливающая и облагораживающая через край бьющий надрыв. В этом проявляется элемент художественности, вкуса, стра-

Фото Александра ЗУДИНА